

A decorative border with symmetrical floral and scrollwork patterns in a dark green color, framing the central text.

Мы были суворовцами

**Николай Иванович
Теренченко**

SHOUT **IT**
SHARE

- Теренченко Николай Иванович

Теренченко Николай Иванович

Мы были суворовцами

Теренченко Николай Иванович

Мы были суворовцами

Ноахер: Весьма ценная книга. Автор интересно, ярко описывает жизнь в суворовском училище в годы Войны, стиль хорош, масса бытовых подробностей; прямо-таки энциклопедия жизни сталинских кадет (также, как первая часть воспоминаний Б.М. Шапошникова - энциклопедия николаевских юнкеров). Именно поэтому стал читать, а потом вчитался - и стиль хорош! В общем, господа, испытываю радость от того, что эту книгу могут теперь прочитать все - в отличие от бумажного варианта, который вряд ли бы кто обнаружил. Такие книги, как эта книга Теренченки - честные, без ура-патриотической трескотни и идеологического маразма - настоящая военная литература.

Аннотация: Повесть Николая Ивановича Теренченко "Мы были суворовцами" прекрасный подарок 50-летнему юбилею Новочеркасского суворовского военного училища. В силу военного лихолетья автор один из немногих находился в суворовском училище почти 11 лет, пройдя весь курс начальной и средней школы. Благодаря этому Н. И. Теренченко знал многих суворовцев, офицеров-воспитателей, преподавателей, сержантов, вольнонаемных работников, которым и посвящена эта книга. Он показал жизнь коллектива образно, без прикрас, такой, какой она сложилась в военные и послевоенные годы.

Содержание

Предисловие

Часть первая. На пороге жизни

1. Я вхожу в мир
2. Покушение на мою жизнь
3. Мои друзья - боевые мальчишки
4. Наши отцы и командиры
5. Строжайший и милейший Иван Иванович
6. Старшины - наши няни
7. Под Красным Знаменем
8. Первые потери
9. Наш Батя - генерал
10. Письма на родину
11. Уроки немецкого
12. На досуге
13. Открытие Суворова

Часть вторая. Становление

1. Будние дни
2. Дронов - наш друг и будущий кинорежиссер
3. Экскурсии
4. Моя дорогая мама
5. Из книг в жизнь
6. Первая любовь
7. Встречи с героями
8. Каникулы
9. Переезд
10. На досуге
11. День Победы!

Часть третья. Испытание на прочность

1. Наш дом - клокочущий котел
2. "Кадет на палочку надет"
3. Сила дружбы
4. Петушинные поединки
5. Испытания храбростью
6. Короли зеленого поля
7. Девушки со шпагами
8. Творчество
9. Еще каникулы

Часть четвертая. Поклон вам низкий

1. Майор Кравцов, биолог
2. Педагог Павлов
3. Милая Гамалеиха
4. Командир капитан Хованский
5. Старшина Занин
6. Изюмский, наш историк и летописец
7. Тонкий географ Зимовейский
8. Энциклопедический Костак
9. Климентьевич, учитель и автор учебников
10. Историк училища Мохнаткин
11. Ротный И. И. Пасечный
12. Весь в орденах Драгин

Предисловие

Повесть Николая Ивановича Теренченко "Мы были суворовцами" - прекрасный подарок 50-летнему юбилею Новочеркасского суворовского военного училища. В силу военного лихолетья автор один из немногих находился в суворовском училище почти 11 лет, пройдя весь курс начальной и средней школы. Благодаря этому Н. И. Теренченко знал многих суворовцев, офицеров-воспитателей, преподавателей, сержантов, вольнонаемных работников, которым и посвящена эта книга. Он

показал жизнь коллектива образно, без прикрас, такой, какой она сложилась в военные и послевоенные годы.

Автор верно разглядел и почувствовал напряженную работу городских организаций командования, всех работников училища по спасению мальчиков, потерявших родителей на фронтах Великой Отечественной войны. Спустя 50 лет можно сказать, что коллективу училища удалось воспитать преданных патриотов Родины. Многие его питомцы стали генералами, докторами и кандидатами наук, а кадровые офицеры в преобладающем большинстве получили высшее образование, стали полковниками Советской Армии. Как правило, закончили вузы и те, кто стал работать в народном хозяйстве. Жизнь суворовцев оказалась полноценной, состоявшейся. Поэтому автор с большой теплотой отмечает в своей повести многих своих наставников и тех, кого они воспитывали.

Предлагаемая повесть может быть хорошим подарком детям, внукам и правнукам бывших суворовцев, так как она правдиво рассказывает о том, как жили, трудились, добивались своего достойного места в жизни те, кто в детстве лишился родителей. Книга интересна каждому, кто ищет свою дорогу в жизни, и тем, кто помогает ее искать.

Книга - лишь первые очерки автора о суворовцах, поэтому весьма желательно, чтобы все, кто знает и помнит эти годы учебы в суворовском училище, дополнили ее новыми, сохраненными в памяти и сердце интересными и значительными материалами.

И. Глузук, В. Совайленко.

Часть первая. На пороге жизни

1. Я вхожу в мир

В поселке Гуково, где мы жили и где мои родители работали на шахте, часто звучали похоронные марши - хоронили погибших шахтеров. Эти тревожные и печальные мелодии сжимали мое детское сердце. Одна из них мне особенно запомнилась. Однажды она прозвучала из черной тарелки репродуктора. Я съезился от страха, а мама, заметив мой испуг, объяснила мне:

- Сыночек, это в Москве хоронят бабушку Крупскую, хорошую бабушку, жену самого хорошего в мире человека - дедушки Ленина.

Я задал маме вопрос: - Даже лучше нашего дедушки Тихона? Мама ответила: Да, лучше: - Лучше всех дедушек в мире!

Так я впервые услышал имя - Ленин.

А потом я уже знал стишок про Ленина и читал его в день первых выборов в Верховный Совет СССР в зале для голосования, куда мы ходили вместе с мамой и папой.

Ленин, Ленин, дорогой!

Ты лежишь в земле сырой.

Я немного подрасту,

В твою партию вступлю!

Так с раннего детства нас, ребяташек 30-х годов, приобщали к величайшим понятиям: Красная звезда, Серп и Молот, Ленин и Партия. И это впитывалось нами так же естественно, как дуновение свежего ветра, вида цветов или листьев на деревьях. Теперь, к великому сожалению, мало кто из детей начальных классов знает, что такое "Синяя блуза", что означает гордое приветствие "Рот-Фронт", которым обменивались при встречах наши молодые папы и мамы. Носить на своих детских вихрах сшитую мамой незатейливую синюю кепочку, называемую гордо "тельмановкой", было в ту пору пределом мечтаний юного гражданина страны Сонетов.

Пишу эти строки с горечью, ибо предвижу скептические улыбки некоторых моих современников конца 80-х годов, для которых все эти святые для нас понятия так и остались пустым, ничего не значащим звуком нашей далеко не простой истории.

Мы шли под грохот канонады,

Мы смерти глядели в лицо.

Вперед пробивались отряды

Спартакowцев, верных бойцов.

Эту песенку про немецкого мальчика-барабанщика мы тоже распевали на наших прогулках и знали, кто такой Тельман, кто такие спартакowцы. Идеи пролетарской солидарности, интернационализма и большевизма входили в наши души и воспринимались нами так же просто и по-детски искренне, как хлеб, вода, как воздух.

Многие годы спустя, в середине 60-х годов, я оказался случайным свидетелем необычайной для моего восприятия картины. В одном молитвенном доме юная мама, распевая священные псалмы, складывала ладошки своей дочке. И маленькая, полутора-двухгодовалая кроха, молитвенно сложив на груди ручонки, славно что-то гудела. Ее голосок вплетался в общее песнопение взрослых верующих.

И я подумал тогда: "Кем вырастет эта девочка? Хорошим человеком, добродетельной матерью? Скорее всего да. Но будет ли она Лизой Чайкиной, Любашей Шевцовой, Зоей Космодемьянской в тяжкую для Родины годину? Я не уверен в этом!"

Я уважаю религию предков. Сам крещен в святой купели и осенен крестом во младенчестве русским попом в православной церкви. Дважды прочитал библию и уразумел, что это величайшая книга всех времен и народов. Но ни умом, ни

сердцем не приемлю их веру в то, чего никто никогда из них не видел, а если и видел, то уже никогда не расскажет об этом другим.

И пусть не осудят меня верующие и неверующие за мои убеждения и идеалы, за светлую мечту о лучшей жизни на этой Земле в пусть еще и в далеком, коммунистическом будущем.

...Моя мама была очень доброй, сердобольной женщиной. В нашем поселке появился как-то пастушок-цыганенок лет 10 - 12-ти. Однажды мама обнаружила его спящим в нашем незапертом на ночь сарае, сжалилась над ним и привела в нашу маленькую квартиру. Она отмыла его в большом цинковом тазу, одела в какую-то одежонку, даже подстригла его кудрявую голову. Отмытый, с большими черными глазами, цыганенок оказался красивым мальчиком, и я даже приревновал его к маме, смотрел на него исподлобья. Он прожил у нас недолго, днем пас поселковых коз, а к вечеру приходил к нам на ночевку. Мама дала ему тетрадку, карандаш, найденный где-то потрепанный букварь. Малограмотная, она заставляла цыганенка писать палочки, крючочки, буквы, слова, вместе с ним читала по слогам букварь. Однажды поздним вечером я заглянул в нашу кухню, где горел свет. Мама с цыганчуком сидели за столом и, низко склонившись над букварем, старательно читали по слогам: "М-ы не р-а-б-ы- Ра-б-ы не м-ы!"

Добру и бескорыстию моей мамы, Марии Тихоновны, удивлялись и родственники, и знакомые, часто поругивали ее за это. А она только посмеивалась в ответ, досадливо отмахиваясь. Она подняла на ноги своих младших братьев и сестер, помогла получить образование. Помогала близким и дальним родичам, а то и просто знакомым, как могла и чем могла. А от людей ничего не имела. Бывало, ее, безграмотную, обманывали, за что мой батя, Иван Дмитриевич, часто на нее сердился. Иван Дмитриевич был малограмотным, но отличным работником. Он был самостоятелен и очень дотошен, знал много ремесел, страстно любил технику, особенно радио. Так научился разбираться в радиосхемах, что даже грамотные радиолюбители поражались его умению. Самостоятельно пытался разобраться в высшей математике, был вечно чем-то занят, очень любил литературу и в редкую свободную минуту вслух читал своей Мусе - нашей маме - какую-нибудь книжку. Мама была большой охотницей послушать Пушкина или Некрасова и часто вечерами просила отца почитать что-нибудь.

2. Покушение на мою жизнь

Началась война, о которой не могу вспомнить без содрогания. До марта 1943 года - вой снарядов, визг падающих

бомб, свист пуль над самым ухом. Отец был на фронте, а мать таскалась со мною, спасая меня и себя от пуль, бомб и голода. Ведь мы находились в самом центре битвы за Крым, Сталинград, Кавказ. Мне кажется, я был маленьким участником того потока беженцев, который показан в фильме "Молодая гвардия". Тот же летний зной, черный дым в полнеба, крики очумевших от зноя и страха людей, рвущиеся снаряды, трупы, кровь, идущие прямо на нас немецкие танки и смеющиеся рожи немецких солдат.

Так мы с мамой попали в окружение и почти год были в оккупации. Это было страшное время. Видел, как немцы вешали нашего танкиста, попавшего в плен, как резали ножами живого человека в лагере для военнопленных в нескольких сотнях метров от нашего жилища. Кидал нашим пленным за колючую проволоку свеклу, картошку. Немцы несколько раз в нас стреляли и одного моего товарища убили ударом приклада винтовки по голове. А когда Красная Армия вела бои за освобождение нашего городка (Гуково), этих пленных загнали в яр и всех расстреляли. Я видел этот яр, доверху наполненный их телами.

Единственной радостью тех страшных месяцев была злосчастная Раиса, наша рогатая кормилица и поилица, за которую я не раз был дран еще до войны за потраву на чужих огородах. Не знаю, каким чудом наша козочка уцелела в то страшное время, как ее, милую не слопали немцы, итальянцы или румыны? Мы с мамой носили ей листья из дальних балок, пожухлую траву, солому из растасканных в поле скирд. В благодарность она давала около литра молока и свой прекрасный серый пух. Мама вязала из него платки, варежки или носки и продавала или меняла их на продукты. Этим и поддерживала наше голодное существование.

... Чтобы не забыть один маленький, любопытный фактик из моего довоенного детства, вернусь к тем годам и снова к "Молодой Гвардии". Мне кажется, что я знал живого Олега Кошевого!

До войны мне посчастливилось встретиться с Олегом Кошевым. Летом 1940 года нас, шахтерских ребятишек, детсадовцев вывезли на дачу на реке Донец, выше города Каменска. Здесь работала одна тетенька, у которой был сын, паренек лет 14 - 15-ти. Мы очень любили его за то, что он относился к нам очень хорошо, играл с нами, находил время покатать на лодке по Донцу, читал нам книжки. Меня хотели выгнать с дачи за проказы, а он узнал об этом и как-то повлиял на администрацию - меня помиловали. Как звали паренька, не помню, но обличьем он уж больно был похож на Олега. Позже, будучи взрослым и интересуясь историей "Молодой Гвардии", я

прочитал воспоминания матери Олега Кошевого, где она упоминает о работе в то время в детском саду на берегу Донца в двух-трех километрах от Краснодона и о том, что Олег часто навещал ее и даже он несколько дней жил в этом детском саду. Так что я вполне уверен, что в детстве встречался с Олегом Кошевым, с которым разговаривал, кувыркался на траве, купался в Донце...

3. Мои друзья - боевые мальчишки

Летом 1943 года мой дядюшка Семен Дмитриевич, генерал авиации, находясь в командировке в Ростове-на-Дону, каким-то чудом вырвался в город Каменск, куда мы эвакуировались с мамой, нашел нас и, зная, что в стране создаются Суворовские военные училища, решил устроить меня в одно из них. Наступала пора самого светлого периода моей жизни. Все, что есть хорошего во мне - отличное образование, хорошее воспитание, нравственная и физическая закалка - все зарождалось и мужало там, в родном Новочеркасском суворовском военном училище! Всю жизнь буду благодарить свой народ, Коммунистическую партию за те прекрасные десять лет, что провел в НЧСВУ. Всю жизнь буду считать себя их великим должником. Смогу ли я расплатиться за свое прекрасное детство, юность в те трудные для Отечества военные и послевоенные годы?

И вот Николка, сорванец и задира, в ноябре 1943 года впервые увидел живого суворовца. Приехав в Новочеркасск и найдя училище, мы оказались у забора, около которого стояла большая толпа народа. Вытянув шеи, люди что-то разглядывали по ту сторону забора, на лицах любопытствующих были удивление и восхищение. Молча и зачарованно глядели они на то, что происходило за забором на училищном дворе. Я, воспользовавшись локтями и малым ростом, пробрался в первые ряды зевак и заглянул тоже во двор. Я увидел там сказочное чудо. Несколько групп мальчиков в черного цвета шинелях с игравшими на солнце пуговицами, в черных брюках с красными лампасами маршировали под команду офицеров. На плечах мальчишек были алые погоны ...

Притихший и подавленный увиденным, я выбрался из толпы и побрел за своим провожатым. Впервые в жизни я засомневался, достоин ли я, отпетый проказник, надеяться носить эту красивую черную форму с алыми погонами? Да и бабушка моя Оля всегда говорила, что из меня, уркагана, ничего не выйдет. Не знаю чем, но мой "уркаганский" вид понравился суровым дядям из приемной комиссии, и я был принят, к неопишуемой моей радости, в Суворовское училище.

Вступительных экзаменов не было, так как большинство

поступающих были из только что освобожденных из-под фашистского ига мест, а в оккупации - какая школа? Да и те, кто не был под оккупацией, мало чем отличались по своим знаниям от нас. Полуголодное существование, почти полное отсутствие внимания к детям со стороны родителей, занятых только одним делом - все для фронта, все для победы! - в такой обстановке учились почти все дети военного времени.

Трудно себе представить, какими были школы той поры: 40 - 50 учеников в классе в наспех приспособленных под школу помещениях, занятия в 2 - 3 смены, почти полное отсутствие учебников, тетрадей. Чернила делали из черных ягод. Ученик, обладавший в школе перышком "рондо", считался богачом.

Командование поступило мудро, принимая нас в училище без экзаменов. Конкурса по знаниям не было, был конкурс судеб.

С легким сердцем отправился я в пятидневный карантин, где более сотни таких же, как я, сорванцов с нетерпением ждали той же участи. Мы быстро перезнакомились и подружились. Первыми моими товарищами по суворовскому братству были Витя Федотов, Боря Кандыба, Юра Бирюков, Витя Стацюра. Там же, в карантине, который располагался в большом училищном спортзале, обращал на себя внимание паренек лет тринадцати, одетый в настоящую солдатскую форму с ефрейторскими погонами. На груди его красовалась, редкая в ту пору даже для взрослых, медаль "За отвагу". Это был Ваня Глухов, сын одного из боевых полков действующей армии. Ваня рассказывал нам, как под свист пуль и под обстрелом на боевых позициях он обезвреживал не один десяток мин. Он знал, почем фунт лиха, ибо не один раз глядел смерти в глаза.

Глухов держался несколько обособленно, чуть свысока смотря на нас, плохо управляемых пацанов. Был самостоятельным, независимым, но и простым парнем.

Таким он был в карантине, таким же оставался и все годы учебы в училище.

Там, же в карантине мы узнали о трагедии одного паренька, отца которого фашисты сожгли в его присутствии. Отец его был партизаном. Это был Семен Герман, также принятый в суворовцы.

Ходили легенды о мальчике, который сбил из станкового пулемета целую свору фашистских самолетов. Несколько позже легенда обрела реальные очертания в лице лопухого, ростом с меня суворовца Левы Лялько, десятилетнего гвардии ефрейтора. Историю Левы Лялько поведал писатель Иван Дмитриевич Василенко в своей книжке "Суворовцы", вышедший в начале 1945 года. ... "В училище о Леве Лялько узнали из объемистой тетради, которая однажды пришла с фронта. На тетради надпись: "Наш

воспитанник". А ниже приписка: "Одобрено всем личным составом бронепоезда". На бронепоезд к своему отцу, оружейному мастеру, маленький Лева прибыл с далекого Урала. Как он проехал эти тысячи километров до фронта, никто не знал. Мальчик был смелый и жизнерадостный. Он интересовался всем. У орудия говорил: "Дяденька, научи меня палить из пушки!" На паровозе упрасивал: "Дяденька, научи меня править паровозом!"

Но больше всего полюбился Лева пулемет. В один из дней случилось страшное в жизни Левы: его отца убила вражеская бомба. Широко открытыми глазами мальчик проводил носилки с телом отца, потом выпрямился и глянул на улетающих фашистских стервятников. Командир бронепоезда подошел к нему и сказал: "Ты сам отомстишь им, Лева! Зачисляю тебя нашим воспитанником. С сегодняшнего дня тебя начнут обучать пулеметной стрельбе."

Прошло несколько месяцев. За образцовую службу маленькому пулеметчику было присвоено звание ефрейтора. А потом началась расплата за отца.

Опять налетели вражеские самолеты. С бронепоезда открыли стрельбу. Припав к своему пулемету, Лева строчил по воющим "Юнкерсам". И вдруг из хвоста одного из них завихрилась черная струя дыма

Описывая в своей книжке "Суворовцы" наших героических мальчишек, принимавших непосредственное участие в Великой Отечественной войне, Василенко назвал одну из глав "Один из немногих". Она посвящена Ване Глухову, награжденному медалями "За отвагу", "За оборону Сталинграда" и "За боевые заслуги". Не могу согласиться с уважаемым мною автором потому, что таких, как Ваня Глухов, было много.

Сыновьями полков, сражавшихся на фронте, кроме Глухова Вани, были и другие: Лялько Лева, награжденный медалью "За боевые заслуги", Герман Семен, Пуховский Дима, Буслович Жора, Бондарь Вася, Кохан Володя, Кузнецов Женя, Лотошников Савва - связной партизанского отряда Югова (Трифонова), действовавшего в Ростове-на-Дону. Савва награжден медалью "Партизану Великой Отечественной войны" 2-й степени; Киселев Боря - партизан, награжденный медалью "Партизану Великой Отечественной войны" 2-й степени.

Десять юных воинов от десяти до тринадцати лет, осознанно участвовавших в боях за Родину! Это очень много для коллектива из 500 мальчишек от семи до четырнадцати лет.

Вот с такими героическими ребятами нам предстояло жить, учиться, набираться знаний и силенок для того, чтобы стать

такими же смелыми и бесстрашными, как они

Для нашего училища было предоставлено помещение по ул. Подтелкова, No 53/56.

1-го сентября 1943 года Новочеркасский горком партии и горисполком приняли постановление о немедленном ремонте помещения под Суворовское училище по ул. Подтелкова, предоставив во временное пользование здание Мелиоративного института по ул. Пушкинской, No 101 ...

В конце сентября на должность начальника НчСВУ прибыл гвардии генерал-майор Климентьев Василий Григорьевич, недавний командир дивизии.

14 ноября в училище прибыли первые шесть воспитанников:

Федоренко Н., Скрипников А., Глушко Георгий, Шамшура Иван, Шестаков Г. и Шестаков В. (однофамильцы).

С 14-го по 29 ноября в училище прибыло 626 мальчиков, из которых было зачислено в училище 507 человек. Время сказало им: "Ребята, отныне вы не просто мальчишки, а суворовцы-будущие офицеры!"

Попробуй в наше время проделать эту работу за 80 дней и ночей! Уверен, ничего не получилось бы. В условиях нашей нынешней действительности, НЕОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ выполнения не только данного слова или обязательства, но даже игнорирования республиканских постановлений правительства найдутся тысячи причин, из-за которых подобная работа была бы обречена на полный провал.

Вспоминая этот факт из исторического прошлого нашего Отечества, я всегда мысленно снимаю шляпу и низко, поясню кланяюсь тем безызвестным людям строителям и швеям, учителям и военным, советским и партийным работникам тыла, проделавшим за 80 дней поистине фантастическую по нынешним временам работу, чтобы какая-то малая часть обездоленных детей страны Советов сумела спокойно жить и учиться в нормальных условиях тогдашнего сурового и трагического военного времени.

4. Наши отцы и командиры

А прием в суворовцы произошел уж больно буднично и прозаично.

Часть нас, мальчиков, прошедших карантин, одетых кто во что, с трудом построили в колонну трое офицеров и повели в городскую баню, где остригли "под Котовского" и отмыли с мылом. Многие из нас, малышей, чего греха таить, забыли, что такое мыло. Там же, в бане, нас переодели в новенькую суворовскую форму. Для многих те минуты переодевания были настоящим счастьем: ну-ка, после наших штопаных-перештопаных лохмотьев да надеть новенькое нижнее белье, а

поверх него свежо пахнущую черную суконную гимнастерку и такие же брюки навывпуск с красными лампасами, шинель, черную шапку-ушанку с настоящей красной звездочкой, подпоясаться солдатским ремнем с красивой, блестящей бляхой!

Для большинства же ребят это переодевание было настоящей бедой. Как было не огорчаться, не отчаиваться Боре Кандыбе, коли брючки самого малого размера были длиннее его самого! Как не заливаться горькими слезами Саше Дудникову, когда, надев гимнастерку, он обнаружил, что она чуть ли не до самого пола! И таких "недомерков" было много. Рев, отчаянные слезы, обращенные к нашим командирам. "Товарищ командир! Мне форма велика-а-а!" - слышалось со всех сторон. Мальчишки боялись, что их заставят вновь надеть их старенькую одежонку, а этого так не хотелось! Уж больно хороша была суворовская форма!

С горем пополам экипировав своих будущих питомцев, офицеры-воспитатели вновь выстроили нас перед баней в колонну по четыре. Это был уже, хоть и с большой натяжкой, но настоящий воинский строй.

В баню привели маленьких оборванцев, а через пару часов, как по мановению волшебной палочки, на улице уже стояла колонна маленьких воинов.

Раздалась команда старшего командира: "Колонна, шагом марш!" И мы двинулись в долгий, далекий путь - длиною в целую жизнь.

Ничего, что шла эта колонна еще не в ногу, не беда, что твой маленький братишка, идя в общем суворовском строю, отдавал воинскую честь каждому проходящему военному левой рукой. Колонну замыкали трое старших, несших на своих крепких руках самых маленьких - Бориску Кандыбу, Сашуню Дудникова и Жору Пелиха (двух будущих полковников и кандидата технических наук), запеленатых в черную суворовскую форму с алыми погонами, ибо на улице была осенняя слякоть, а ребята были вдвое меньше своей суворовской формы.

Нас привели в огромную спальню на четвертом этаже училищного корпуса, где стояли в несколько рядов кровати, аккуратно заправленные шерстяными одеялами. Окна нашей спальни во многих местах были забиты фанерой, зато в ней было чисто и уютно. На многие месяцы это помещение стало основным местом жизни, досуга и отдыха нашей младшей роты, так называемого младшего подготовительного класса пятидесяти пяти мальчишек семи-десяти лет.

Необычность обстановки и нашего положения в этой, совсем новой для всех нас жизни конечно же в первые месяцы угнетала

нас. Были и уныние, и слезы, и тоска по маме и оставшимся дома младшим сестренкам и братишкам.

Вот как вспоминает первые месяцы нашего суворовского бытия "молодой, коренастый офицер" (!?) - наш любимый ротный Иван Иванович Чичигин в книге Ивана Дмитриевича Василенко "Суворовцы":

"В сущности, они в училище, так сказать, сверх плана. Приемный возраст 10 лет. Но война. Многие дети погибших (222 из 507 мальчишек были круглыми сиротами) оказались в тяжелом положении. Пришлось открыть два подготовительных отделения. Среди принятых были даже семилетки (как впоследствии оказалось, среди нас были даже шестилетки). Потребовалось 3 - 4 месяца прежде, чем малыши научились заправлять гимнастерки, зашнуровывать ботинки, затягивать ремни. Добудиться их было действительно невозможно. Только немногие поднимались сразу, остальные, услышав трубу, еще крепче закутывались в одеяло и их трудно было развернуть..."

Все верно в воспоминаниях Ивана Ивановича. Могу от семидесятилетних его питомцев добавить лишь свое изумление: сколько мы, малыши младших классов, доставили хлопот нашим первым офицерам-воспитателям!

Люди собрали сюда из порушенного войною громадного края нас, познавших и муки голода, и холод. Что мы, дети военного времени, ели в ту пору?

В страшную зиму январско-мартовских боев 1943 года, когда Красная Армия освобождала наш маленький городишко Каменск, стоящий на берегу реки Донец, я лежал в бреду и беспамятстве от крупозного воспаления легких. Лишь горькие слезы мамы, холодные компрессы на моем горевшем огнем лбу, да отчаянные молитвы, с которыми она в голос обращалась к Господу Богу, очевидно спасли угасающий во мне огонек жизни. А когда кризис миновал и я очнулся, пришло чувство голода. Мне очень хотелось есть. Чтобы чем-то накормить меня, мама оставляла меня одного, а сама исчезала. Она возвращалась ко мне, слабому, голодному, сжавшемуся под ворохом тряпья от страха за нее и себя, возвращалась из грохочущей взрывами снарядов и воем бомб жизни и приносила еду. Однажды она принесла большой, мерзлый, дурно пахнущий кусок конины, из которого сварила суп.

Весь 1943 год, вплоть до поступления в Новочеркасское Суворовское военное училище, мне постоянно хотелось есть. Из того голодного, страшного периода моего детства, помнится, самым большим для меня лакомством, как и для всей детворы нашего края, был кусок макухи - подсолнечного жмыха, который

изредка где-нибудь добывала моя мама.

Неудивительно, что в первые дни и даже месяцы нашей суворовской жизни мы никак не могли наесться, хотя нас и отменно кормили. Как голодные галчата, набрасывались мы на еду, доотвала набивали свои желудки, припрятывая оставшийся от еды хлеб в свои карманы, чтобы съесть его в часы занятий или на досуге.

Детский организм, привыкший в течение долгого времени к голодному рациону, очевидно, не справлялся с таким обилием пищи, и многие из нас заболели, поносили. Не хватало терпения добежать до общей уборной во дворе. Особенно туго приходилось таким несчастным в сыкотные и холодные ночи конца 1943-го и начала 1944 года, когда нужно было сонному надеть ботинки на босу ногу, свою шинелишку и галопом, под бурчание в животе бежать во двор. Куда проще было забежать в теплую шинельную рядом с нашей спальней и "поставить там мину". И смех, и грех!

Очень многие из нас - будущие генералы и полковники, моряки и доктора наук - по ночам "удили рыбу". В особенно холодные ночи в помещении спальни была бодрящая температура, и нас укладывали спать по несколько человек на сдвинутые койки, укрывая поверх одеял нашими шинелями, а то и матрасами. Встать ночью по малой нужде и сбегать в умывальную комнату, где стояла поставленная на ночь параша, было для нас, хилых и сонных, намаевавшихся за весь долгий день, великим мучением! И поэтому дежурный офицер-воспитатель всю ночь должен был будить нас и неумолимо заставлять сбегать в умывальную комнату, многих брал на руки и сам туда относил.

В нашей огромной спальне, благодаря заботам офицеров-воспитателей, старшин и нашим, пока еще неумелым, стараниям были порядок и чистота.

Через 2 - 3 месяца ни уныния, ни рева не было. К тому же с первых минут нашей новой жизни мы попали в молодые, сильные руки наших пяти воспитателей трех офицеров и двух старшин. Эти парни, фронтовики, прошедшие огонь и шквал боев, знавшие почем фунт лиха, теперь денно и ночно не спускали глаз своих с нас, малышей. Убежден, что никто так не любит детишек, кроме, разумеется, женщины-матери, как люди, пришедшие с фронта.

Первыми нашими воспитателями были офицеры-фронтовики, имевшие довоенный педагогический опыт. Это были в большинстве своем люди, искалеченные войной, контуженные или тяжелораненые, здоровье которых не позволяло отправить их снова на фронт. Два офицера-воспитателя, старший лейтенант Гаврилов и старший лейтенант Маняк, и командир роты капитан Чичигин были и нашими наставниками, и нашими папами-

мамами, и няньками одновременно. О них я всегда вспоминаю с огромной любовью и восхищением.

Старший лейтенант Гаврилов, награжденный медалью "За отвагу", очень любил нас, мальчишек. У этого человека всегда находилось время поговорить с нами, почитать сказку, а чаще всего рассказать нам о героизме наших бойцов на фронте. Ведь мы были детьми войны и чутко прислушивались к сводкам Совинформбюро, к каждой весточке с фронта. Гаврилов учил нас всему: пришивать подворотнички, стирать носовые платки и пользоваться ими. Многие из нас не умели пользоваться даже туалетной бумагой, и наши строгие воспитатели и их помощники старшины внушительно, но не жестоко, отчитывали каждого, у кого на кальсонах появлялись "лисички". Гаврилов ненавязчиво, спокойно объяснял, показывал, терпение и такт этого замечательного человека были неиссякаемы. Пробыл он у нас три самых трудных месяца и все рвался на фронт, чтобы отомстить за погибшую жену и двоих маленьких сыновей. Все эти месяцы Гаврилов бомбардировал начальство рапортами, добился своего и ушел на фронт, где пал смертью героя, оставив в наших душах память о нем да детскую любовь.

Точно таким же был мой командир взвода старший лейтенант Маняк. Смуглый лицом, стройный и красивый, как кубанский казак, строгий и в то же время нежный. Как мы любили этого человека, как льнули к нему! Сколько фотографий в старых альбомах хранятся у детей и внуков бывших суворовцев нашего младшего подготовительного класса, где в суворовской форме сидят, прильнув к молодому офицеру, мои друзья и товарищи! В конце зимы 1944 года Маняк подошел ко мне и сказал: "Коля, одевайся и пойдем со мной в город. Твоя мама просила, чтобы ты сфотографировался и выслал ей фотографию". Так появился в моей семье и у моих многочисленных родственников мой первый суворовский снимок, где я, пухлый, щекастый суворовец, прижался к плечу нашего Маняка.

Многие из нас подходили к нему и стеснительно обращались строго по уставу: "Товарищ старший лейтенант, разрешите мне называть Вас папой!" Леонид Абрамович (так звали нашего Маняка), хлопая длинными ресницами, прикрывавшими красные от недосыпания глаза, совсем не по уставному отвечал очередному мальцу: "Ну что ж, сынок, разрешаю!".

Однажды очередной "сынок", Витя Федотов, спросил нашего взводного: "Папа, старший лейтенант Маняк, а почему у Вас всегда красные глаза?" Маняк рассмеялся и ответил: "Та цэ ж я вас, сынков, по ночам караулю!".

И это было правдой, в чем я самолично убедился.

Мы знали, что наши офицеры и старшины сутками проводят время вместе с нами и берутся весь день, обучая и приводя нас в божеский вид. Как же должны были уставать наши молодые воспитатели за целые сутки напряженного труда, полного огромной ответственности и забот за жизнь ребятишек!

Однажды Витя Федотов, мой закадычный дружок, с которым сидел я за одной партой и спал рядом, предложил мне дневалить всю ночь вместо нашего Маняка. Я без колебаний согласился. После отбоя, когда все улеглись на покой, мы сказали Леониду Абрамовичу, ходившему вдоль кроватей и ворчливо увещевавшему неугомонных утихомириться и спать: "Товарищ старший лейтенант, спите эту ночь спокойно, мы за Вас подневалим. Даем Вам честное суворовское слово, не уснем до утра". Он шикнул на нас и приказал спать. Мы, смежив веки, сделали вид что спим, а сами следили за ним. Наконец, все утихло, а Маняк все ходил по рядам, заботливо укрывая уснувших. Но вот он шумно вздохнул, с хрустом потянулся и нырнул в маленькую каптерку за тонкой фанерной перегородкой. Скрипнула сетка солдатской кровати, потом раздался здоровый храп.

Мы честно бодрствовали с Витей, рассказывали друг другу страшные истории, безбожно фантазировали, как бы мы героически сражались с фашистами, если бы попали на фронт. А зимняя ночь давила на веки, раздирала в зевоте рот. Мы начали щипать друг друга, упрекать друг друга в слабости, в нечестности желания уснуть и прочих мальчишеских грехах. А ночь тянулась так медленно! И тогда мы вскакивали с наших постелей и начинали бегать по проходу между кроватей, делать различные упражнения, чтобы разогнать сон.

Не знаю, сколько времени продолжалось наше дневальство, но вот за тонкой перегородкой каптерки храп внезапно прекратился, скрипнула дверь и на пороге появился наш офицер-воспитатель. А утром, на общем построении, Маняк распекал перед всей ротой двух сонь, позволивших себе роскошь - спать, как "слоны в тропическом лесу" и проспав все на свете - и подъем, и физзарядку. Перед строем роты, низко опустив повинные стриженные головы, стояли двое злостных нарушителей воинской дисциплины. Нам было стыдно, что мы оказались такими слабыми и не смогли подняться после дежурства.

Будущему моряку дальнего плавания Коле Теренченко было в ту пору чуть больше десяти лет, а будущему полковнику Витюшке Федотову только что исполнилось восемь.

...Сколько ты ночей вот так вскакивал по многу раз за ночь, дорогой наш командир и отец, чтобы пройтись по рядам

безмятежно спавших многочисленных твоих сынков, заботливо укрыть распроставшихся во сне, осторожно разбудить тех, кого нужно было сонного отнести к ночной параше, а таких было немало! Уже тогда, в зимние дни и ночи конца 1943-го и начала 1944 года в твоей буйной шевелюре появилась заметная седина. Какими золотыми звездами измерить твой повседневный подвиг на протяжении многих лет, в которые ты пестовал и лелеял своих питомцев?

И когда ты уходил от нас по приказу сверху, летом 44-го, чтобы заменить в одной из старших рот ушедшего на фронт офицера, горю нашему не было предела. Мы всем взводом втолкнули тебя в наш класс, забаррикадировали дверь и на приказ извне открыть ее отвечали дружным ревом. И на твоих глазах были скупые мужские слезы. Только твоим обещаниям не забывать нас мы вняли, подчинились и отпустили тебя, навсегда оставив в своих мальчишеских душах.

.. Спустя 45 лет, в декабре 1988 года, на встрече суворовцев-новочеркасцев, я видел группу полковников, одного генерала, почтительно беседовавших с крепким еще пожилым мужчиной с совершенно седой шевелюрой. Это был наш Маняк, наш Отец и Командир. Земной поклон Вам, дорогой Леонид Абрамович, и многие лета жизни! Живите еще долго, долго!

5. Строжайший и милейший Иван Иванович

Другим нашим кумиром был милейший Иван Иванович Чичигин, командир нашей младшей роты, капитан, талантливый педагог и воспитатель по призванию. Был он маленького росточка, но на голову выше самых высоких наших ребят - Валентина Баканова и Виталия Чучукина. Поначалу для нас, мелюзги, Чичигин казался высоким. Это потом, когда мы выросли и превратились в здоровенных парней, за нашими спинами Иван Иванович был совершенно не виден. Его маленькие глазки серого цвета, казалось, все замечали и всегда были доброжелательными. Великолепный сократовский лоб с мелкими морщинами украшал невзрачное личико нашего ротного. Его знаменитые круглые очки в целлофановой оправе с одной дужкой (вместо второй была веревочная петля) стали притчей во языцех. И мы, часто озоруя, ротой скандировали: "На стене висят Чичигина очки, рота, ап-чи!" Это вызывало недовольство наших командиров, которые, чтобы утихомирить нас, зычно кричали: "Прекратить безобразие! Р-ро-тта, смир-но! Строевым мар-р-ш!".

Но иногда, доведенный до белого каления нашими дерзкими шалостями, Иван Иванович был страшен. Его маленькие глазки, пылавшие гневом и возмущением, казалось, вот-вот выскочат из орбит, его наклоненный вперед корпус зловеще нависал над

проказником, трясущиеся руки он прятал за спину и зловеще, погусачиному, шипел сквозь зубы: "Что ж это ты говоришь, сосунок?"

"Сосунок" - любимое ругательное слово Ивана Ивановича. Иногда оно буквально испепеляло, но гораздо чаще ласкало наши уши. Тогда его маленькие глазки добродушно щурились, из них на нас, несмышленишей, лились ласка и любовь. "Эх вы-и, сосунги-и!" - почти пел он своим тенорком. И нам было приятно слышать самое ругательное слово нашего ротного.

Высокообразованный офицер, отличный педагог, он, помимо того, что был командиром нашей младшей роты, преподавал в старших классах историю СССР, географию, часто читал лекции не только в нашем училище, но и в городе, выступая перед рабочими и студентами. И в первой книжке о суворовцах, написанной Иваном Дмитриевичем Василенко, вкратце рассказывающей о нашем НЧСВУ, о моих товарищах, наших офицерах и педагогах, часто упоминается наш ротный Иван Иванович.

Кстати, эта книжка "Суворовцы" была одной из первых публикаций в нашей стране о жизни суворовцев. Чичигин был описан и в известной повести Бориса Васильевича Изюмского "Алые погоны" в начале 50-х годов (об Изюмском рассказ впереди) под фамилией майора Тутукина.

Иван Иванович, помимо всего прочего, был хорошим баянистом, обладал приятным тенорком. И очень часто по вечерам, когда во всем громадном здании училища гасло электричество и зажигались керосиновые лампы, а чаще стеариновые свечи, темнота собирала в одном углу спальни нас, малышей, и мы пели под аккомпанемент баяна Ивана Ивановича наши любимые песни "Прощай, любимый город", "Три танкиста". Особенно нам полюбилась песня, которую мы пели чаще других вместе с офицерами и старшинами:

Когда мы покидали свой любимый край
И молча уходили на Восток,
Над синим Доном, под старым кленом,
Маячил долго твой платок...

Благодаря умению Ивана Ивановича Чичигина сплотить вокруг себя нас, его питомцев, его баяну и любви к музыке, зародилась в нашем училище художественная самодеятельность, ядром которой была рота "писклят" во главе с нашим капитаном.

По прошествии восьми лет Иван Иванович был переведен в Тамбовское суворовское училище. Последний год командуя нашей ротой, подполковник Чичигин очень любил на вечерних проверках прохаживаться, заложив руки за спину, вдоль нашего

строя. Задумчивыми глазами, не замечая наших переглядов, смотрел сквозь свои знаменитые очки на своих "сосунков" постаревший наш командир и педагог. Он, казалось, весь уходил в себя, не слыша ни голоса дежурного офицера, ни голосов своих питомцев. Чтобы посмотреть некоторым в лицо, Иван Иванович задира голову вверх, ведь вся рота была выше его ростом. Вот стоит на правом фланге Саша Кулешов, Дима Стролькин, Витя Судья, Миша Сычев. И все как на подбор, богатыри-гимнасты, борцы, штангисты, боксеры. А вот Валя Свечинский, Боря Штанько, два Жоры рядом - Пелих и Корень. Боже мой! Ведь совсем недавно они были такими маленькими, болезненными, подолгу лежали в санчасти со своими ангинами и свинками! Казалось, еще вчера они занимали отвоеванное для него место в кинозале и наперебой звали к себе. Ссорились, ругались за право сидеть рядом с ним, а при демонстрации фильма, во тьме прижимались к нему, гладили по рукаву, а то и по лысой его голове...

Вытянувшись по струнке, стоит стройный юноша, Виктор Стацюра, общий любимец роты, способный художник и ротный запевала. А ведь, кажется, немного лет назад он, ротный, чуть с ума не сошел, услышав летним днем 1944 года душераздирающий крик щупленького, смуглого, похожего на цыганенка Витюши Стацюры. Его ненароком ужалила пчела, когда он в одних трусиках играл в общей куче детворы. Да ведь куда ужалила! Не в лоб или нос, а в самое больное, интимное место мужчины - в яичко, отчего оно распухло и почернело. И пришлось ему, Чичигину, бегом, на руках нести своего семилетнего питомца, зашедшегося в крике от невыносимой боли, в училищную санчасть. А это было расстояние немалое. Иван Иванович даже ходил позади строя, как бы удостовераясь, тот ли это шкет, белобрысый Гузеев, принесший и ему, ротному, и всем офицерам столько беспокойства и хлопот. А сейчас ишь вымахал, настоящий гренадер!

Не знаю, так ли думал наш ротный или как-то иначе в эти минуты своего неслышного, задумчивого хождения перед замершим строем. Но рота стояла не шелохнувшись, строй еще более подтягивался, становился строже по мере приближения к нам этого человека. И вовсе не потому, что мы боялись укоризненного взгляда своего командира, упрека в нарушении заведенного порядка и дисциплины. Нет! Мы прекрасно понимали его состояние, боясь нарушить ход его мыслей, в которых, очевидно, было и торжество деяний рук его и гордость за нас, его питомцев.

6. Старшины - наши няни

...Не могу не вспомнить добрым словом двух старшин нашей роты - Евгения Петровича Жирнова и совсем еще молодого, тощего и длиннющего Владимира Занина. Они были незаменимыми помощниками наших офицеров-воспитателей. Именно на плечи этих парней легли нелегкие заботы о нашем быте. Это их стараниями наше спальное помещение, шинельная и туалетная комнаты выглядели чисто, вполне уютно, а в спальне сохранялась в большинстве своем сносная комнатная температура. Ну-ка, потаскай на четвертый этаж дрова, чтобы натопить огромную спальню, где вместо половины стекол была фанера! А сколько воды перетаскали они, чтобы наполнить умывальник в две дюжины сосков! Они занимались подгонкой нашего обмундирования, учили нас пришивать вечно отрывающиеся пуговицы, чистить их мелом, чтобы они блестели. Занимались и нашими носовыми платками, и нашими сопливыми носами.

Особенно за сопли доставалось нашему Левушке Козину от старшины Занина, который не выговаривал букву "к". "Суворовец Хозин", - обращался гнусавым голосом Занин к Козину, - "Зайдите хо мне в хаптерку". И наш Левушка понуро плелся в каптерку, чтобы выйти вскоре оттуда с зашитыми за какую-то провинность "харманами". "Суворовец Хозин, носовой платок служит не для того, чтобы чистить им ботинки, а для вашего сопливого носа!".

Старшины следили за нашим одеванием по утрам и вели на физзарядку или утреннюю прогулку. Постоянно рвущиеся шнурки, сами собою развязывающиеся тесемки от кальсон - тоже забота наших старшин. Они были и нашими истопниками, и кастаньянами, и няньками.

Мы любили нашего старшину Евгения Петровича Жирнова, несмотря на свою молодость, уже опытного, отважного разведчика, воевавшего с фашистами в горах Кавказа. Он был веселого, общительного нрава, если кто-либо из ребят захнычет, Жирнов сделает все, чтобы его успокоить и развеселить. Устраивал с нами шумные игры или рассказывал про войну. Запомнились рассказы Евгения Петровича с яркими, живыми подробностями о том, как он ходил в ночную разведку, как перебарывал свой страх перед горной темнотой, когда любой камень на горном тропе казался фрицем. О том, как он со своим товарищем спасли от неминуемой смерти молодую женщину, когда четверо фашистов, привязав ее к дереву, хотели над ней надругаться. Это от старшины Жирнова мы впервые узнали, как трудно заколоть человека кинжалом, даже если этот человек твой злейший враг...

7. Под Красным Знаменем

С трудом верится даже спустя 50 лет в то, что за один месяц стало возможным так организовать процесс обучения и воспитания ребят, что в день вручения Новочеркасскому суворовскому военному училищу Красного Знамени, все шесть рот, как один человек (разумеется, кроме больных), встали под Красное Знамя. Поистине титаническими стараниями и терпением двух офицеров и двух старшин удалось капитану Чичигину вывести в относительно армейском порядке горластую, беспокойную полусотню своих "писклят" на торжественное построение по случаю вручения училищу Красного Знамени 19 декабря 1943 года.

11 часов 45 минут. На аллее Пушкинской улицы фронтом к училищу состоялось торжественное построение. Заместитель Командующего СКВО генерал-лейтенант Сергеев вручил начальнику училища Красное Знамя. На параде присутствовали гости из Москвы, Ростова. Председатель облисполкома тов. Киларенко вручил подарок - портрет Суворова. Всем гостям и приглашенным были вручены красиво оформленные пригласительные билеты. Один такой билет как реликвия хранится в семье полковника Бориса Алексеевича Тимошенко (выпускника 1953 года). Билет завещан ему отцом, нашим преподавателем конной подготовки с первых дней образования училища. После парада в городском театре состоялось торжественное собрание, слушали доклад начальника училища генерала Климентьева В. Г. "О задачах Суворовских училищ". После торжественного обеда в училище смотрели кинофильм "Суворов".

25 марта 1944 года. Внезапно, посреди учебного дня трубач проиграл сигнал тревоги. По коридорам пронеслось: "В училище приехал маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный с проверкой! Приказано одеться и построиться у здания училища". Мы быстро и без лишней суеты оделись и выстроились на центральной аллее. Рапорт Буденному отдал краса и гордость училища, орденноносец богатырского роста командир 1-й роты капитан Литвиненко. Приняв рапорт, Семен Михайлович подошел к начальнику училища генералу Климентьеву, облобызался со своим старым товарищем, с которым вместе воевал еще в гражданскую. После небольшого митинга наш "Батя", генерал Климентьев, обратился к нам: "Суворовцы! Не ударим в грязь лицом, покажем нашу строевую выучку дорогим гостям и маршалу Буденному!".

И все училище под бурный марш стало проходить коробками мимо гостей. Семен Михайлович был восхищен подтянутостью, выправкой и строевой выучкой наших старших рот и от души

хохотал, когда мимо проходила, а, вернее, пробежала рысью последняя, наша рота. Дело в том, что у нас еще не было опыта прохождения общей колонной под духовой оркестр. Старшие роты шли нормальным шагом, а для мелюзги их один строевой шаг равнялся двум нашим. Наша рота в конце концов стала терять положенный интервал от идущих впереди. Чтобы как-то сохранить его, ряды нашей колонны вынуждены были увеличить шаг, и самым маленьким пришлось, придерживая штанишки с красными лампасами, бежать на рысях, догоняя остальных. Кто-то наступил на штанину впереди идущему и тот упал, но быстро поднялся. Вспотевшие, пунцовые от волнения пробежали мы перед хохочущим Буденным..

Через 22 года, в 1966 году, Виктор Иванович Дронов (выпускник НЧСВУ 1952 года, военный режиссер и кинооператор, при встрече с Буденным напомнил ему об этом посещении. Маршалу хорошо запомнился из этого парада эпизод, когда малыш-суворовец споткнулся и упал во время торжественного прохождения. "Штаны у него спустились - он и упал", - с улыбкой вспомнил Буденный.

А тогда, в мартовский туманный день 1944 года, Семен Михайлович написал на радость суворовцам и командирам в книге отзывов: "При посещении мною училища я был восхищен быстрым построением воспитанников по тревоге с соблюдением строевого порядка и формы одежды. Внешний вид, опрятность, выправка и ответы на приветствия заслуживают похвалы. Желаю воспитанникам-суворовцам целиком и полностью использовать для себя широкие возможности, предоставленные Советским Правительством, в деле получения общего образования и воспитания в духе преданности нашей Родине и Коммунистической партии. Желаю воспитанникам успехов и быть достойными офицерами своего Отечества и великих русских полководцев".

Так, в декабре 1943 года, став под свое боевое Красное Знамя, мы, мальчишки, опаленные войной, приобщились к великому воинскому братству. Вручением Знамени был признан статус нашего училища как воинской части.

В те далекие годы, когда я жил и учился под боевым Красным Знаменем Новочеркасского СВУ, я слышал две истории, сходных по своему смыслу и значению, отдаленных друг от друга более семисотлетним слоем времени. Первую историю рассказал нам наш замечательный педагог, преподаватель истории Борис Васильевич Изюмский на одном из своих уроков.

...Орды хана Батыя заливали кровью русскую землю. Сжигали покоренные города, истребляли русичей, не желавших идти в

татарскую кабалу. Однажды Батый наблюдал, как орда татарских конников, окружив немногочисленный отряд русских воинов, стала истреблять их. Один за другим падали русичи под ударами татарских сабель в неравном бою, пока не остался один. Совсем еще молодой, ловкий и сильный русский воин искусно защищался, поражая своих врагов. Все же участь его была предreshена, он об этом знал и все же продолжал яростно защищаться. Тогда грозный хан приказал своим воинам: "Этого смельчака не убивать, ко мне его живым! Я хочу посмотреть, из какого материала сердце русича!".

Кто-то из татар ловким ударом кривой сабли отсек руку русского воина вместе с мечом и его приволокли к Батыю. Перед тем, как вырвали из его груди сердце, синеглазый воин, шепча молитву, осенил себя обрубком правой руки. (Эту же историю я прочитал несколько лет назад в великолепном историческом эссе "Память" Владимира Чивилихина, к великому сожалению, уже покойного).

А вот другая история.

Весна 1945 года. Одна из советских дивизий, штурмовавших Берлин, натолкнулась на ожесточенное сопротивление фашистов и не могла продвинуться дальше. Задержка дивизии на этом участке грозила срыву всей операции. И тогда командир дивизии передал боевой приказ полкам: "Боевые Знамена на линию огня! Вперед, в атаку!". И боевые полки в порыве ринулись со своими знаменами вперед с криком "Ура!" Одному из знаменосцев осколком снаряда отрезало правую руку по самый локоть, а в этой руке он держал знамя полка, и оно упало на землю вместе с отрезанной рукой. И тогда знаменосец схватил свою отрезанную руку вместе со знаменем в левую руку, поднял знамя вверх и пошел навстречу пулям, пламени, к своему бессмертию!

Он был простым русским парнем, это я точно знаю, он остался жив и награжден орденом Ленина. Может, он и сейчас жив и находится среди нас, обыкновенный советский человек, с необыкновенной русской душой и сердцем.

Если ты жив, низкий поклон тебе, мой легендарный современник! Уж не прапрапрадядич ли ты тому русичу, который молился обрубком правой руки перед лютой смертью на глазах у жаждущего видеть живое русское сердце свирепого завоевателя?

Эту удивительную историю рассказал мне в июле 1946 года в Персияновских лагерях один молоденький старшина, участник штурма Берлина, очевидец этого необыкновенного случая, произошедшего в его дивизии.

Я обращаюсь к читающим эти строки. Дорогие соотечественники! Может быть, кто-либо из вас подскажет, где, в

каких изданиях, книгах зафиксирован этот удивительный случай человеческого порыва, гордость духа русича? Может быть, кто-либо из художников нарисовал картину, изображающую легендарного знаменосца в память и назидание потомкам? Так хочется верить, что этот эпизод из Великой Отечественной войны не будет забыт в памяти народной!

8. Первые потери

Вот на каких примерах воспитывались мы, суворовцы, под своим родным Красным Знаменем. И когда умер от менингита наш товарищ, совсем еще мальчик Витя Мышкин, мы провожали его в последний путь всем училищем, через весь город шли с нашим Красным Знаменем в траурном молчании. От той же болезни скончался не доживший полтора года до торжественного выпуска суворовец Тадиашвили. У Тодика (так мы его звали) не было родных, отец и все старшие братья погибли на фронте, мать умерла в войну, других родственников не было. Зато были несколько сот его братьев-суворовцев. Мы сами вырыли ему могилку, и лучшие из нас удостоились чести нести гроб с его телом. Мы покрыли его нашим суворовским стягом и дали трехкратный прощальный салют. На прощальной панихиде в числе немногих выступил офицер-воспитатель Тодика капитан Терсков Серафим Феофилакторович. Среди печальной тишины негромко звучал его голос, а из глаз катились слезы.

...Почти сорок лет спустя, в 1989 году, на очередной встрече суворовцев-новочеркасцев на трибуну вышел совсем пожилой мужчина, представился и рассказал, что все эти годы, он, Серафим Феофилакторович Терсков, из года в год ухаживал за могилкой рано ушедшего из жизни суворовца Тадиашвили, его питомца По призыву С. Ф. Терскова присутствующие в зале собрали нужную сумму денег на новый обелиск и оградку.

Разве могло быть иначе у питомцев Терскова, Маняка, Бовкуна, Изюмского и многих других наших воспитателей и педагогов, учивших нас из года в год отзывчивости, взаимопомощи, поддержке, уважению к памяти прошлого, верности своему Знамени?

...Так начиналась наша новая жизнь от подъема и до отбоя. Каждый день, окантованный жесткими рамками воинского распорядка дня и дисциплины, приносил что-то новое, захватывающе интересное, и мы жадно, глазами, ушами, всей душой впитывали каждый день нашего бытия.

Воинская дисциплина ни в коей мере не подавляла в нас все то, что присуще каждому ребенку-неумную тягу к движению, неугомонность, неистощимую любознательность. Стоило офицеру-воспитателю скомандовать: "Рота, вольно, разойтись!" -

как только что стоящий по струнке, подтянутый, красивый строй маленьких солдатиков превращался в галдящую, клокочущую ораву сорванцов, с которой наши офицеры и старшины справлялись с трудом.

9. Наш Батя - генерал

В снежную зиму начала 1944 года, когда строевые занятия проходили на училищном дворе и раздавалась команда на перерыв: "Рота, вольно, разойдись!" мы затевали снежные баталии и невольно переключали залпы наших снежков на своих командиров. Однажды, попав в такую ситуацию, наш взводный старший лейтенант Маняк, смеясь сказал нам: "Хлопцы, нехорошо всем нападать на одного, давайте взвод на взвод, только командиров, чур, беречь!" Какая жаркая баталия разгорелась на снежном плацу! Взвод Гаврилова старался напасть на нашего Маняка и свалить его; мы же отчаянно защищали своего командира и от ударов снежков, и от лезущих на нашу стенку гавриловцев. В азарте снежного сражения, забыв про все мы не услышали, как сигнальная труба оповестила о следующем часе занятий.

И вдруг раздалась зычная команда: "Смирно!" О, ужас! Перед нами стоял наш Батя, грозного вида усатый генерал Климентьев! Что там немая сцена из гоголевской комедий "Ревизор"!... Ни в какое сравнение не идет она с тем, что увидел бы посторонний наблюдатель, окажись он рядом с местом снежного побоища! Где кого застала грозная команда, там и приняли мы положение "смирно". Некоторые лежали на снегу, вытянув руки по швам. Запыхавшийся, весь в снегу, потерявший где-то в пылу сражения шапку, подбежал старший лейтенант Гаврилов с рапортом: "Товарищ генерал! Рота младшего подготовительного класса занимается строевой подготовкой!"

"Ну каковы же успехи в вашей, гм-гм-строевой подготовке?" Неловкое молчание. И вдруг генерал спросил: "И вообще, кто кого?" Глаза нашего Бати, озорно сощурившись, посматривали на нас. Мы поняли, что "раздолбона" не будет, стали подниматься с земли, смущенно отряхиваться, поправлять свою одежду.

И вдруг, неожиданно для нас, генерал, улыбаясь в свои буденновские усы, заявил нам:

"А что, мужики, кто собьет с меня папаху снежком, тот будет героем! Ну, кто самый смелый и ловкий?!".

Он стал от нас в некотором отдалении и, заложив руки за спину, стал подбадривать оробевших "мужиков" на героический поступок. Да-а, заробеть было отчего!

Наконец робость наша прошла, и мы стали по одному подходить к отмеченной черте и, старательно целясь, кидать

снежки в генеральскую папаху. И все мимо! Наш генерал стоял, как вкопанный, громко смеялся и называл нас "мазилами". А очередные стрелки, входя в азарт все мазали и мазали. Наконец, генерал скомандовал: "Стоп, пехота! Ну-ка, Гаврилов, теперь становись на мое место ты!".

Он подошел к утоптанному барьеру, снял перчатки, расстегнул генеральскую шинель, крикнул, ловко слепил снежок, прицелился в снисходительно улыбающуюся физиономию нашего взводного и с первого раза угодил снежком точно между глаз Гаврилова! Ликующее "Ура!" прокатилось по всему двору, а наш Батя стоял и заразительно смеялся. Отсмеявшись, он велел нам заниматься дальше и удалился. Такие вот были неуставные взаимоотношения между старшими и младшими, между подчиненными и командирами. Это еще что! Ребята старших рот впоследствии, между прочим, рассказывали, как однажды наш Батя, увидев игравших ребят, настоял на том, чтобы и его приняли в эту игру.

Игра состояла в том, что один из игравших становился поребятчи раком, а другой прыгал через него.

Не могу представить себе нашего Батю, солидной комплекции, стоящего в неподобающей генералу позе, а какого-нибудь паренька, вроде Пети Лысова, лихо скачущего через генеральскую спину! Ведь в азарте игры при неудачном прыжке можно было, позабыв о том, что играешь с генералом, дать под генеральский зад такого пенделя, что тот непременно бы зарылся носом в землю.

Таким был наш первый начальник училища, наш дорогой Батя генерал Василий Григорьевич Климентьев.

У него была сабля удивительной красоты, которую он надевал в торжественных случаях. Об этой сабле стоит рассказать подробно, ибо она принадлежала бухарскому эмиру и попала к нашему генералу не случайно.

В гражданскую войну войска Туркестанского фронта под командованием Михаила Васильевича Фрунзе наголову разбили армию бухарского эмира и принудили его к капитуляции. При подписании акта о капитуляции эмир по воинскому обычаю снял с пояса свою саблю и передал ее победителю, то есть Фрунзе. Михаил Васильевич стал разглядывать драгоценное оружие. Ножны сабли были украшены мелкими рубинами, переплетавшимися в сложный арабский рисунок, золотой эфес также был усыпан драгоценными камнями, клинок из дамасского синеватого булата был сработан лучшими мастерами Востока.

Любуясь драгоценным оружием и зная ему цену, Фрунзе вдруг раздумчиво спросил у окружающих его: "А что, товарищи,

если мы этот клинок подарим лучшему командиру Туркестанского фронта? Возражений не было, а лучшим командиром фронта оказался молодой взводный, отчаянный рубака, храбрый воин, будущий генерал Климентьев, наш Батя.

Иногда, по нашим просьбам, он давал возможность посмотреть этот клинок нам, его питомцам, и мы с восхищением любовались удивительной саблей. Этот клинок после кончины генерала Климентьева был передан на хранение в музей Советской Армии родственниками покойного, где клинок экспонируется и поныне.

10. Письма на Родину

...Классные комнаты, где мы проходили школьные азы наук, располагались в том же здании, только двумя этажами ниже. В них стояла бодрая комнатная температура, по помещениям гуляли сквозняки, и нас почти всех одолевала и насморк, и кашель. Учебников в первое время было крайне мало, на 3 - 4 человека один букварь и один задачник. Писали мы свои палочки, крючочки, буквы чаще карандашом на половинках тетрадного листа. А по вечерам усердно занимались 2 - 3 часа самоподготовкой. "Жу-жу", - мирно жужжал класс. Маняк ходил между партами, наклонялся то к одной, то к другой стриженной "пчеле", молча подправлял тот или иной крючочек, букву на тетрадном листе, так же молча брал чьи-либо хрупкие ребячьи плечи и выпрямлял их, чтобы не горбились за партой, правильно сидели при чтении или письме. Раз в десять дней на самоподготовке проходил вечер письма. Офицер-воспитатель раздавал нам по листку бумаги, а чаще всего бланк фронтового письма, представляющий собою лист бумаги, на одной стороне которого была картинка плакатного образца - танк, несущийся на врага, герой-летчик или пехотинец. Вверху справа надпись: "Смерть немецким оккупантам!" - и место для адреса. Внутренняя сторона листа - для короткого письма. Затем лист перегибался и склеивался нанесенным по краю клеем.

Мы усердно сопели над этими короткими, немудреными, по-детски наивными письмами своим мамам, передавая приветы своим сестренкам и братишкам, бабушкам и дедушкам, всем дальним и близким родственникам, друзьям и знакомым, даже Жучкам и котам Васькам. А в конце письма сообщали о своем отличном здоровье, самочувствии, хорошей учебе и желали всем того же. Маняк активно помогал нам в этом трудном деле и даже диктовал нам по слогам отдельные слова и фразы.

Когда внезапно гас свет, а это происходило очень часто, тогда на каждой парте ставился кусочек стеариновой свечи. Почти у

каждого из нас был свой кусочек свечи, с которым мы не расставались. Это была по тому времени большая ценность для нас - свет и свое маленько тепло, у которого можно было согреть озябшие руки и мокрый нос. И опять, как ни в чем ни бывало, мирное жужжание.

В те времена фильмов было мало, даже довоенных. И самым любимым фильмом ребят был "Чапаев", который я видел еще до войны, затем десятки раз в военное время и даже после войны. Этот фильм никогда не надоедал, и мы, мальчишки, знали его наизусть. Каждый жест Чапаева, Петьки и даже второстепенных героев фильма был изучен, каждое слово, целые монологи мы знали и могли повторить. И когда офицер-воспитатель выходил из класса, встает бывало, со своего места этакий "Чапай" лет семи-восьми и спрашивает своего товарища по парте; "А ну-ка, скажи мне, если белые наступают, где должен быть командир?"... Или другой "Чапай" говорит назидательно другу, разглядывая шишку на его лбу: "Ты ранен? Ну и дурак! Ты боевой красный командир и подставлять (пауза) свою голову под каждую дурацкую пулю (двойная пауза) не имеешь никакого права!"

Особый эффект вызывало следующее действие: нарушая мирную тишину, кто-либо вставал, резко, как выстрел, хлопал крышкой парты и петькиным голосом орал на весь класс: "Тихо, товарищи, "Чапай" думать будет!".

Новых картин было мало, и "Чапаев" все скакал и скакал на своем боевом коне в наши кинозалы. Когда дядя Саша (так звали нашего киномеханика) проходил мимо нас с коробками для кинолент, мы ему задавали традиционный вопрос: "Что привез, дядя Саша?" А он в ответ: "Чапаева". Кто-то из толпы: "А когда перестанешь возить "Чапаева?"- "Мальчишки! Как только Василий Иванович переплывет на ту сторону Урала, так сразу и перестану". Появлялась вера, что все-таки Чапаев переплывет! И шли вновь и вновь смотреть "Чапаева" с надеждой на чудо.

"Александр Невский", "Минин и Пожарский", "Богдан Хмельницкий", "Георгий Саакадзе", "Суворов", "Кутузов", "Щорс", "Котовский" - все эти фильмы сыграли большую роль в воспитании духа патриотизма, любви к нашей многонациональной советской Родине, к нашим далеким и близким героическим предкам не только в нас, суворовцах, но и у всей советской детворы, всего народа.

Да, подавляющее большинство моих сверстников жили в войну впроголодь, испытывая жесточайшие лишения, очень многие из них работали у станков, на колхозных полях, помогая взрослым ковать Великую Победу над фашизмом. А на нас с экранов кино глядели суровые лица наших далеких предков,

вливая в нас новые силы, поддерживая великую веру в торжество справедливости, силу разума и гуманизма.

Чудесное свойство настоящего искусства благотворно влиять на душу и сознание масс было сильнее офицерских речей и директив и помогало нашему многострадальному народу выдюжить, выжить в то военное лихолетье.

11. Уроки немецкого

Самым удивительным, запоминающимся было то, что с первого класса мы стали изучать иностранный язык. Наш взвод изучал немецкий язык, а гавриловский взвод английский. На класс было всего четыре учебника немецкого языка довоенного издания. Фамилия нашей первой преподавательницы немецкого тоже была немецкой Фогельсон Марта Яновна. Она была уже немолода и уж очень походила своим обличьем на мышь. Мы тут же окрестили ее деликатным немецким словом "Maus" (Мышь). Но как же Марта Яновна добра к нам, как терпелива в объяснении довольно сложного для усвоения материала! Иногда она расставляла нас по всему классу и играла с нами в незатейливые детские игры и все на немецком языке!

Только мы стали более или менее "шпрехать", как к нам пришла новая преподавательница. Это была поистине "железная немка" по фамилии Харламова. Среднего роста и возраста, плотная, очень энергичная и по-своему симпатичная. Ох,

и жучила же она нас! По восемь-десять человек успевала она спросить за один час урока, не забывая при этом объяснить и новый материал. Офицер-воспитатель схватился за голову, заглянув через неделю после ее прихода в классный журнал, - сплошные колы и двойки! Только что благополучный класс превратился в сплошных двоечников по немецкому языку.

- Ничего, ничего, у вас отличные, способные мальчики, - бодро успокаивала взводного наша "Харламиха", - я из них сделаю настоящих немцев!

А как она проводила свои уроки! Быстро войдя в класс и поздоровавшись с нами не по-уставному: - Здравствуйте, мальчики! - она, энергично потирая руки, как бы предвкушая удовольствие, с хода начинала опрашивать "мальчиков" по предыдущей теме. Вызывала к доске сразу четырех человек. Двоих с лицевой стороны доски заставляла спрягать по два-три глагола в настоящем и прошедшем времени, двое других на задней стороне доски-вертушки вспоминали склонение нескольких существительных мужского, женского и среднего рода. Задания этим четверым были даны так хитро, что ни списать, ни подсказать не было никакой возможности.

За подсказку она ставила непременно кол. Пока эти

"страдальцы" под неусыпным надзором "железной немки" отдувались у доски, она быстро опрашивала с места еще нескольких человек. Стоило кому-то задуматься и сделать большую паузу, следовал певучий голос: "Материла не знаете, ставлю вам "два". Одному "два", другому, третьему.

А как она боролась за наше произношение! Хваталась за голову, смеялась, вышучивая наше рязанско-саксонское произношение. И все остро, метко и, самое главное, не обидно.

В классе на ее уроках всегда стоял шум и гам, а то и веселый смех. Мы спорили с нею, укоряли за излишнюю требовательность и строгость, а она в ответ укоряла нас за леность и нежелание учить язык великого Гете, Шиллера и Маркса... "И Гитлера с Геббельсом", - ехидно ввернул кто-то в ее речь. "Врете, паршивцы!" - Харламова гневно стукнула кулаком по столу. "Ни Гитлер, ни Геббельс не определяют народ и его язык!". Это был один из редких случаев, когда мы видели нашу Харламову в большом гневе.

Однажды в класс вошел, привлеченный шумом, начальник учебной части в большом звании и строго спросил: "Что здесь происходит, почему в классе нет дисциплины?" Харламова, вытянувшись в струнку в таком же тоне произнесла: "В классе нормальная учебная обстановка, идет нормальный процесс обучения. Не мешайте мне, пожалуйста, покиньте класс!" Начальник молча покинул класс, а мы были поражены смелостью и независимостью нашей преподавательницы. В училище ходили слухи, что Харламова еще и не так отвечала некоторым начальникам педагогики, смело отстаивая методы и принципы обучения.

Она мало когда жаловалась на нас нашим командирам за наши порою дерзкие выходки, а мы, как ни странно, почему-то не обижались на нее за строгость к нам и многочисленные "двойки". Через некоторое время Харламову отозвали для работы на иностранном факультете нашего Новочеркасского политехнического института, и к нам пришел новый преподаватель немецкого языка, совсем еще молоденькая младший лейтенант Фридрих Мария Романовна. Она была поражена отличным знанием своего предмета в нашем классе, кого не спроси - быстрый и четкий ответ с почти правильным немецким литературным произношением.

Забегая вперед, хочу сказать, что преподавание иностранных языков немецкого, английского, французского было поставлено так же хорошо в нашем училище, как и остальных предметов. Иностранный язык котиrowался на уровне с математикой, физикой или литературой. С третьего класса мы стали сдавать

экзамены по всем предметам, в том числе по биологии, ботанике и, конечно же, по иностранному языку. Не сдавшие экзамена на осенней переэкзаменовке оставались на второй год, а чаще всего отчислялись из училища. Из года в год требования к знанию языка жестко повышалась. Мы обязаны были знать биографии своих великих предков: полководцев Суворова, Кутузова, биографии Ленина, Маркса - и обязательно свою биографию. Должны были знать по выбору несколько стихотворений великих немцев - Гете, Гейне, Шиллера, знали "Интернационал" на немецком языке.

Много внимания уделялось переводам газетного, журнального и в особенности военного текста. В конце обучения в Суворовском училище каждый урок иностранного языка от начала и до конца проводился только на иностранном языке.

Можно верить или не верить в написанное мною о преподавании иностранных языков в нашем Новочеркасском СВУ. Но вот архивные данные за 1962 год:

Пятнадцатый выпуск (последний)

Выпущено - 56 человек.

Медалистов - 16 человек.

В этом году, в соответствии с директивой УВУЗ от 26.03. 62 года за № 332, с 21 по 23 июня были проведены экзамены по английскому языку на получение квалификации военного переводчика. Из 18 человек, сдавших госэкзамены по английскому языку на "отлично", 11 человек выдержали экзамены и получили удостоверения!

Спустя многие годы после военной службы, работая моряком заграничного плавания и не раз бывая в Германии я, успевший уже многое позабыть из того, чему когда-то обучался, легко общался с немцами в повседневной жизни. Однажды я долго беседовал с одним немцем моего возраста. Говорили о жизни в наших странах, об обычаях. Затем перешли на искусство и литературу. Немецкий камрад выразил удивление, откуда советский моряк довольно неплохо знает "дойч"; знает даже Гейне и Гете. Я не стал рассказывать ему свою биографию на немецком очень многое бы пришлось рассказать моему немецкому современнику и о своем суворовском детстве, и военной молодости. На прощание мой собеседник вдруг спросил меня: "Скажите, камрад Николай, каково ваше кредо?" И я, совершенно не думая о том, правильно ли это, впадал или не впадал, без запинки отчеканил фразу, которую любил повторять Александр Васильевич Суворов: "Горжусь тем, что я русский!"

Мой интерес к серьезной музыке в тот ранний период моего детства страннейшим образом опять-таки связан с именем

Василия Ивановича Чапаева. В фильме "Чапаев" есть интересный эпизод: белогвардейский офицер - этакое свиное рыло - сидит и, закрыв в экстазе глаза, что-то играет на рояле. А денщик под эту музыку натирает паркет. Эта сценка у нас, мальчишек, вызывала взрыв смеха, поток острот. Как же, перед нами был злейший враг, сумевший так подло погубить Чапаева. Вот мы и кричали во время демонстрации этого эпизода: "Эй, ты, боров, а ну-ка хрюкни!". Но музыка, которую играл белогвардейский офицер, буквально завораживала, чем-то тревожила, рождала смутные ассоциации и волновала, заставляла задуматься. Было в ней что-то величавое, успокаивающее, и на душе становилось удивительно тихо и умиротворенно, как в лунном саду, где много цветов.

...Это была "Лунная соната" - бессмертное творение великого маэстро Бетховена. Чуть позднее мы познакомились с другой бетховенской мелодией увертюрой к трагедии "Эгмонт", которую разучивал наш училищный оркестр в Персияновских лагерях, готовясь участвовать в окружном смотре-конкурсе духовых оркестров. Помню, как над лагерем несется на многие версты окрест то величавая, то печальная, то гневно-тревожная мелодия. Первые несколько дней она вызывала у нас раздражение, но через неделю мы уже привыкли к ней, она несомненно полюбилась нам. А когда оркестр уехал на конкурс, как будто стало чего-то не хватать в нашей повседневной жизни. Не было "Эгмонта", не было Бетховена. Таково свойство настоящей великой музыки. После самоподготовки и ужина - наше личное время. Длинные, иногда морозные, а чаще слякотные вечера мы проводили в спальне, уже обжитой нами, ставшей для нас родным домом. Время это принадлежало всем нам и никому из нас в отдельности. Три месяца жизни одной большой семьей сделали свое дело. Время уныния, слез и тоски по дому родным и близким быстро прошло. К тому же слезы счиались у нас, как и у всех мальчишек, признаком слабости, а ведь мы мечтали быть сильными и смелыми. Поэтому, если кто и плакал от обиды, сильного ушиба или ненароком подмороженного пальца на лыжной прогулке, над плачущим подтрунивали.

Между прочим, самых маленьких наших товарищей мы любили, заботились о них и не обижали. Они жили среди нас в атмосфере негласной опеки, были нашими любимцами, даже баловнями и по прошествии многих, многих лет мы вспоминаем в первую очередь именно их, самых маленьких наших товарищей - Борису Кандыбу, Жору Пелиха, Сашуню Дудникова, Юру Денисова. Наверное, это можно объяснить тем, что любовь к нашим младшим братишкам и сестренкам, оставшимся дома, для

которых мы совсем недавно были и няньками, и защитниками, интуитивно переносилась на самых маленьких наших суворовчат ...

12. На досуге

В часы личного времени мы занимались делом - подшивали свежие подворотнички, стирали загрязненные носовые платки. Запас ниток с иглой мы всегда носили в лицевой стороне шапки или в фуражке - привычка, привитая нам нашими воспитателями на многие годы.

Нужно было надраить мелом латунные пуговицы на наших гимнастерках, шинелях и латунную бляху. На утреннее построение не станешь в нечищенных ботинках, старшины строго спрашивали с нас за наш затрапезный вид. А почистить ботинки по тогдашним временам тоже было проблемой. Гуталина не было, и в ход шла густая артиллерийская смазка, в которую мы добавляли уголь, графит, отчего сапожные щетки закоксувались и практически выходили из строя.

По вечерам нам читали газеты, журнал "Красный воин". Книг в первое время было мало. Большинство из нас читало по слогам, поэтому приходили к нам на помощь или офицеры-воспитатели, или наши юные агитаторы - Витя Стацюра или Юра Бирюков. Он читал бегло, без запинок, выразительно, правда немного шепелявил, но это не портило общего впечатления. Он был нашей гордостью и достопримечательностью: слабенький телом, с огромной головой, он всегда приходил на помощь офицеру-воспитателю или ротному в читке. Он обладал феноменальной памятью, его огромная голова (прозванная нами в шутку между собой почему-то "пивным котлом"), казалось, все знала, все понимала и помнила. И если кто чего не знал, но очень хотел узнать, тех отправляли к Бирюкову: "Спроси у Юрки, он все знает".

Лучшие наши начинающие поэты и художники Коля Шапошников, Юра Бирюков, Витя Стацюра вели ротную стенгазету "Суворовец".

Многие годы все стенгазеты всех шести рот НЧСВУ носили одно название "Суворовец". И хотя это вызывало справедливую критику со стороны взрослых и корректные попытки заставить нас изменить их название как-то по-другому, пооригинальней, негласно отвергались всеми ребятами. И годами висели на самых видных местах коридоров, ленинских комнат газеты только одного названия "Суваровец". Кстати, общеучилищная газета, которую редактировал офицер-воспитатель старшего подготовительного класса ст. лейтенант Глузук И. А., тоже называлась "Суворовец".

Как я уже упоминал, в помещениях часто гас электрический свет, и старенький баян Чичигина, издававший виды, собирал нас вокруг него. Мы пели фронтовые песни (а их было много): "Огонек", "Вьется в тесной печурке огонь", "Ой, Днипро, Днипро, ты широк могуч...", и конечно же нашу любимую "Когда мы покидали свой любимый край". Эта песня легла в основу концерта художественной самодеятельности, которую деятельно готовило все училище.

Концерт состоялся 8 апреля 1944 года. Открыла концерт наша младшая рота. В центре с баяном сидел Иван Иванович Чичигин, по бокам от него и сзади в несколько рядов его беспокойное воинство. Как мы старались! Бурными аплодисментами провожал зал каждую спетую маленькими певцами песню! Особенный успех выпал на долю песни "Вечер на рейде". Пели мы ее не совсем обычно. Иван Иванович играл вступление, а за сценой как бы издалека раздавался красивый баритон нашего офицера-воспитателя Маняка, певшего запев, а припев подхватывала вся рота.

В тот период у нас не было в роте художественного руководителя. Чичигин был и нашим учителем пения, и аккомпаниатором, и дирижером в одном лице.

Львиная доля аплодисментов досталась самому маленькому суворовцу училища Боре Кандыбе. Когда он строевым шагом вышел на нашу низенькую сцену, в зале поднялся шум, многие повставали с мест, чтобы разглядеть чтеца-декламатора. Послышались выкрики: "Не видно! Пусть станет на стул!" Пришлось улыбавшемуся Ивану Ивановичу вынести из-за кулис табурет и водрузить на него Бориску, отчего он "подрос" до роста капитана Чичигина.

Я в училище пришел, сразу смех кругом пошел:
Все сказали: маловато что-то росту для солдата,
Но когда мундир надел и за парту в классе сел,
Воспитатель-офицер ставить стал меня в пример:
"Он хотя и маленький, но зато удаленький,
Он хотя и небольшой, зато учится с душой!"
Раз пошли мы все в поход, а кругом шумит народ:
"Он от строя отобьется, на руках нести придется".
Тут оркестр ударил марш, четко шаг считает наш
И я слышу, как за мною говорят совсем другое:
"Он хотя и маленький, но зато удаленький,
Он хотя и небольшой, а шагает все ж с душой!"

Стихи были написаны специально для Бори сержантом Лариным по известному стихотворению Солодаря. Был в ту пору Боря Кандыба ростом 1 метр 5 сантиметров.

После нас выступили старшие ребята. Прекрасно сплясал "Казачка" Валентин Краснов из старшего подготовительного класса, Валико Гомелаури (ныне генерал-майор) спел на грузинском языке песню "Сулико", а в зале подхватили на русском. Юный армянин в национальном костюме под бубен исполнил армянский танец.

Кстати, о культе личности Сталина. Что мы, дети, в начале 1944 года знали о великом отце всех времен и народов? Да почти ничего! Нас воспитывали офицеры-фронтовики, молодые, образованные, ершистые, независимые. Командуя ротами, батальонами в битвах Великой Отечественной войны, они десятки раз смотрели в лицо смерти. Познавшие великое фронтовое братство, они знали цену и словам, и поступкам, и смертным людям, и богам. Они не могли не задуматься над событиями последних довоенных лет, трагедии 41 года. Мне кажется, наши офицеры-воспитатели оберегали наши детские души от того, во что сами интуитивно не верили, не могли верить, исходя из здравого смысла, из жизненного и фронтового опыта. Впрочем, если и были разговоры о Сталине, то велись они скупой и сухо, без подробностей, без подобиюстрастия, не оставляя заметного, яркого следа в наших душах, в нашей памяти.

13. Открытие Суворова

Имя Александра Васильевича Суворова было на устах и детей, и взрослых.

Образ Суворова пришел к нам с киноэкрана в довоенном фильме "Суворов". Все, что написано о великом русском полководце в печати, было разыскано и передано нам в училище. Чудом уцелевшие во время войны и оккупации нашего края старинные фолианты дореволюционных времен, цветные диапозитивы - все шло в ход. Не раз в годы нашей учебы в СВУ проходили общеучилищные конференции по изучению биографии и наследия Суворова. В них принимали участие все роты, весь педагогический коллектив училища, приглашались солидные ученые из Ростова и Москвы.

Очень хорошо помню одну из первых таких конференций. Училищный клуб забит до отказа. Малышня сидит на коленях взрослых ребят, в зале такая духота, что, несмотря на холодную погоду, пришлось открыть окна. Было несколько докладов, освещающих жизнь и деятельность полководца. Походы Суворова иллюстрировались показом цветных диапозитивов, которые проектировались на большое полотнище экрана. Генерал Климентьев, хорошо знавший биографию Суворова, его стратегию и тактику, становился у экрана, с резким визгом вынимал из драгоценных ножен клинок своей знаменитой сабли и острием

клинка, как указкой, показывал направление движения суворовских колонн во время перехода через Альпы. Конференция продолжалась несколько часов с перерывами и никто не сматывался с нее. Нам было интересно. Мы жадно ловили каждое слово лекторов, и не было слушателей благодарнее нас, ребятни. Обычно после таких конференций, шли десятки, сотни вопросов к нашим педагогам, офицерам-воспитателям, и они, превосходно образованные, высокоэрудированные, охотно делились с нами своими знаниями. Мы впитывали в себя суворовскую науку побеждать, его методы воспитания солдат. Знали про все его походы и победы, поражались его любви и жажде к знаниям. Ведь он был не только военным до мозга костей, но еще и отличным поэтом, историком, философом, знал около десятка языков, включая латинский, древнегреческий, читал на древнегреческом Гомера, Горация и Платона. Его неистощимую любовь к знаниям всегда подчеркивали наши педагоги.

"Знайте, суворовцы, - часто говорили нам, - таким, как Суворов, можно стать лишь тогда, когда будешь трудолюбив, настойчив и любознателен. Всегда помните завещанные вам, его потомкам, слова: "Потомство мое, возьми себе в пример героя древних времен. Иди за ним вослед, поравняйся, обгони - слава тебе!".

Эти слова, начертанные на большом полотнище, висевшем в центральном вестибюле нашего здания, повторялись в наших ротных стенгазетах. Ребята старших рот вычерчивали подробные схемы походов Суворова, всех его сражений. Они так дотошно изучали тактику сражений Александра Васильевича, что иные из них даже имели наглость критиковать некоторые (по их мнению) ошибки и просчеты великого полководца. В то время ходили слухи, что кто-то из старших ребят в пылу споров об этих "просчетах" Суворора даже набили друг другу физиономии!

Уж не Виктор ли Васильевич Скоков, будущий генерал-полковник, бывший командующий Прикарпатским военным округом, доказывал таким способом правоту своему оппоненту, будущему генерал-лейтенанту Андреевну Грач Амаяковичу, начальнику штаба Северо-Кавказского военного округа? Вполне вероятно, что так и было - мы все бредили в то время Суворовым!

Где-то были найдены рисунки образцов одежды всех родов войск суворовских времен. Все было красиво срисовано на большие листы картона и развешано по коридорам здания. Фантазия юных художников рисовала сражения при Фокшанах, на реке Рымник, взятие Измаила и т. д.

Суворовец Володя Ступников из первой роты одно из первых своих стихотворений посвятил Александру Васильевичу Суворову.

Хочется отметить очень любопытную особенность нашего тогдашнего суворовского воспитания: с нами не сюсюкали как с несмышленишками наши педагоги, воспитатели или лекторы в своих беседах, информациях или лекциях. Как взрослым людям, делались лекции или политинформации о положении на фронтах.

Мы не слышали в то время фраз типа: "Детки, мы хотим избавить вас от забот...", детки, мы хотим, чтобы у вас было счастливое детство..., детки, мы хотим сделать для вас... !

Нам говорили: "Суворовцы, вы живете в тяжкое для Родины время..., ваш долг..., несмотря ни на что, вы обязаны... Для вас, как в свое время для Суворова, не должно существовать слова "не могу", "не знаю" ...".

Мы воспринимали эти слова как должное и не по дням, а по часам взрослели...

В сентябре 1990 года мы с моим другом детства Виктором Федотовым, полковником запаса, поехали в Новочеркасск на 25-ю встречу суворовцев-новочеркасцев и остановились у его старенькой мамы, нашей тети Анечки, так мы ее называли всей ротой. Все та же крохотная квартирка, что и 45 лет назад, где часто бывали наши мамы, родственники, приезжая провести своих сыновей-суворовцев. Здесь побывала чуть ли не вся наша младшая рота. В увольнении, зная гостеприимный, хлебосольный характер Витиной мамы, мы часто забегали сюда попить чаю или перекусить что-нибудь вкусненькое. Порою ночевали у нее по 8 - 10 человек. Она стелила нам на полу, смеясь, приговаривала: "Ничего, ничего, всем места хватит, все поместитесь!".

Такой же, в мать, и наш Федотыч, приветливый, хлебосольный, бескорыстно помогающий многочисленным друзьям, однокашникам, знакомым, чем может. Только не в мать Виктор одним - насмешник, остер на язык, любит шутку, подначку.... Сколько же народа перебивало у Федотыча, приезжая в Москву по делам или проезжая через Москву транзитом! И попробуй не остановиться у него, не навестить или не позвонить! Узнает - насмешек в свой адрес не оберешься!

... Буквально накануне встречи, 15 сентября, Виктор, уйдя по своим делам в город, пришел домой сам не свой, чем-то расстроенный, и рассказал следующую историю, произошедшую с ним. В городе он повстречался с группой юношей и обратился к ним с каким-то вопросом, объяснив им, что он бывший военный и приехал сюда на встречу суворовцев. Один из парней на полном серьезе спросил у Виктора: "А Вы что, служили вместе с ним, этим Суворовым? Это хорошо, такие встречи нужны!". Федотов почувствовал, как его круглые глаза становятся квадратными, оглядел наших простых советских ребят, подумал, не розыгрыш

ли это? Нет, ребята были настроены вполне уважительно к солидному мужчине. Виктор поспешно распрощался с ними и пошел своей дорогой.

Вот так-то! Наши дети и внуки уже не знают, кем для нашего Отечества был Александр Васильевич Суворов!

Не пощечина ли это нам, их отцам и дедам, отдавшим свой талант, свои силы и здоровье без остатка армии, производству, за большими и малыми делами на благо Отечества, не удосужившимся объяснить, рассказать своим детям и внукам об исторических корнях нашей истории, литературы, о наших предках?

... Дни проходили за днями, становилось все теплее, наступала весна 1944 года. Мы с нетерпением ждали тепла, благодатного южного лета. Важным событием для всех нас, всего училища в один из первых дней июня была поездка в город Ростов-на-Дону.

Впереди училища шел, блестя надраенными трубами, оркестр, за музыкантами шел бравый генерал с буденновскими усами, придерживая рукою саблю необыкновенной красоты. За ним знаменосцы, возглавляемые капитаном Тимошенко, грудь которого украшали многие ордена и медали. И, наконец, стройные колонны юношей и мальчиков в суворовской форме - брюки навывпуск с красными лампасами, черные мундиры, подпоясанные ремнем, с золотыми галунами на воротниках и рядом сверкающих пуговиц, алые погоны, черные фуражки с красным околышем.

Это было красивое, эффективное зрелище! Пожалуй, ростовчане ничего подобного не видели с довоенных времен. Мы прошли по центральной улице сильно разрушенного, но прекрасного в молодой летней зелени южного города. Казалось, весь народ высыпал на мостовые и с изумлением взирал на нас. Восхищенные взгляды, даже слезы умиления и крики: "Ура суворовцам, будущим офицерам!" Мы шли в нашем общем училищном строю, четко печатая шаг. Вот оркестр заиграл мелодию песни, в центре колонны целый взвод начал запевать нашу строевую суворовскую:

Нас Родина-мать вдохновляет,
Растит нас советский народ.
Пусть каждый из нас зашагает
С суворовской песней вперед!
И все училище грянуло припев:
В учебе будем мы примером,
В строю покажем образцы,
Заветам Суворова - верны,

Чтоб Сталин сказал - молодцы!

Слова к этой песне написал наш первый суворовский поэт и музыкант, гордость нашего училища, старшина Ларин. Чья музыка к этой песне - точно сказать не могу, но мы считали ее Ларинской.

Часть вторая. Становление

1. Будние дни

В Ростове мы пробыли один день. Побывали в цирке, смотрели интересную программу с участием знаменитого Кио, сами дали несколько концертов художественной самодеятельности. Усталые, но довольные поездкой, поздно вечером того же дня вернулись в родной Новочеркасск. После войны наше училище каждый год в октябрьские и майские праздники ездило в Ростов для участия в торжественных парадах Северо-Кавказского военного округа.

И снова напряженные будни. Нас хорошо кормили, прекрасно одевали, все самое лучшее страна старалась дать детям. Отрывала от фронта, сэкономила на снарядах, танках, чтобы эти средства использовались на спасение от голода и нужды своего подрастающего поколения. И Родине-матери удалось это сделать.

Помню, как мы ликовали в конце весны 1944 года, когда все наше училище переобули в новые, красивые ботинки, присланные из США, как дар американского народа советским детям! Правда, радость наша несколько померкла, поскольку после первого же обильного дождя подметки этих ботиночек совершенно раскисли. Оказалось, что подметки были сделаны из прессованного картона. Дело поправили наши училищные умельцы-сапожники: Алексеев, Дукин и Доронин ловко прибавляли к американским ботинкам добротнее русские подметки из кожи. Мы были рады и этому, ведь дареному коню в зубы не смотрят. Зато американская тушенка, бекон, сгущенное молоко, яичный порошок, даже финики, которые шли в рисовую кашу, были отменны. И все это шло нам из США, как нам тогда говорили, безвозмездно. Однажды по какому-то случаю нам дали по шоколадке каждому, а на обертке надпись: "Маленький подарок Советским детям от евреев Мексики". Да, такое не забывается и никогда не забудется ни детьми той поры, ни нашим советским народом!

Зимний период обучения выявил недостатки нашего воспитания и обучения. Чтобы так напряженно заниматься, нужно было иметь крепкое ребячье здоровье, а этого как раз нам и не хватало. Ведь пришли мы сюда слабенькими, хилыми, отнюдь из сытой жизни. Хорошее питание, однако, не давало хорошего здоровья. Мы часто болели в слякотную, а порой и в морозную зиму и весну 1944 года. Наша маленькая санчасть во главе с

военным врачом майором мед. службы Янкиным и его верным помощником старшим лейтенантом Бестаевым всю зиму была переполнена болевшими ребятами. Мест в санчасти не хватало, и больных отправляли в военный, госпиталь.

Зиму мы занимались в основном в помещении, поэтому командование училища поставило перед коллективом задачу закалить ребят в период весенне-летнего обучения физически, сделав основной упор на занятия на свежем воздухе. Учебную программу было решено продлить до осени.

Семь часов утра. Горнист играет утренний подъем. Через несколько минут все училище в одних трусиках и ботинках выстраивалось на плацу для физзарядки. Под старинный полонез, который исполнял наш оркестр, мы делали физические упражнения, затем под кавалерийский марш Котовского пробежка вокруг плаца с постепенным переходом на спортивный шаг. И очень часто во главе бегущей спортивной трусцой колонны ребят бежал человек крепкого телосложения с лихими усами в генеральских бриджах, державшихся на подтяжках поверх майки. При беге наш "Батя" часто оборачивался: не отстают ли его питомцы.

Конечно же в училище, как и в любом большом коллективе, находились "сачки", отлынивающие от физзарядки. Самым хитрым и умным "сачком" среди нас был Витя Гузеев. Как только начиналось построение на физзарядку, так среди нас не оказывалось нашего Гузеев! Долго наши старшины не могли понять, куда же прячется этот шустрый, маленький Гузеев? Он, будто бы прикрытый шапкой-невидимкой, исчезал при общем построении. И все же он попался. Оказалось, его "шапкой-невидимкой" была обыкновенная суворовская шинель самого высокого из нас - Вали Баканова. Как только раздавалась команда на построение, наш Витек быстро нырял в шинельную, становился под вешалку, на которой висел длинный ряд шинелей, прикрывался самой большой и стоял не шелохнувшись, пока не стихнут голоса. Наш Гузей, конечно же был наказан, хотя командир роты во всеуслышанье отметил его находчивость и умение маскироваться.

Самое смешное и курьезное состоит в том, что Витя Гузеев всю свою суворовскую и курсантскую жизнь категорически игнорировал утреннюю физзарядку, хотя, повзрослев и вытянувшись, увлекся, как и все мы, спортом, стал отличным спортсменом. Он был хорошим гимнастом, отличным штангистом, хорошо играл в футбол. Вряд ли теперь не то что шинель - плащ-палатка последнего размера прикроет этого могучего, гренадерского роста полковника Виктора Ивановича

Гузеева.

После утренней физзарядки - заправка коек, туалет, обязательное, неукоснительное обливание холодной водой, приведение в порядок помещения, своего обмундирования. После 2 - 3 уроков - второй завтрак. А после всех уроков в классе - занятия на воздухе: час строевой подготовки, остальное время - спортивные игры, в основном лапта, городки, "чижик".

Поначалу, во дворе НИМИ, у нас не было ни спортивного плаца, ни спортивного инвентаря, даже спортплощадок. В то время, когда мы, мелюзга, занимались своими детскими играми во дворе, сражались на деревянных саблях, играя в войну, наши старшие товарищи занимались серьезным делом.

В училище была своя небольшая конюшня и около двух десятков строевых лошадей. И наши старшенькие с форсом гарцевали на них, ездили то рысью, то галопом, брали барьеры. Под руководством опытного кавалериста, капитана Тимошенко, они занимались конным спортом. А в свободное время обихаживали своих пегих, вороных или белых лошадок, чистили их стойла, конюшню, кормили. За старшими ребятами уже числилось оружие - настоящие винтовки системы Мосина образца 1898/30 года, и они уже ходили на стрельбище.

2. Дронов - наш друг и будущий кинорежиссер

Так как кино демонстрировалось в училище только по субботам и воскресеньям, в будние дни офицеры-воспитатели "крутили" нам диапозитивы или пленки на стареньком кинопроекторе. Сказки "Три поросенка", "Маугли", "Дикие лебеди" тоже пользовались у нас популярностью. Но этих пленок и диапозитивов было слишком мало. И тогда у Вити Дронова из старшего подготовительного класса созрела идея создать свой кинопроектор и свой фильм. Патрон с лампочкой, шнур с вилкой пришлось выклянчить у старшины, картонный ящик - не проблема. Долго возился с механизмом увеличения и передвижения ленты, но после долгого, солидного осмысления все же добился своего. Рисовали на ленте простой бумаги рисунки, промасливали ее своей порцией сливочного масла со второго завтрака и - кино!

Дронов сам был неплохим рисовальщиком, а тут еще ребята его отделения, увлеченные Витиной идеей, видя его неказистое детище, его проектор, готовый к работе, помогли разработать шуточный сценарий будущего фильма и нарисовать на бумажной ленте необходимые рисунки. Через некоторое время мы просмотрели свой фильм под названием "Наши клички". "Пропечатали" в этом фильме и офицера-воспитателя Павла Григорьевича Белобровца, во взводе которого в творческих муках

рождался этот "фильм". Однажды Павел Григорьевич написал в ротную стенгазету статью, в которой резко критиковал своих подчиненных. Критика была справедливой, но ребята были уязвлены не критикой, а анонимностью автора. Ведь всем было известно, кто написал статью, зачем же скрывать свою фамилию под псевдонимом "Око"? Так и, прилипло "Око" к старшему лейтенанту Белобровцу. На одном из вторых завтраков было молоко в бутылках, ребята посдирали с бутылок этикетки и, отрезав в слове "молоко" первые три буквы, расклеили оставшиеся бумажки со словом "око" в коридоре, классе, даже на качающемся маятнике больших часов, стоявших в главном училищном коридоре...

Мог ли тогда, летом 1944 года Витюша Дронов даже подумать о том, что это его случайное увлечение станет впоследствии делом и смыслом его жизни? Ныне Виктор Иванович Дронов, подполковник запаса, режиссер и кинооператор военной студии. На его счету немало научно-популярных фильмов о космических спутниках связи, учебных фильмов, на которых учатся и воины Советской Армии, и курсанты военных училищ, и даже слушатели академий.

Наш Дроныч всегда был с фотоаппаратом, и обычно ребята просили его сфотографировать их. А кому Витя отказывал? И я часто бессовестным образом эксплуатировал безотказность и доброту Виктора, хотя и не был его другом.

Когда он только успевал печатывать сотни фотографий своих просителей? Ведь на нем лежало столько обязанностей и всевозможных общественных, комсомольских поручений и нагрузок.

Годы не изменили нашего Дроныча. Такой же мягкий, деликатный и безотказный. Всегда поможет и в беде, и в повседневной жизни. Какое счастье иметь таких друзей!

3. Экскурсии

Очень часто мы совершали дальние прогулки в центральный городской сад или к речке Тузловке, что протекает у подножия холма, на котором стоит наш город Новочеркасск - столица Донского казачества. Или ходили на обширный травяной луг за Тузловкой, где раздевались до трусиков и играли на траве, устраивали различные состязания. Купались в неглубокой реке, бесстрашно ловили здоровенных раков (их в ту пору было превеликое множество). За лето большинство из нас научилось плавать, и под бдительным оком офицеров, старшин, а также наиболее развитых своих товарищей мы барахтались в теплой воде. Дисциплина во время купания была жесткой. Одно отделение купается 15 минут, другие лежат на солнышке, загорая

и наблюдая за купающимися, терпеливо ожидая своей очереди. Как только последний из купавшихся выходил из воды и ложился в отведенном отделении месте, раздавалась команда: "Второе отделение, в воду!" и мы с шумом и криком устремлялись к воде.

Иногда мы ходили на экскурсии по предприятиям нашего города. Один раз мы побывали в городской типографии, где печатались настоящие газеты, разные брошюры, потом посетили стекольный завод, побывали на заводе револьверных станков, где работало очень много молодежи, наших сверстников - ребят и девчат лет 15 - 16-ти. Они работали на различных стайках, ковали Победу вместе со взрослыми, работая для фронта. Мы с любопытством смотрели на их работу, завидовали их умению делать настоящие детали к настоящим станкам. Нам тоже очень хотелось стать полезными Родине, и мы завидовали этим ребятам. А юным работягам, смотрящим с высоты своего рабочего положения на нас, сытых, в красивой форме, очевидно, также было завидно. Мы это прекрасно чувствовали и понимали.

С большой охотой мы посещали госпитали, где лежал раненные на фронте воины, и хотя вид искалеченных войной людей был нелегким зрелищем для детской психики, выступали со своими концертами на маленьких, временных сценках госпитальных клубов, переполненных ходячими ранеными и выздоравливающими. А для неходячих, прямо в палатах, пели песни, читали свои стихи.

Надо было видеть, с каким удовольствием и вниманием смотрели перебинтованные, покалеченные войною люди, совсем еще молодые, и перешагнувшие зрелый возраст - на свое будущее в суворовской форме, как мягчали суровые лица, разглаживались жесткие морщины, как теплели глаза!..

4. Мой дорогая мама

В одно из воскресений лета ко мне подбежал кто-то из моих товарищей и сообщил неожиданную новость: ко мне приехала моя мама и ожидает меня в комнате для свидания. В груди ощутился какой-то холодок, я неожиданно для себя разволновался и опрометью бросился туда. За восемь месяцев пребывания в училище, честно говоря, я не очень-то скучал по маме. Она была далеко, новизна каждодневных впечатлений, дружный и шумный ребячий коллектив, учеба как то заслонили самое дорогое для меня существо, на свете, короткие письма из дома были не в счет. С робостью я переступил порог комнаты, полной народа, где стоял веселый шум, сделал несколько шагов и стал глазами искать среди посетителей маму и не нашел ее! Я, грешным делом, подумал, что это розыгрыш моих друзей, резко повернулся и хотел выбежать из комнаты. И тут у самых дверей я

увидел мою красивую маму! Она стояла у двери, изумленно глядела на меня, молча улыбалась и плакала. Так мы стояли несколько мгновений друг перед другом, затем я оказался в ее объятиях. Она смеялась сквозь слезы, ощупывала меня, вертела в разные стороны и даже зачем-то понюхала мою стриженую голову. Она узнавала меня и не узнавала! Перед ней все же был ее сын, ее сорванец Николка, розовощекий, пухленький, в аккуратной суворовской форме.

Холодок отчуждения быстро прошел, мы смеялись, вспоминая прошлое, рассказывали, перебивая друг друга, про свое житье Мама привезла из дома кучу новостей, и все хорошие. И живут они распрекрасно (?), и по карточкам все дают: хлеб, крупу и даже сахар. Так что нечего за нее беспокоиться (мама, конечно же, лукавила, и я это прекрасно понимал). Самая сногшибательная новость, привезенная мамой из дома, - наша Раиса принесла потомство: двух козлят - Борьку и Люську! Я, в свою очередь, захлебываясь, рассказывал маме, какие у меня славные товарищи, героические офицеры-воспитатели, как здесь все замечательно и как мы хорошо живем. По моей розовощекой физиономии мама понимала, что это все так и что ее сын не врет.

Я глядел на свою красивую маму, отмечая новые морщинки на ее прекрасном лице (в ту пору быстро старели наши мамы), замечая усталость в ее глазах... Чуть позже я узнал, с каким большим трудом отпросилась она с работы на двое суток, чтобы съездить и провести свое чадо, по которому очень истосковалась, с каким трудом влезла в переполненный вагон-теплушку и ехала до Новочеркасска с двумя пересадками. Кто ездил в ту пору по железной дороге, тот прекрасно знает, что это такое.

Несколько часов свидания с мамой пролетели, как одна минута, и она стала собираться в обратную дорогу. Я проводил ее до центрального выхода и долго смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Она шла, часто оглядывалась и плакала. И у меня на душе было нехорошо. Все же я был еще ребенок. Чувствуя комок в горле, я побежал к себе наверх, заперся в шинельной и, уткнувшись в полу чьей-то шинели, дал волю слезам. Тогда только я понял, почему мои товарищи по роте после отъезда родителей, приезжающих провести их, запирались в шинельной.

Но жизнь брала свое. В хороводе быстротекущих дней детская печаль быстро забывалась, а слезы высыхали.

5. Из книг в жизнь

Именно в первый год учебы я пристрастился на всю жизнь к чтению. Первой была толстенная книга под названием "Водители фрегатов". Джеймс Кук, Крузенштерн, Дрейк буквально очаровали

меня! Мог ли я тогда предположить, что более четверти века спустя буду ходить теми же курсами, какими ходили эти отважные мореплаватели, что и над моею головою так же, как и над их будет таинственно мерцать в ночном небе Южный Крест, что сердце мое будет также трепетать при виде далекого берега после долгих, тяжких месяцев плавания по пустынному океану. Мыс Горн, Мыс Доброй Надежды, Гренландия и айсберги Антарктики, пролив Дрейка и Великий океан - в каких самых фантастических снах мальчишке могло присниться такое, что много лет спустя стало моей повседневной жизнью на долгие годы! Именно в морях начал я писать эти воспоминания, уступив просьбам младшей сестренки Вали, просившей рассказать ей о моем детстве, о котором она ничего не знала. Весной 1980 года, идя к берегам Антарктиды, мы попали в жесточайший шторм, длившийся неделю. В этом памятном мне урагане я и начал писать, за два месяца написал, а потом и отослал сестренке свои первые тридцать листов убористого текста. И на восемь лет забыл о написанном...

К числу первых прочитанных книжек относится "Они сражались за Родину". Первые главы романа, вышедшие в 1944 году, я читал с упоением, буквально проглотил ее, все понял и осознал, ибо был очевидцем тех боев, в тех местах, где воевали шолоховские герои - Лопатин, Стрельцов. Я был очарован и сочной, колоритной речью персонажей романа. На этом языке, сколько себя помню, говорили все окружающие меня люди: и родственники в хуторах и городках края, в котором я родился и вырос, и знакомые шахтеры, и вовсе незнакомые люди.

С тех лет мой великий земляк стал моим любимейшим писателем, имя которого произношу с благоговением.

Книгочеев в нашей роте было много, с книгами мы не расставались ни днем, ни ночью. Брали их в наши дальние прогулки, чтобы почитать на природе, пряча их под нашими гимнастерками, так как держать книги в строю не разрешалось. А на ночь клали их себе под подушку.

6. Первая любовь

Другим увлечением тех детских лет, начавшимся весной 1944 года, была музыка. Одни записывались в струнный оркестр, тренькали на балалайках, мандолинах, а мне почему-то понравился рояль - этакое черное, как жук, несуразное чудище, из которого можно извлекать музыку. Может быть, тут сыграло мальчишеское, а может, неосознанное еще классовое самолюбие: неужели дворянам и прочим буржуям из фильмов можно играть на рояле прекрасную музыку, а нам, детям рабочих и крестьян, нельзя? Тресну, а научусь играть на рояле не хуже того

киношного белого офицера! Мальчишеская самолюбивая цель вскоре переросла в стойкое и долгие увлечение. Но здесь меня поджидала беда, которая чуть было не погубила мой интерес к музыке. Неожиданно для себя я влюбился в нашу преподавательницу музыки Галину Макаровну Листопадову. Когда я впервые открыл дверь класса, куда пришел проверить свой слух и музыкальные способности, я буквально остолбенел! Мне навстречу шло дивное существо, так поразительно красива была совсем еще молоденькая наша преподавательница, стройная, тоненькая, как березка.. Я не мог оторвать глаз от ее лица, от ее огромных черных глаз под тоненькими стрелками бровей.

На первых нескольких занятиях я не понимал, что со мною происходит. Вроде бы и соображаю нормально, как и все мои товарищи по роте, а приду на занятия к Галине Макаровне, ничего не идет в голову, никакие объяснения не лезут в мою башку, чувствую себя балдой и от этого еще больше теряюсь. Страшно хотелось глядеть на ее лицо, в ее огромные, черные глаза под соболиными бровями. Но я не мог поднять свой взор, боясь, что она заметит в нем изумление, восторг, все поймет и рассмеется. А когда она своими тонкими изящными пальчиками пыталась поправить мои пальцы, с обкусанными ногтями и заусеницами, неумело нажимавшими клавиши, я конфузился, отдергивал руку, краснел и еще больше терялся. Постепенно я пришел к мысли, что я просто, как последний слабак, как хлюпик, влюбился в эту девушку и ужаснулся. А тут еще мой горький жизненный опыт подтвердил великий грузинский поэт Шота Руставели в своей поэме "Витязь в тигровой шкуре", которую я только что одолел и все хорошо понял. Надо же, Автандил, такой героический парень, храбрейший витязь, на протяжении долгого времени мучается из-за какой-то девчонки! Ему бы бить персов, напавших на его любимую Грузию, а потом идти на помощь Дмитрию Донскому, в его борьбе с проклятыми татарами, а он терзается, переживает из-за этой самой любви!

И ведь недаром мудрый Шота горько предупреждает в своей толстенной поэме:

Будь от женщины подальше, хоть и труден сей обет.

В душу влезет; завладеет, от нее спасенья нет!

И внезапно вам изменит...

Горе женщине доверить хоть какой-нибудь секрет.

И, чтобы избавиться от своей слабости и быть в собственных глазах мужчиной, я решил бросить занятия по классу фортепиано и заняться балалайкой. Тоже ведь музыкальный инструмент, хоть и о трех струнах. Но не тут-то было! Наш "папа" Маняк зорко

следил за каждым своим сынком и, прознав, что я перестал посещать уроки музыки, вызвал меня в канцелярию и провел тщательное расследование. Объяснить ему суть дела, значит расписаться в своей слабости, и я стал плести какую-то чепуху. Маняк подвел итог расследования: "Ты отъявленный лентяй, да и к тому же неблагодарный поросенок. Встать! За мной шагом марш!" - скомандовал он решительно. Зная, куда он меня поведет, я уныло поплелся за ним.

Сдав отъявленного лентяя улыбавшейся Галине Макаровне, Маняк стал о чем-то говорить с ней и я не узнал его голоса! Что может сделать только лишь присутствие молодой, красивой девушки с настоящим решительным и храбрым командиром!

С этого дня произошло мое "выздоровление". Я стал спокоен, внимателен к объяснениям Галины Макаровны и уже не отдергивал своих пальцев, когда она поправляла их на клавишах. А однажды я заметил, как исподтишка зыркал на нее мой товарищ Толик Бородаенко, который также занимался у Галины Макаровны, и какое у него было восхищенное выражение глаз. И другие ребята постарше нас с Толиком были поражены тем же самым "недугом". В этом я точно убедился.

Но Галина Макаровна была тонким педагогом, со всеми была ровна, терпеливо обучала нас музыкальной грамоте, заставляла развивать пальцы разными гаммами, арпеджио, сокрушалась над видом ссадин и царапин на наших пальцах. Обычно она играла какую-нибудь красивую мелодию, просила выбрать из сыгранного, что кому понравится, а затем уже шел разговор о выбранной тобою мелодии и разучивание. Она прекрасно играла, и мы часто просили ее сыграть что-нибудь красивое. Так мы, благодаря Галине Макаровне Листопадовой, вплотную познакомились с произведениями Глинки, Чайковского, Бетховена и других великих музыкантов мировой музыкальной классики.

Трудовой, напряженный день кончался вечерней прогулкой, вечерней переключкой и пением гимна. В 1944 году государственным гимном вместо "Интернационала" стал другой гимн, с иной музыкой и обязательным пением на вечерней поверке. Вся Красная Армия, исключая, конечно, фронтовые соединения, участвующие в боях, все военные подразделения в тылу, в одно и то же время пели Гимн Советского Союза.

И над засыпающим городом далеко разносилась величавая мелодия, сотни мальчишеских голосов исполняли торжественный Гимн.

7. Встречи с героями

... Нашими кумирами, конечно же, были фронтовики. Сколько

рассказов перечитали мы о наших героических бойцах и командирах, воевавших на фронте! В то время массовым тиражом печатались листовки с грифом: "Прочитал - передай товарищу!" И мы жадно читали каждую такую листовку - весточку о наших воинах-богатырях, проявлявших чудеса героизма на фронтах Великой Отечественной войны. Как жаль, что забыт этот опыт агитации и пропаганды военных лет. На листовках, в брошюрах сжато обобщался героический опыт воевавшего народа, его героев, лучшие образцы поэзии и прозы. Ведь и Василий Теркин, и бравый солдат Швейк, и великий комбинатор Остап Бендер, и шолоховские герои пришли в народ из этих сереньких брошюрочек фронтовых лет!

...А вот видеть фронтовиков живыми, всамделишными, приходилось редко. Они скромно делали свое дело, ходили в атаки на ненавистного врага, умирали или залечивали свои тяжкие раны в тыловых госпиталях. Мы ловили каждую возможность пообщаться с ними или поговорить, когда встречали их на улицах города. Вспоминаются две встречи с фронтовиками. Однажды, играя в городском саду, мы увидели бравого молодого моряка, гулявшего по аллеям сада. Мы тут же окружили его, позабыв наши игры. Густая ребячья толпа буквально облепила молодого героя. Мы галдели, умоляя его, явно смущенного нашими горячими просьбами, рассказать, где и как он воевал с фашистами на фронте. Наконец он сдался, сел на скамью, надолго задумался и стал рассказывать. Каждый из нас старался протиснуться к нему поближе, потрогать его форменку или просто прикоснуться на миг к нему. Мы ловили каждое его слово и жадно разглядывали его медали "За оборону Одессы", "За оборону Севастополя", "За оборону Сталинграда", "За отвагу"! Мы понимали, что это такое! Перед нами был настоящий герой, и он был для нас богом и даже выше бога, ибо мы прекрасно осознавали, что значит побывать в таких кострах, как Одесса, Севастополь, Сталинград и остаться в живых!

В июле 1944 года мы прознали, что в городе находится настоящий Герой Советского Союза. Немногие, видевшие его, рассказывали, что это был совсем еще молодой майор без одной руки. Нам всем, конечно же, хотелось повидать всамделишного Героя и, поговорить с ним, и счастливый случай улыбнулся нам. Идя как-то из города в свое расположение ротной колонной, мы издали увидели идущего навстречу нашему строю майора без правой руки. На груди его ярко на солнце горела Золотая Звездочка. Это был он! По строю от головы и до хвоста колонны прошелестели слова: "Братцы, это он, Герой!". Офицер-воспитатель по какой-то причине отстал от нас и плелся сзади.

Нужно было самим принимать решение. У нас молниеносно созрел план - нам надо самим, самостоятельно поприветствовать Героя! Единая коллективная мысль, быстрый шепот от хвоста колонны к голове: "Пусть Валька Баканов командует!" Раздался звонкий мальчишеский голос: "Р-ро-та, строевым! Смир-рно! Равнение на Героя!". Майор смущенно приложил левую руку к головному убору и произнес: "Здравствуйте, товарищи суворовцы!".. Ликующее, благодарное: "Здравия желаем, товарищ майор!" - пронеслось по улице.

Мы шли в нашем суворовском строю строгие и торжественные, совершенно не задумываясь над этим фактом - одно поколение, израненное, покалеченное в боях за Родину, встречает свое будущее с алыми погонами на плечах, готовое и к будущим сражениям, и к подвигам.

Еще один интересный случай есть в повести Бориса Васильевича Изюмского "Алые погоны", произошедший с одним из моих товарищей. Юный суворовец, идя по городу, отдал честь полковнику. Тот не ответил на приветствие. Мальчишка, перебежав на другую сторону улицы, обогнал полковника, вновь перебежал на его сторону и отдал приветствие во второй раз и опять без взаимности. Тогда возмущенный суворовец обратился к офицеру: "Товарищ полковник! Я Вас по-приветствовал два раза! А Вы не ответили, как требует Устав". Полковник с удивлением оглянулся и увидел перед собою пацана в суворовской форме. Он на полном серьезе попросил у него прощения и дал ему пять рублей на мороженое. Будущему полковнику Васе Сердюку было в ту пору восемь лет. Впрочем, такой случай мог произойти со многими из нас. Там мы были воспитаны.

8. Каникулы

..Выполнив годовую учебную программу нашего обучения к осени 1944 года, командование сочло возможным отпустить нас домой (у кого он был) на десятидневные каникулы. Какой фурор произвели юноши и мальчики в черной суворовской форме в маленьких городках, поселках и станицах нашего края! Прохожие на них оглядывались, ребянтня шла следом, вбирая на нас, как на экзотических животных. Нам, конечно же, было приятно всеобщее внимание. Родные тянули нас к своим родственникам и знакомым, а те к своим. Нас даже ощупывали - вправду ли этот мальчик, подтянутый и аккуратный, с начищенными пуговицами на мундирчике, с надраенными ботинками, год назад был хилым заморышем? Моя бабуля затащила меня даже в Церковь. Какой там был переполох! Хор певчих перестал петь, поп-батюшка на полуслове оборвал свою молитву, бабы и старушки даже крестились на меня, шепча: "Господи, иже еси, ангелочек

спустился на землю!" А "ангелочек" в великом смущении поспешил ретироваться на свежий воздух. Знакомые мальчишки и мои друзья буквально смотрели мне в рот, исполняя все мои желания. Мои акции подскочили на невиданную высоту, когда я при случае подошел к пианино, стоявшему в фойе местного клуба, и вместо того, чтобы пробарабанить кулаками по клавишам, как бывало раньше, сел и сыграл простенький вальс.

И так на протяжении десяти дней. Мы гордились своим званием, достойно носили свою суворовскую форму. И если был искус поддаться уговорам старых друзей и попроказничать, совершить набег на чужой сад или огород, мы снимали свою форму, превращаясь в дерзких атаманов мальчишеских ватаг.

Наши мамы были горды своими сыновьями, а некоторые из них до того были переполнены этой гордостью, что иногда шикали на его младших братьев: "Чего расселся, чего ковыряешь в носу? А ну-ка, почисть ботинки будущему генералу!" ...

9. Переезд

Новое здание, куда мы переехали, занимало обширную территорию, имело свой плац, большой участок земли с плодовым садом и огородом, много подсобных помещений. Оно находилось в центре города. Через дорогу - городской стадион, за ним драматический театр, тут же неподалеку городской сад. Через дорогу музей Донского казачества, куда нас часто водили, а потом мы, повзрослев, и сами бегали, вход для нас был бесплатным. Близко находился и Дом офицеров, куда нас часто водили на различные концерты и культмероприятия.

И речка Тузловка с полюбившимся лугом была в десяти минутах ходьбы.

Новое жилище оказалось для нас тесным, зато здесь было паровое отопление во всем здании, стекла во всех окнах, теплые туалеты на всех этажах. Особенно мы остались довольны нашим небольшим актовым залом, временно превращенным в училищный клуб, который мы называли Суворовским залом. Это был еще и исторический зал: в нем вел переговоры Председатель Военно-Революционного комитета Донской области Подтелков с господами из Войскового Круга Дона 10 января 1918 года. Особенность нашего Суворовского зала состояла в том, что все его стены от пола до потолка были разрисованы картинами суворовского содержания. Колонны суворовских войск переходили с одной стены на другую. Здесь и штурм Измаила, и Чертов мост, и изречения великого полководца, которые мы, конечно же, знали наизусть. Все то, что рисовала буйная фантазия наших доморощенных художников из старших рот в многочисленных плакатах, наглядных пособиях, как будто было

перенесено на стены Суворовского зала! Мы любили наш актовый зал, здесь демонстрировалась кинофильмы, проводились торжественные собрания, концерты и балы, различные культурные и спортивные мероприятия.

Вскоре училище пополнилось группой новых, талантливых педагогов. Математик Совайленко Василий Климентьевич, офицер-воспитатель Хованский Георгий Федорович, отозванные с фронта, историки Изюмский Борис Васильевич и Костяк Евгений Николаевич пришли к нам из госпиталей после тяжелых ранений.

10. На досуге

В свободное время мы занимались в различных кружках. Было несколько хоров, и самым популярным из них был хор самых маленьких суворовцев. Хоры отлично спетые, ими руководили опытные хормейстеры. Быстро организовался большой струнный оркестр.

Спорт к этому времени находился в зачаточном состоянии. Училищный спортивный руководитель Дорошенко, прибывший к нам в училище весной 1944 года в своем буденновском остроконечном шлеме, конечно же, не в силах был один наладить спортивно-массовую работу при скудном арсенале спортивного инвентаря. Крикливый, не сдержанный на язык, он не внушал уважения ни как спортсмен, ни как человек. По-видимому, он не обладал и организаторскими способностями. Ну да Бог с ним, будем к нему великодушны, все же он пытался что-то организовать, как-то наладить спортивно-массовую работу среди нас. Он ведь стоял у истоков настоящего, массового спорта в училище, у истоков наших больших спортивных успехов и побед. Зимой 1944 года мы встретили значительно окрепшими, хотя еще и болели различными детскими болезнями, но гораздо реже, чем раньше. Простудные заболевания резко сократились: физическая закалка, обливание холодной водой по утрам, частое пребывание на свежем воздухе и твердый распорядок дня сделали свое благотворное дело.

1944 год останется примечательным штрихом в истории суворовских училищ. Несмотря на жестокую войну, разлившуюся по всему миру своим кровавым потоком, оказывается, весть о суворовских училищах в СССР проникла во все концы света и отовсюду суворовцам стали писать их сверстники, мальчишки и девочки: Этли, Джим, Мэри, Ника и даже Чан-Су-Лин. Об этом также поведал в своей книжке "Суворовцы" упомянутый, мною выше писатель И. Д. Василенко. В одной из глав под названием "Заграничные друзья" он приводит письмо девочки Эдны Парсонс из Ист-Динской классической школы Синденфорд Глочестер и ответ ей суворовца-новочеркасца Игоря Ильницкого.

... Где вы сейчас, наши дорогие заграничные современники, мальчики и девочки огненных 40-х годов? Живы ли вы, здоровы? Может быть, перелистывая семейные альбомы или перебирая фамильные бумаги, ваши внуки невзначай наткнутся на старую, пожелтевшую фотографию с изображением мальчика в незнакомой им форме или старое-престарое письмо на незнакомом языке? Может быть, они поинтересуются у своих бабушек и дедушек историей этих фотографий и писем?

И тогда они поведают своим внукам, как в те далекие годы детская дружба, взаимная симпатия и доброжелательность были сильнее всех фронтов и огненных дуг. И они с полным основанием и уверенностью могут сказать своим внукам, как и мы говорим своим: "Дети! Вы наша надежда, дружите, уважайте друг друга! И тогда не будет ни ракет, ни войн, ни вражды между нами!".

... Ах, если бы ты знала, сестренка, как нас приобщали к театру! Это была потеха! Начиная с осени 1944 года (и на многие годы вперед), почти каждое воскресенье, все училище строем, под духовой оркестр, шло в театр или на концерт в Дом офицеров. На наше детское несчастье (а скорее всего, на великое счастье) в нашем городе совсем недалеко от нашего училища находился городской театр, и он был нашим шефом. А нам, мальчишкам, страшно не хотелось идти в театр. Нам бы побегать, поиграть на улице, к тому же ко многим из нас стали навешиваться мамы, родственники и, конечно же, приезжали с набитыми сумками, в которых были немудреные гостинцы. Обыкновенный початок кукурузы, яблоко, горсть тыквенных семечек, петушки на палочках ценились гораздо выше наших училищных пончиков и пирожков. И вот тут начинался "театр"! Оказывалось, то у одного, то у другого болит нога, и он не может идти. У десятка розовощеких, отнюдь не больного вида крепышей разыгралась к этому времени мигрень. Несколько мам самым решительным образом требуют отпустить своих чад на два-три часика под свое крылышко. Разве ж это порядок? Окруженный толпою мам, галдящих юных подчиненных, ротный не знал, что делать? Сорвать такое мероприятие он не имел права, с него за это самому голову сорвет строгое училищное начальство, которое тоже идет в театр. И он находит единственно правильное решение: "Рота, смирно! Прекратить галдеж! В колонну по четыре становись, в театр шагом мар-рш! Мамам тоже в театр, сумки и авоськи можете взять с собой...".

Ну, мы люди подчиненные, что поделаешь, раз есть приказ идти в театр. Хмуро строимся, шушукаемся, недовольно шмыгаем носами и понуро строем идем. А наши мамы радостно семянят

рядом, предвкушая огромное удовольствие. Ведь многим из них, живущим в отдаленных поселках, хуторах и маленьких городках, ни разу за войну, а, может, и в жизни не удавалось побывать в настоящем театре!

Зато после театра, этого мага и волшебника, идем веселые, возбужденные, обсуждаем пьесу и плохого настроения как ни бывало! Конечно же, довольны были и наши мамы. Во-первых, посмотрели настоящий театр, во-вторых, содержимое их сумок быстро перекачывало в наши желудки и карманы. И уезжали они, милые, домой довольные, просветленные и счастливые.

Частое хождение в театр, на концерты в Дом офицеров, переросло в устойчивую тягу к искусству. Через полтора-два года мы уже считали себя заядлыми театрами. Не без юмора обсуждали некоторые выступления ансамбля песни и пляски Северо-Кавказского военного округа, концерты которого часто проходили в нашем городе. Знали по выражению лиц певцов, кто лишь разевает рот, имитируя пение, а кто поет по-настоящему. Ведь многие из нас сами были хористами и понимали толк в хоровом искусстве.

На полном серьезе обсуждали провал музыкального спектакля в нашем городском драмтеатре им. Комиссаржевской В. Ф.

"М-да, - сокрушались знатоки после спектакля. - Провал, полный провал! Не то амплу актеров. Да разве можно с такими вокальными данными исполнять музыкальные партии? Один поет козлетоном, другой сорвался на петушиный крик..."

И смех, и грех вспоминать, как ради любви к искусству мы с моим дружкой Витей Распоповым совершили самоволку, удрав в город в будний день на кинофильм "Без вины виноватые" по А. Островскому. Поразительный фильм по тем временам! Фильм, полный какой-то светлой грусти, порядочности и душевной красоты одних героев, подлости и черствости других. А какие актеры играли в этом фильме! Великая Алла Тарасова! Красота и прелесть этой женщины, ее поразительное мастерство пленили каждого. Многие дамы и девицы выходили после фильма зареванными, с красными носами. А великолепный Грибов, игравший забулдыгу Шмагу, а артист Дружников в роли Аркаши Несчастливцева! Сколько было разговоров в училище после просмотра этого фильма, сколько споров!

Мой друг Витек Распопов ходил от одной дебатирующей группы к другой и огорченно вздыхал. По какой-то причине он "проморгал" этот фильм, не сходяв на него, и переживал свой промах. Когда нам еще покажут его в следующий раз!... А в городе фильм шел в кинотеатре "Звезда", находившемся совсем

близко от нашего училища, и народ валом валил туда, чтобы посмотреть чудо-фильм. Зная застенчивый характер своего друга, я все же сагитировал его посмотреть этот фильм в последний день его демонстраций, уговорив Виктора на самоволку. Да и сам я очень был непрочь посмотреть этот фильм еще раз. В нужное нам время мы уже были у тайного лаза в заборе, известного только нам, быстро добежали до входа в кинотеатр, нырнули в кассовый зал, полный народу, вежливо попросили длинный хвост пропустить нас вне очереди к окошечку кассы. Но на очередной сеанс билетов не было. Пришлось брать на следующий.

Битых два часа сидели мы в укромном уголке переполненного народом кассового зала, изнывая от духоты и ожидания, боясь высунуть нос в оживленную толчею улицы. Риск попасть на глаза нашим училищным офицерам был очень велик и мы, прижав уши от страха, тихохонько, как мыши, сидели в своем уголке. Авось пронесет, авось никто не заметит! От нечего делать договорились поочередно считать до тысячи, отмеривая медленно текущие минуты. Собственных часов у нас, по юности лет, еще не было, они тогда считались предметом роскоши. И все же на последнем десятке минут нашего терпеливого бдения мы попались! В кассовый зал вошел офицер-воспитатель нашей роты Георгий Федорович Хованский! Наши сердца провалились в пятки. Заметит или не заметит? Заме-е-тил. Хмуро оглядев длинную очередь к кассе, взгляд Хованского достиг и нас, грешных. Его брови удивленно полезли вверх. "Что вы здесь делаете?" - подойдя к нам, спросил он своим рокочущим баском. "Да вот, пришли посмотреть фильм, в училище посмотреть не удалось, а сегодня идет последний день". .. "Ну, ну", - буркнул Георгий Федорович и удалился.

"Влипли, - сокрушенно, произнес Витек, - надо же, осталось несколько минут до сеанса и..." .

"Ладно, пойдем в зал", - ответил я хмуро и прошел вперед.

Только мы угнездились на своих местах, опять беда! На два ряда впереди нас стал пробираться к своему месту майор Белобровец, воспитатель из соседней роты.

"Хлопцы, а вы почему здесь? Сегодня же будний день и увольнения в училище нет?" - ехидно улыбаясь, спросил он нас.

Меня такое зло взяло за все неудачи нашего авантюрного предприятия, что, совершенно не задумываясь о последствиях, я нагло ответил Белобровцу: "А мы здесь с нашим офицером-воспитателем Хованским. Только он в последнюю минуту раздумал идти в кино, предоставив возможность нам самим посмотреть этот фильм".

"Ну что ж, смотрите. Фильм такой чудесный. Третий раз

смотрю с тем же чувством и переживаниями!" - восторженно воскликнул Белобровец. "Тебе-то что, вольному казаку, - с обидой подумал я, - хоть сто раз смотри в свое удовольствие. А нам придется отдуваться великими неприятностями из-за любви к искусству".

Только мы выбрались из душного зала после сеанса на улицу, услышали позади себя голос Белобровца: "Фу-у, ну и жарыща, но кино, какое кино! Да не бегите вы, ребятки, давайте выпьем по стакану сидра, я угощаю, успеете к самоподготовке, время у вас еще есть". Мы обреченно побрели за Белобровцем к ближайшему киоску с газированной водой, с трудом проглотили шипящую жидкость и не спеша пошли к училищу, по пути поприветствовав двух наших офицеров из штаба. Проведя нас через проходную, Белобровец распрощался с нами и пошел по своим делам.

Мы старались не попадаться на глаза Георгию Федоровичу Хованскому, ожидая великого нагоняя. Но вызова и разбирательства этого серьезного нарушения воинской дисциплины так и не последовало. Может быть, Хованский великодушно простил нам наш грех, поскольку сам был большим поклонником театрального искусства, был членом училищного драматического кружка. Через две-три недели тревога наша постепенно улеглась, оставив в памяти на долгие годы лишь веселый след.

Именно две младшие роты первого набора в последние годы нашего обучения в училище образовали с помощью наших театральных шефов свою театральную группу. Руководителем нашего драмкружка была молодая актриса Новочеркасского драматического театра Нина Ивановна Дунаевская, прекрасной души человек, в которую все наши кружковцы были тайно влюблены. Коля Акулов, племянник этой замечательной женщины, учился у нас в СВУ классом младше, а его сестренка Таня принимала самое активное участие в наших спектаклях. Вспоминаются еще две девочки из нашего драмкружка - Света Севастьянова и Лена Иванова из близлежащих женских школ. Трудно выделить кого-либо из наших кружковцев на звание самого лучшего, талантливого актера. Ковалев Толя, Балаболкин Ремир, Федотов Витя, Саша Сальков, Витя Гузеев, Витя Теплинский - вот далеко не полный перечень наших кружковцев. И все же я бы отдал предпочтение Саше Салькову, уж больно он мне запомнился в "Ревизоре" Гоголя. Ребята с успехом ставили и современные пьесы: "Это было под Ровно", "Ленинские горы". В спектаклях принимали участие не только ребята, но и взрослые: офицер-воспитатель капитан Хованский, упомянутый уже преподаватель географии капитан Логинов, заместитель

начальника учебной части подполковник Уголев Василий Васильевич Это был дружный, спаянный любовью к театру, искусству, талантливый коллектив!

Постановка комедии Н. В. Гоголя "Ревизор" была встречена всеми нами с кислым неодобрением. Конечно, интересно было посмотреть на наших доморощенных актеров, как они будут вести себя на сцене, на их загримированные физиономии. Но сколько же можно изучать этого "Ревизора"? Мало нам учебной программы, в которой персонажи комедии надоели до чертиков? Совершенно неожиданно для актеров и самих зрителей постановка "Ревизора" прошла с ошеломляющим успехом и все из-за того, что роль Городничего играл преподаватель географии капитан Логинов. Это был настоящий Городничий - громкий, хамоватый голос, замашки грубого солдафона, бритый подбородок, пышные бакенбарды, постная туповатая физиономия. Ну, копия Городничего в нашем представлении! Но наш Городничий совершенно не знал роли, к тому же был туг на ухо. Он то и дело поворачивался ухом, которым лучше слышал к кулисам, ожидая подсказки суфлера. А тот что-то мямлил тихо за кулисами. Актер еще больше нервничал, перевирал слова роли, а в зале шум, насмешливые возгласы. Казалось, ну все! Пьеса пошла прахом, провалена! Но тут на помощь географу-Городничему пришел наш Санька Осмоловский, красивый мальчик с ясными голубыми глазами, лет на пять-шесть моложе наших кружковцев. Вечно этот шкет отирался около драмкружковцев, незаметно и тихо сидел на их репетициях, следя своими голубыми глазами за каждым движением актеров, всегда помогал рисовать и ставить декорации, и в конце концов стал своим в драмкружке.

Сидя чуть сбоку в первом ряду зала, Санька стал громким шепотом, слышным на пол-зала, суфлировать незадачливому Городничему. Оказывается, Санька знал назубок все роли персонажей комедии! Городничий усек этот громкий шепот, и как только очередная фраза, забытая им, должна была сорваться с его уст, он потешно, на цыпочках подбегал к краю сцены и, приседая, подавался всем корпусом в зал, приставляя лодочкой ладонь к уху, внимая сдавленному шепоту своего добровольного спасителя. Это было так смешно, что не выдерживали сами актеры. Невпопад хихикала Марья Антоновна, Добчинский, чтобы задавить приступ хохота, ни с того, ни с сего, согнувшись пополам, почти уползал за кулисы. А из-за кулис беспардонно выглядывали улыбающиеся физиономии артистов, не принимавших пока участия в сцене. Это еще больше вызывало хохот зрителей. Смекнув по доброжелательному хохоту зала, что он нравится юной публике и что все идет как надо, наш Городничий-Логинов воспрянул духом и уже не стеснялся подбегать к краю сцены за спасительной подсказкой Саньки.

Интересно бы узнать, помнит ли об этом спектакле ныне здравствующий, известный многим москвичам заслуженный артист РСФСР Александр Викторович Осмоловский, помнит ли свою первую роль в... качестве суфлера?...

11. День Победы!

Наконец-то пришла долгожданная Победа! Сколько было радости, ликования, счастливых слез! Весь год прошел под знаком Победы. Люди были доброжелательными, веселыми. Какой был трудовой подъем, энтузиазм! Все самое

страшное - смерть, кровь, зловещие огни пожарищ, грохот взрывов, а все это видели наши датские глаза, - осталось позади. Впереди были светлые дали.

Возвращались домой фронтовики, демобилизовывались из армии мои старшие двоюродные братья Сережа и Валентин. Сергей в 1941 году прямо со школьной скамьи, с госэкзаменов пошел в военкомат, а оттуда прямо на фронт. Валентин, еще несовершеннолетний, моложе Сергея на два года, удрал из Ташкента на фронт, прибавив себе, рослому парню, три года. Обманув бдительную комиссию, поступил в школу стрелков-радиостов и, окончив ее успешно, воевал до самой Победы. Прибыл на побывку мой дядюшка Александр Тихонович Андриянов, летчик, штурман бомбардировочной авиации. В Финскую кампанию, совсем еще молодым пареньком, он воевал с белофиннами и был награжден орденом Красной Звезды, единственный орденоси́нец на всю Ростовскую область, награжденный за ту войну, Теперь у него на груди было

несколько орденов и медалей. Вернулся домой живым и здоровым и дедушка Петр Петрович Андриянов, боевой сапер, с медалью "За боевые заслуги". Не вернулся с войны только мой старший двоюродный брат Михаил Теренченко, о котором я столько хорошего был наслышан. Боевой летчик Михаил Семенович Теренченко погиб в бою под Воронежем в 1943 г.

Рассказывая о своем суворовском прошлом, не могу отделаться от соблазна вкратце рассказать о нем, о старшем брате Мише, которого мне так и не суждено было никогда увидеть. Мой отец вместе со своим младшим братом Семеном с первых дней гражданской войны добровольцами вступили в ряды Красной Армии. Огненные дороги гражданской разлучили братьев. Восемнадцатилетний Семен вскоре встретил юную казачку Марию, которая была сестрой милосердия в том же полку, что и Семен. Молодые люди полюбили друг друга и вскоре у них родился сын Мишутка. Мария после родов умерла, и пришлось отцу, красному пулеметчику Сене, разрываться между боями, сабельными атаками белых и полевым лазаретом, в котором кочевал его совсем крошечный сын.

Под напором генерала Деникина пришлось Красной Армии с тяжелыми боями отступать к Царицыну. Отходя через город Каменск, откуда родом была Мария, Семен нашел ее родителей, привез на своей пулеметной тачанке сына, спешно поцеловал его, и так как белые кавалеристы уже занимали город, помчался догонять свою часть. Только чудом да отличным владением пулеметом удалось вырваться Семену из-под шашек догонявших его белых. Под Царицыным Семен отлично воевал, как траву, косил из своего станкача белогвардейцев и был удостоен высшей по тому времени награды - молодого бойца перед строем полка расцеловал сам Климент Ворошилов. Только через два года красному командиру Семену удалось вырваться в далекий Каменск, чтобы забрать Мишутку. Вошел в знакомый дом и не поверил своим глазам! Перед ним стояла его умершая красавица Мария с карапузом на руках! Это, оказывается, была младшая сестренка Марии Шурочка, как две капли воды похожая на сестру. Ни на какие уговоры не поддавалась молодая девушка, ни на минуту не отпуская от себя приемного сынишку. Юная мама Шура при этом заливалась слезами, отчаянно ревел и Мишутка, глядя то на плачущую маму, то на здоровенного дядю, пытавшегося взять его на руки. Дело порешили миром, оставив малыша подрастать у бабушки, а через некоторое время мама Шура стала женою Семена Дмитриевича. Миша так и не узнал до конца своей жизни о том, что она была его не родной, а приемной мамой.

...Многое можно было бы рассказать про тот победный 1945 год. Меня в тот год поражала какая-то распахнутость душ и сердец людей, пришедших с фронта. Святое фронтовое братство ценилось в то время дороже всего. Я был свидетелем того, как бывший фронтовик встретил своего сотоварища по фронту или армии, воевавших где-то рядом. Они и в глаза не видели раньше друг друга. Поговорив накоротке между поездами, один на прощание снял со своего запястья золотые часы и протянул их другому фронтовику. А тот, отвечая взаимностью, подарил боевому соратнику кортик, добытый в честном бою Фронтовики на прощанье обнялись и расстались, возможно, навсегда. И таких встреч и расставаний были сотни, тысячи на уже мирных дорогах необъятной страны.

Мои братья Валентин и Сережа, гостившие у родни в Каменске, уговорили маму отпустить меня в Москву, к дяде Сене. Летние каникулы кончались, и после непродолжительной встречи с дорогим для меня человеком я возвращался домой через Сталинград, где должен был сделать пересадку. Подъезжая к городу-герою, я из окна вагона увидел огромное, растянувшееся на многие километры кладбище искореженного металла. Танки, пушки, бронетранспортеры, оружие всех систем и калибров было свезено сюда и ждало переплавки. И вся эта чудовищная армада техники совсем недавно неумолимо ползла к Волге, стреляла, плевалась огнем, испепеляла все живое на своем пути, сея ужас и смерть, превращая мирные творения рук человеческих в руины и прах. А навстречу этому стальному валу вставали наши русские, армянские, украинские, татарские отцы, братья, дедушки, закрывая своими жизнями путь ненавистному врагу к великой реке и всему тому, что кратко называется Родиной.

Сталинград был в руинах. И тут, в Сталинграде, меня ожидала еще одна встреча, так поразившая меня.

Ожидая поезда, который должен был подойти вскорости, я, в сутолоке вокзальной суеты, от нечего делать вышел на привокзальную площадь. Чуть в отдалении от временного деревянного вокзала я увидел чашу бывшего фонтана, по краю которого в веселом хороводе, взявшись за руки, плясали каменные дети. Я подошел поближе и стал разглядывать необычный хоровод. Все скульптурки детей были черными, закопченными, на них были многочисленные царапины, отколотости, выбоины. И я вдруг подумал: "Миленькие вы мои, родненькие, да как же вы уцелели в самом центре этого клокочущего, бушующего пламени ада? Плавилась броня стальных чудовищ, ведь все кругом, было мертво, а вы уцелели и до сих пор пляшете свой невинный детский танец!".

Что-то защекотало у меня в носу, и фигурки детей стали расплываться, затягиваться пеленой. Я понял, что это были слезы на моих глазах. Я стоял и молча вглядывался в закопченные личики моих каменных современников. Мне показалось, что вот тот мальчик с отбитым носиком чем-то смахивал на моего товарища - Толика Безнощенко, а другой карапуз - на Бориску Штанько, а вот тот пухленький - на Жору Пелиха.

Мимо фонтана молча шли прохожие, некоторые военные приостанавливались и, глядя на нас, отдавали воинскую честь.

Я шмыгнул носом, вытер пятерней глаза, стал по стойке "смирно", отдавая воинскую честь необычному фонтану с детьми, танцующими по его кромке, круто повернулся и пошел к ожидавшим меня братьям. Это были, наверное, мои последние детские слезы.

Наступила пора взросления, наступала ранняя юность.

Часть третья. Испытание на прочность

1. Наш дом - клокочущий котел

Шел 1946. Это был удивительный год нашей суворовской жизни! Произошел какой-то мощный взрыв наших интеллектуальных, спортивных и всех прочих способностей, подспудно дремавших в каждом из нас до поры, до времени. Юность жаждала действий в каком-либо направлении, поисков самого себя, собственного "я". Заложенные самой природой в каждом ребенке, юноше любознательность, пытливость, заботливо лелеемые нашими педагогами, чутко уловившими эту жажду деятельности, давали замечательные плоды.

Дело в том, что наше училище административно не подчинялось разным рай-гор-облоно, имело свое начальство в далекой Москве, чуть поменьше в Ростове, т. е. в округе. Чувствовали себя наши педагоги независимо, над ними не порхали рои никчемных бумажных инструкций, указаний, постановлений местных начальников от педагогики. Над ними не довлело тяжкое бремя различных декадных, месячных, квартальных планов-отчетов, планов-конспектов. Они смело делали ДЕЛО, успешно претворяя в жизнь замечательные идеи великого педагога Макаренко. А самое главное - они не жалели ни себя, ни своего свободного времени. Молодые, еще не обремененные семьями и семейными заботами, они все свободное время отдавали нам, детям.

Множество кружков по интересам - исторических, географических, литературных, математических, биологических. Каждый преподаватель старался обзавестись своим кружком, а, следовательно, и поклонником своего предмета. Мне кажется, не было ни одного педагога, который не вел бы тот или иной

кружок. И кружковые занятия им отлично удавались!

Если бы ты знала, сестренка, какие у нас были великолепные кабинеты! Кабинет географии - огромные объемные карты, изготовленные из папье-маше: карта-рельеф Кавказа, Уральских гор, Памира, Сибири и т. д. Развешанные по стенам кабинета, они как бы образовывали огромный кубический глобус, только изнутри. Ходи вдоль стен и изучай его. Старшие ребята сами варили бумажную массу, сами рассчитывали масштабы карт, лепили карту-макет, а затем раскрашивали ее масляной краской. Схемы горнообразования, круговорота воды в природе - все это было сделано нашими руками.

Кабинет истории - все, что касалось той или иной темы: схемы походов полководцев древности-Ганнибала, Цезаря, Александра Македонского - и до наших дней, портреты мифологических богов, героев, великих ученых, мыслителей древней Эллады, Рима. Буйная фантазия юных художников всех рот - Ивана Шамшуры, Максимилиана Карабанова, Коли Шапошникова, Стацюры Вити, Чумакова Виталия и др. рисовала сцены-картины жизни древних египтян, греков, римлян. Боги, богини, гладиаторы, спартанцы, картины из жизни рыцарей, Жанна Д'Арк, затем Робеспьер, Марат. . . Мало кто из представителей старшего поколения, моих современников, похвалится тем, что в конце 40-х годов видел нарисованную Клеопатру, царицу древнего Египта, сидящей на троне или лежащей на ложе из лепестков роз, а рядом с ложем, преклонив колена, стоит молодой Цезарь, ослепленный красотой юной женщины. А вот последние мгновения жизни Спартака, с мечами в обеих руках, окруженного врагами. Много рисовал на темы древних мифов Максимилиан Карабанов из 3-й роты. Мне запомнилось его изображение Прометея, прикованного к скале: громадный орел рвет печень Прометея, из зияющей раны течет кровь. И не беда, что лик древнего титана, подарившего людям огонь, уж больно был похож на физиономию самого Карабанова, картина была хороша. Его же кисти принадлежала картина, изображавшая Архимеда, прикрывавшего своим телом какой-то пергамент, а рядом с ним воин, занесший меч над головой великого ученого.

Артур Штаба из нашего взвода где-то раздобыл старинный фолиант с портретом Жанны Д'Арк. Молодая женщина в стальных доспехах стоит с мечом в руке над поверженным рыцарем и надпись: "Взяла честь, возьми и жизнь". Простым карандашом Артур срисовал эту картину на большой лист ватмана, и она была одним из лучших экспонатов кабинета истории. Виталик Чумаков, тоже из нашего взвода, много времени и сил отдал

картинам из истории гуситского движения в Чехии. Ян Гус, Ян Жижка, гуситы в бою и их тактика построения подвижных защитных сооружений были изображены в его картинах. И таких картин было множество.

Наши педагоги-историки не ущемляли фантазии юных художников, и они рисовали все то, что подсказывало их воображение, фантазия на темы рассказанного педагогами или прочитанного. Но при одном условии - картина, схема или плакат во что бы то ни стало должны были быть готовы к теме, которая проходила в данное время.

Таковыми же интересными были кабинеты литературы, ботаники, биологии, химии, физики, математики. Казалось бы, что интересного в сухой, деловой математике? И здесь юные умельцы под руководством молодого талантливого педагога Василия Климентьевича Совайленко выпиливали различные макеты ромбов, пирамид, в которые были вмонтированы шары, кубы и другие геометрические фигуры. Многочисленные теоремы по геометрии, неохотно входившие в наши юные головы, доходчиво и с выдумкой были вычерчены на разнообразных плакатах. Не забыты были и корифеи математики, их портреты украшали математический кабинет. Софья Ковалевская соседствовала с Лобачевским и Ломоносовым. Юные математики-кружковцы самостоятельно возвели в ранг корифеев математических наук Ларичева и Вальцева, авторов тогдашних учебников математики и геометрии. Мудрый Совайленко не препятствовал такому вульгарному подходу своих питомцев к математическим святыням, полагая, что почтение его учеников к любимой математике выше их невольных заблуждений.

В кабинетах ботаники и зоологии была собрана вся флора и фауна нашего родного степного края. Аквариумы с рыбками, клетки с птицами, бесчисленное количество горшков с цветами, растениями, гербарии, коллекции бабочек, жучков, паучков и даже змей. Кружковцы ухитрились достать где-то маленького заморыша-лисенка, приручили его, откормили и вырастили в красивого лисовина. Находились энтузиасты и любители живности, которые дневали и ночевали в этом кабинете. Память хранит забавный эпизод. Юный натуралист Эдик Хвостов по совету нашего преподавателя ботаники майора Кравцова, по кличке "Пестик", вел дневник ухода за аквариумом с рыбками.

В дневнике записи: "Вода сменена, рыбки накормлены". Второй день: "Рыбки накормлены, вода сменена". Третий, четвертый и последующие дни запись одна и та же, но с различными вариациями. Наконец, придя как-то в кабинет, Эдуард Хвостов обнаружил, что аквариум кем-то свален на пол, а

рыбки исчезли. Зато приبلудный кот Мурзик, живший в этом святом для Эдика месте из жалости, раздавленный в объеме, блаженно облизываясь, сидел на шкафу. В дневнике появилась последняя, горестная запись: "Аквариум кем-то разбит, рыбки исчезли. Их, вероятно, слопал кот Мурзик".

Кабинет физики. О! Это был не школьный кабинет, а настоящая физическая лаборатория. Здесь царила не наивная ребячья фантазия, а молодая инженерная мысль наших старших ребят. Не буду описывать его экспонаты. Лишь электрическая машина о двух стеклянных колесах, принадлежность тысяч школ России, досталась им в наследство, очевидно, еще с прошлого века. Остальные приборы - дело рук самих кружковцев. Без хвастовства смею утверждать: такие физические кабинеты, с такой оснащенностью приборами и наглядными пособиями вряд ли могли тогда иметь средние школы и даже техникумы.

Вылетая из суворовского гнезда, каждое последующее поколение кружковцев оставляло о себе память в виде многочисленных приборов, схем, картин, как бы передавая следующим выпускам эстафету творчества - твори, дерзай, придумывай, делай! И последующие выпуски с успехом продолжали дело своих старших товарищей.

...Очевидец расформирования Новочеркаского СВУ в 1962 году старший преподаватель химии и биологии Василий Яковлевич Павлов с грустью вспоминает, как из здания училища вывозили все, что можно было вывезти и вынести, как директора городских школ, ПТУ и техникумов чуть-ли не дрались за каждый прибор, экспонат, схему или пачку картин и плакатов, чтобы заполучить все это богатство, сделанное руками суворовцев, для своих школ...

Училище превратилось в какую-то гигантскую химико-физическую колбу, в которой постоянно варилось, клекотало то, что называется поиском, экспериментом или просто-напросто юной дотошностью, ребячьей любознательностью.

Ребята старших рот "изобретали" порох, и тогда по коридорам стлался вонючий дым, временами ухал взрыв. Надо же им, будущим офицерам, самим убедиться, что же такое порох? И всполошенные офицеры-воспитатели искали виновников, с тревогой ожидая, где же в следующий раз ухнет? При варке бумажной массы для макетов карт, при лепке их с клеем и покраске в коридоре, где располагались эти кабинеты, стоял такой густой запах, что мало находилось желающих пройти этим корпусом. Старшие ребята самостоятельно собирали радиоприемники, начиная с детекторных и кончая ламповыми; самостоятельно (конечно же нелегально) проводили на

различных собранных ими фантастических электросхемах эксперименты, от которых происходили частые замыкания в сети и горела электропроводка. К счастью, все оканчивалось благополучно, а опаленные ресницы, брови, небольшие ожоги в расчет не брались - наука требует жертв.

Офицеры-воспитатели, ротные командиры, обеспокоенные необузданной активностью своих воспитанников, озабоченно хмурились; педагоги, очевидно, в душе ликовали, мысленно потирая руки, довольные научной любознательностью, пытливостью своих учеников.

Младшие ребята что-то мастерили, резали, пилили. Ножовки, тиски, напильники, паяльники, рубанки - все это откуда-то неведомыми путями нами добывалось, приобреталось и пускалось в ход. В одном из вестибюлей бытового корпуса временно, за неимением другого места, стоял старенький токарный станок, на котором опытный рабочий обучал нас, ребятню, токарному делу по металлу и дереву. И этот токарный станок никогда не пустовал, нас буквально силой приказа отгоняли от него.

В этом же вестибюле, в противоположном углу, стояла клетка с нашим любимцем Лисом, выдворенным сюда из кабинета ботаники, где по мнению нашего преподавателя ботаники майора Кравцова, Лис распространял такой специфический запах в результате своей жизнедеятельности, от которого чахли и погибали растения и цветы в многочисленных горшках. Лисовин безмятежно дремал в своей клетке, привыкший и к ребячьему гвалту, и к визгу токарного станка.

Однажды ребята старших рот устроили в нашем Суворовском зале великолепный "химико-физический концерт".

Трое юношей в средневековых мантиях алхимиков, в колпаках с загадочными знаками и с приклеенными бородами и усами важно ходили вдоль расставленных многочисленных столов, на которых стояли различные колбы, реторты, какие-то приборы. Ребята показывали различные химические и физические "чудеса" и вроде бы без халтуры. А нам казалось - здорово, как в цирке! При этом "алхимики" (Коля Химичев, Саша Туляков, Женя Брицын) читали длинные поэтические монологи философского содержания. Ну ладно, все их загадочные "манипуляции" - это наука: химия, физика, оптика. Но откуда дотошные старшеклассники откопали свои поэтические монологи да еще написанные белым стихом? Вечер прошел интересно, довольны были и "алхимики", и зрители...

2. "Кадет на палочку надет"

Итак, я подошел к истории знаменитого "кадетского конфуза" (нас в городе называли кадетами), оставившего в памяти

заметный след. Как-то ребят старших рот пригласили в одну из женских школ на праздничный вечер. Я попал в их число как участник художественной самодеятельности. Было торжественное собрание, после него концерт, в котором и мы блеснули своими талантами. А потом начался бал - самое главное событие вечера! Девчонки, оживленно шушукаясь, разглядывали, решая, кого бы из суворовцев посимпатичнее, постатней выбрать в партнеры на белый вальс или польку-бабочку? Но, о ужас! Никто из моих старших товарищей не умел танцевать. Ты бы видела, сестренка, их физиономии! Растерянные, красные от смущения, вспотевшие. Девчонки, хохоча, шутливо тащили их в круг, порхали вокруг них в парах, призывно и умоляюще глядя на них. А те хмуро стояли у стен, опустив очи. Кто похитрее, те заранее смотались с бала, но многие остались, на свой позор. Некоторые, повернувшись спиной к танцующим, уткнулись в какие-то диаграммы и карты, висевшие на стенах, делая вид, что это самое важное и интересное для них на вечере, а все остальное - сущие пустяки. Нам было всем, конечно же, ужасно стыдно! Кое-как дождавшись конца бала, мы построились и хмуро побрели домой. А вдогонку нам кто-то лихо свистнул и ехидно выкрикнул: "Солдафоны! Кадет на палочку надет!" Что творилось несколько дней после праздника! Стихийные митинги ребят старших рот, страстные выступления на экстренных комсомольских собраниях! Все орали: "Мы не солдафоны! Хотим быть культурными советскими офицерами!"

Успеваемость резко снизилась. Пришлось нашему начальству в спешном порядке искать учителей танцев. Для старших рот специально из Ростова пригласили молодую преподавательницу танцев. А для нас, мелюзги, откопали где-то в городе довольно пожилую балерину. Старшеклассники поголовно постигали премудрости бальных танцев, занимаясь этим и в специально отведенное время, и в перерывах между уроками, и в часы досуга.

Забавная была картина! Все азартно разучивали всевозможные па, проходки и пробежки. Не отстают от всех даже самые дремучие увальни, старательно развивая красивое положение тела в танце, дрыгают ногами, постигая красоту и стиль танца. А нас, мелюзгу, на специальных занятиях, под бдительным оком офицера-воспитателя "мучила" наша балерина-бабушка, учила разного рода балетным премудростям. Малые батманы, большие батманы, деми плие, первая вторая, третья позиции... Попробуй только не сделай этот самый батман, сразу же раздастся непрекращаемый, суровый голос офицера, многозначительно предупреждающий: "Суворовец Ковалев!"

Зато через несколько месяцев, на праздник Восьмого марта,

наши старшие ребята блеснули в той же школе своим умением танцевать все существующие бальные танцы, своей галантностью. Наша честь была восстановлена! С тех пор в городе не было танцоров искуснее, чем суворовцы. Они были желанными гостями во всех школах, училищах, техникумах нашего шумного, студенческого городка. А какие красивые вечера, балы по праздникам устраивались в нашем училище! Готовились продуманно, тщательно и умело. Целые концертные монтажи. Тут были и буденновцы, лихо рубившие в танце настоящими казацкими шашками, и молодогвардейцы, и герои-воины, и даже своя Зоя. Попасть к нам на торжественный вечер и бал было нелегко. Старшие ребята красиво, от руки, делали пригласительные билеты и отсылали их по школам.

Круг гостей конечно же был ограничен, наш актовый Суворовский зал не вместил бы всех желающих попасть на праздничный концерт и бал. После торжественного собрания и праздничного концерта начинался бал - самое долгожданное мероприятие праздника. Черные, строгие мундиры, ослепительной белизны подворотнички и сияющие пуговицы, галантные манеры кавалеров... Все строится по парам, и духовой оркестр играет торжественный полонез или падеграс, и красиво движутся по кругу. Впереди своеобразной колонны офицеры со своими дамами, за ними суворовцы со своими подругами в нарядных платьях. Объявляется томное танго с его проходками и пробежками, потом вихрь вальса или веселый фокстрот.

Нам, юнцам, попасть на такой вечер было просто невозможно. После торжественного доклада, песен и плясок в концерте нас безжалостно загоняли на покой в наши спальни. Даже самым отчаянным и хитрым, вроде Вити Гузеева, не удавалось прорваться на бал. Строгие контролеры бесцеремонно отправляли нас от дверей актового зала, да еще обидно приговаривали: "Иди бай-бай, синьор кавальеро!". А прорвавшихся решительно выводили из зала под насмешливые улыбки присутствующей публики.

Но мы все равно нашли способ, хоть и тайно, но присутствовать на этих балах. Над актовым залом была обширная галерка, а за ее стеной наше спальное помещение. Кто-то подобрал ключ к этой галерке, и группа сорванцов, никак не желавших спать, нелегально наблюдала за происходящим внизу. А когда играла бальная музыка, то и на галерке устраивались свои танцы. Тут были и реверансы, и шутливое обезьянничанье, то и дело слышалось шутливое: "Эй, мадам, не наступай на лапу, в ухо получишь!"

Так жила, развивалась наша суворовская республика. Это был

большой, сложный и очень дружный ребячий коллектив. Что ни рота, то свои обычаи, свои традиции, герои и таланты. Тут были свои художники и артисты, музыканты и спортсмены, комики и умельцы - золотые руки, свои лентяи и любители плотно покушать и т. п.

3. Сила дружбы

Мы не замыкались и не обособлялись в своей строевой единице - взводе или роте. Мы хорошо, по-товарищески относились друг к другу, ходили в гости в соседние роты к своим землякам. Двери их классов, как и наших, были гостеприимно открыты для каждого. Я никогда не слышал, придя в гости в любую роту, недружелюбного окрика: "Что тебе здесь нужно? А ну, проваливай из нашего класса!" Такие эксцессы вряд ли были возможны потому, что многие были земляками по городку или поселку нашего южного края, имели общих многочисленных знакомых. Родители многих из нас, связанные общностью судеб своих сыновей, хорошо знали друг друга, часто работали на одном заводе, предприятии или в колхозе, дружили семьями. К примеру, моя мама дружила с семьями Толика Ролина, Володи Найденова, Феди Кравченко, Саши Краснова, знала по имени и в лицо почти всех суворовцев-каменчан. Некоторые семьи моих товарищей жили по-соседству, через улицу-две или совсем неподалеку. Если родители ехали проводить нас, то ехали вместе или передавали гостинцы своим сыновьям.

Таких групп земляков в училище было много. Естественный интерес к новостям из родного городка, станицы еще больше укреплял дружбу, симпатию между ребятами-земляками разных рот, их тягу друг к другу.

И еще один замечательный штрих из нашего далекого детства, который я всегда помню и горжусь им! Мы никогда не знали национальной розни, превосходства одной национальности над другой. Очень редко употреблялись словечки типа "армяшка", "хохол" или "жид". А если употреблялись, то в сердцах, в острых спорах или стычках и совершенно без тени превосходства и чванливости. Ребят, употреблявших эти грязные термины даже неосознанно, мы решительно осуждали, а иных и поколачивали.

Кто был наиболее популярен, известен и любим всем коллективом суворовцев-новочеркасцев? Володя Пизунов, знавший превосходно армянский язык, Петя Лысов, Саня Головин и, конечно же, Грачик Андресян! Боря Егоров, Саша Власов и Карлен Акопян. Кто не знал в училище, не относился с симпатией и уважением к суворовцу с певучей кличкой "Сулико"? Да это же наш общий любимец Валико Гомелаури! В роте на год старше нашей неизменным авторитетом пользовался маленький,

подвижный, легко вспыхивающий, Вилли Гегешидзе, а в нашей роте все любили его младшего братца - Оттарика Гегешидзе, спокойного, редко выходящего из себя, ни с кем не конфликтующего богатыря. Он был очень силен и, самое главное, неизменно миролюбив.

Грузинские словечки "мацони", "лобия", "чурчхели", "генацвале чириме", "кинто" часто звучали в нашей речи и были понятны всем, как и другие армянские, азербайджанские, грузинские слова, ибо многие суворовцы русской, украинской национальности, родившиеся в закавказских республиках и жившие там, с детства знали эти языки. Давид Сасунский, Георгий Саакадзе, Давид Гурамишвили, великий Шота и Низами были и нашими национальными героями, жизнью и подвигами которых мы гордились и брали их в пример и подражание наравне с Дмитрием Донским и Александром Невским.

Я знал в лицо всех своих ребят-суворовцев без исключения (а их было около шестисот человек), как и они, очевидно, меня. Встреться мне в то время в любом городе Союза мой однокашник по НчСВУ, я никогда бы не спутал его с суворовцем из другого СВУ.

Нелегко было нашим офицерам-воспитателям с нами! Сколько седин появилось на их волосах, морщин на их лицах, сколько забот и хлопот мы им доставляли! А мы и не знали, не ведали об этом в своем детском, ребячьем эгоизме... И все же педагогический коллектив упорно, настойчиво прокладывал свои тропки-дорожки к нашим ребячьим душам, чаще интуитивно подбирая невидимые ключики к каждому из нас, гораздо реже прибегая к приказам и нудным никчемным нотациям.

4. Петушьи поединки

... 1946 год был для меня и моим позором, и самоутверждением себя как личности в коллективе...

Был я подвижным, шустрым мальчишкой, но отнюдь не отличался крепкими кулаками и мускулатурой. Однажды на одной из перемен в какой-то шумной потасовке я ненароком сильно задел нашего Джонни (Дженибекяна) - товарища по классу. Он вспыл и предложил: "Стукнемся?" Это был вызов на бой, и я принял его... Весь взвод был оповещен о предстоящей дуэли и с нетерпением ждал следующего перерыва. Всем было не до урока, обсуждалось, кто кого. Большинство было за нашего любимца Джонни, подвижного, как ртутный шарик, вспыльчивого армянина. Едва за преподавателем закрылась дверь, кто-то щелкнул замком, парты были быстро поставлены к стенкам, и все взобрались на них, чтобы не мешать поединку. На образовавшейся арене начался бой! Что это был за бой! Бой

молодых, только что оперившихся петушков! Беспорядочные удары то в ухо, то в нос, бестолковое размахивание руками, сопли летели в разные стороны! ...Вот мы схватились вплотную, и я вцепился зубами в ухо противнику. Меня отшвырнули в сторону, так как это было против правил. И вновь мы ринулись друг на друга. А класс ревел: "Давай, Джонни, поддай ему еще!" И воодушевленный Джонни снова и снова бросался на меня, осыпая беспорядочными ударами. Через несколько минут мы так выдохлись, что не могли поднять рук и только стояли друг против друга. Джонни, как загнанная лошадь, тяжело дыша, шептал: "Ну что, еще хочешь, еще?" А у самого в его прекрасных, огромных глазах была мольба, они буквально умоляли: "Ну хватит, давай мир, ничью, хватит этого кошмара!". Звонок оборвал перемену и положил конец нашей "битве". Парты снова быстро расставили по местам, дверь открыта, в класс входит преподаватель. - Взвод, встать, смирно! Первый взвод 6-й роты в количестве тридцати человек к занятию готов!

Преподаватель внимательно осматривает взъерошенный класс: "Суворовец Тереченко, что у вас с носом, отчего он распух? А что с вашим ухом, суворовец Дженибекян?" - И в ответ почти одновременно: "Ушибся, товарищ преподаватель!"

- "Ушиблись? Гм-гм... странно! Одновременно ушиблись? Ну, садитесь и больше не ушибайтесь". И, глянув на нас из-под своих кустистых бровей, глубокомысленно добавил: "Вообще-то шрамы, как и ушибы, украшают настоящих мужчин, особенно в 10 - 12 лет!"

Итак, я решал вопрос - быть или не быть мне личностью во взводе или принимать на себя позорную кличку "слабак"? Через час предстояло снова бросаться в бой. По условиям наших ребячьих поединков, бой должен был быть продолжен до призвания одной из сторон своего поражения или явного преимущества противника. Такие же минорные мысли одолевали и Джонни. Он был сильнее меня, более популярен во взводе, но драки явно не хотел. Впоследствии он признался мне, что хотел ничьей. Но я опередил его и честно признал себя побежденным. Огромные глаза Джонни сияли торжеством, я же был подавлен. Это было первое в моей жизни крупное поражение. Горько и нелегко мальчишке считать себя "слабаком", к которому товарищи и друзья относятся снисходительно, а некоторые и с легким презрением.

Несколько дней ходил понурым, мрачным, забросил интересную книжку, не принимал участия в шумных играх, мальчишеское самолюбие страдало и корчилося в муках. Не знаю, сколько бы я мучился из-за своей неполноценности, но идею

реванша подал мне тогдашний мой верный дружок Витюша Распопов, не покинувший меня в моем горьком, печальном одиночестве. Он тенью ходил за мной, успокаивал, пытался развлечь. И однажды сказал: "А знаешь, Коль, ты ведь не слабее Джонни, ты смел, напорист, стоит тебе поднакачать мышцы - и победа над Джонни будет обеспечена".

Тайно от всех в свободное время я удалялся на чердак, подтягивался, взявшись за какую-то арматуру, отжимался от пола, приседал, "качал" мышцы рук, плеч, грудной клетки. И приучал себя к боли - давал себе пощечины, от чего из глаз брызгали слезы, бился головой, плечами, грудью о что-нибудь. Тренировки продолжались и в перерывах между занятиями, в укромных закоулках, подальше от посторонних глаз. Вместо гантелей, о которых мы еще и не знали, в ход шли кирпичи, камни, железный лом. Это было нелегким делом, все мышцы ныли, болели, но я был настойчив и день за днем тренировал себя, мечтая о реванше. Постепенно боли в теле стали проходить, оно стало наливаться упругой силой, про себя я отметил, что мой организм уже **ТРЕБУЕТ** повышенной физической нагрузки. Не занимаешься день - мышцы начинают "тянуть", ныть. Через месяц другой я так окреп, что, к удивлению своих товарищей, в шуточных потасовках стал побеждать и не таких, как Джонни, а однажды даже расшвырял по сторонам троих своих однокашников.. Меня стали уважать и побаиваться, с моим мнением стали считаться. Желание мстить Джонни за давнее поражение само собой испарилось.

Я так привык к тренировкам, что стал регулярно бегать, прыгать, заниматься специальными упражнениями, короче, вошел во вкус. Я уже не мог обойтись без своих камней, железа, подтягиваний, отжиманий, бега вокруг плаца. Это совпало с бурным развитием спорта в училище, и все же я считаю, что случайная стычка с Джонни явилась толчком к моему долголетнему увлечению спортом. А проявить себя "как личность" я все же сумел. На этот раз бой был с очень серьезным "противником" из соседнего взвода. Мальчик был силен, а главное свиреп, многих он колотил почти ни за что, не боялся чужих кулаков, был смел. Даже наши "гориллы" опасались его, не задирали, обходили стороной.

Случай столкнул нас, и я принял его вызов. Очень хотелось отомстить за разбитые носы, синяки, за тех, кого несправедливо почти ни за что колотил этот злой мальчик. О предстоящем поединке было объявлено во взводе. Друзья стали отговаривать меня от боя, обещая уладить конфликт миром, но я стоял на своем. Предупредил ребят, что поединок будет без "зрителей".

Мой "противник" сделал по моему предложению то же самое. Наши взводы выделили лишь "секундантов" для наблюдения за правилами поединка. Бой длился, две перемены в отдаленном, безлюдном вестибюле; оба "раунда" были явно в мою пользу, ибо я несколько раз сбивал его с ног. Наконец, очутившись очередной раз на полу, он встал, сплюнув кровь с губ, признал себя побежденным. Я тут же потребовал от него больше не трогать слабых, драться только на равных. Он молча кивнул головой в знак согласия, приоткрыл окровавленные губы, щелкнул по зубам ногтем большого пальца изнутри рта наружу и провел этим пальцем поперек горла. Это был знаменитый в то время мальчишеский жест, означавший страшную клятву... К чести этого молчаливого, несколько угрюмого хлопца, он и в самом деле больше не трогал слабых. Он вообще больше никого не обижал. Впоследствии он стал отличным гимнастом, гордостью роты, а я, к своему удивлению, стал его тайным поверенным в сердечных делах, которыми он ни с кем больше не делился ...

А в тот день я стал "личностью" в ротном масштабе.

Еще с тех пор я интуитивно полагал, что сила - это не самое главное в человеке, поэтому принимал вызов в крайнем случае, стараясь уладить конфликт миром. А если уж дрался, то наступательно, смело, расчетливо.

5. Испытание храбростью

Верхом доблести в нашем ребячьем коллективе был спуск с 3-го этажа на землю по уступам кирпичей. Окно нашего класса было угловым, и кирпичная кладка выступала небольшим рваным уступом. И мы, сорванцы, слезали с окна нашего класса вниз по уступу, рискуя сломать себе шею, пробуя в этом смертельно опасном номере свои силы, ловкость и смелость. Ведь мы же будущие офицеры, а если на фронте, в будущих боях потребуется ради дела и жизни товарищей совершить такое? И многие из нас рисковали. Тряслись губы, бледнели лица, душа уходила в пятки, но как приятно, спустившись вниз, ощутить радость победы над собою, своей слабостью! Как приятно было поднять оцарапанные, саднящие руки вверх, к раскрытым окнам и увидеть десятки восхищенных, бледных лиц своих товарищей, молча, потрясающих кулаками в знак приветствия очередного героя!

Подняться наверх по тому же пути было намного труднее, и на это решились лишь трое. Толя Пичкура, мой товарищ по взводу, был третьим и чуть не сорвался вниз. Больше никто на это не решался. Именно с Анатолием Пичкурой судьбе было угодно через несколько лет проверить нас на крепость наших мышц, самообладания, и - самое главное - на крепость нашего суворовского братства.

... У многих из нас уже пробивались редкие усы, мы скребла свои невинные щеки и подбородки безопасными бритвами, дабы "овощ телесная" побыстрее росла на наших ланитах. Пристально рассматривали свои физиономии в маленькие карманные зеркальна, ожесточенно борясь с появляющимися угрями и прыщами...

Дело было солнечным маем. В это время года у нас стоит прекрасная весенняя погода. Легкие весенние ветра приносили такие пьянящие ароматы со степи и покрытых цветом многочисленных городских фруктовых садов, что усидеть в помещении изнывающей душе было никак невозможно! А батюшка Тихий Дон так разливался в это время, еще не отягченный Волго-Донским каналом, регулирующим его мощные воды, что затоплял весь наш обширный луг за рекой Тузловкой, образуя как бы огромное море до самого горизонта. На этом теплом, мелком море виднелись многочисленные островки, маня к себе нежно изумрудной зеленью свежей травки.

Паводковая вода подходила к самому железнодорожному полотну, особенно в районе мельницы. Сидеть в классе было уже совсем невтерпеж и мы, воспользовавшись тем, что занятий не было, а командир нашего взвода из-за болезни отсутствовал, почти всем взводом ушли в самоволку. Это было серьезным нарушением воинской дисциплины, называлось "коллективкой" и строго каралось. Но все же мы пошли на риск, уж больно было соблазнительно искупаться до обеда в теплой водичке разлива. А причина отлучки была придумана и детально обсуждена. Вскоре мы были у железнодорожного полотна и, сняв свои летние легкие брючки из х/б и майки, выставив на всякий пожарный случай дозорных, плюхнулись прямо с камней в теплую воду. Побултыхавшись некоторое время в воде, вылезли, понежились на солнышке. И вдруг Толька Пичкура предложил: "А что, робя, может сплаваем, во-о-н к тому ближайшему островку и там поваляемся на травке? Там нас сам черт не сыщет, а то лежим здесь и ждем, когда нас "придавят" наши бдительные воспитатели". Мы с интересом слушали Пичкуру и находили в его словах резон, все же неприятно купаться под дамокловым мечом нагоняя за самоволку. Самый умный и уважаемый среди нас Коля Шапошников привстал на локтях, поднес большой палец к носу, отвел его от себя на расстояние 20 - 30 см и этим способом определил: "Примерно 4 км до острова плюс километр берем на обман водной стихии. Итого 4 - 5 км! Кишка тонка, робя, чистейшая авантюра", - безапелляционно заключил он.

Кто-то присвистнул, к разговору присоединились ребята из других рот, разгорелся оживленный спор. Пришли к общему

мнению: расстояние большое, но преодолимое. Да и не везде же большая глубина, вода уже спадала, должны быть мелкие места. Толик Пичкура набычился, его самолюбие было уязвлено. Он презрительно оглядел присутствующих и заявил: "Эх вы, слабаки, вы просто дрейфите! Это мне, лучшему пловцу роты, да не преодолеть это расстояние?!.." Мы не сомневались в способностях Толика, прекрасного пловца. А он все подначивал нас. Потом он обратился ко мне: "А что, Козлик (моя кличка), сплаваем или действительно кишка тонка?". Я не выдержал: "Знаешь, Гофперран (подпольный псевдоним Пичкуры), я не хуже тебя плаваю, а по нырянию дам тебе пять очков форы. Сплаваем!" Мы поднялись. Двое "героев" из соседней роты тоже изъявили желание испробовать свои силы. Они были крепкими ребятами. Но они были не нашими, и мы не знали их так хорошо, как себя и своих товарищей. Нас стали отговаривать, да куда там! Четверо "героев" молча сделали легкую разминку мышц и бросились в воду.

Плыть было легко. Весело резвясь и переговариваясь, мы плыли и плыли, не оглядываясь. Через некоторое время мы стали уставать, а островок, казалось, стоит на месте. Стали оглядываться назад: на оставленном берегу люди были совсем малюсенькими. Что делать? Возвращаться или продолжать заплыв? Ребята забеспокоились, промеривание дна показало, что мелких глубин не попадалось. Мы все же продолжали молча плыть вперед. И вдруг наступила минута настоящего ледянящего душу страха, который сковывал движения, парализовал, волю. Мы волчком завертели на месте, не зная, куда плыть - вперед или назад?" Кто-то разнюнился: "Все, братцы, хана!.." - "Мочи больше нет!" - вторил ему другой.

- Молчать! Не скулить, говнюки, а сейчас потоплю, как кутят! захлебываясь водой, взревел Толька. Это возымело действие, хныкающие приутихли. "Козлик!" - скомандовал Толька, - "Ныряем поочередно, а эти кутята пусть держатся на наших руках и отдыхают". Так мы и сделали. Ныряя и становясь на дно, мы поднимали вверх руки, а наши сотоварищи опирались на них и отдыхали. И вновь плыли к коварному островку. Постепенно наши подныривания становились все короче, воздуху в легких не хватало на длительные задержки под водой. Силы покидали нас. Наступил критический момент, когда все стало безразлично, в ушах звенело, в глазах плыли радужные круги. Но мы все же по инерции продолжали плыть вперед, помогая из последних сил товарищам отдыхать на наших, ставших ватными руках. Приближалась неминуемая, страшная развязка.

В самый последний момент мы увидели рыбацью лодку,

пересекавшую наш курс. "Ребята, миленькие, - взмолился Толька, - упирайтесь в наши руки повыше, машите руками, орите во все горло, мы с Колькой выдюжим!" И мы выдюжили! На наше счастье, лодочник, заметив нас и изменив направление, подплыл и втащил нас четверых в лодку в полуобморочном состоянии,

- Эх, вы, шибздики, - сказал прокаленный на солнце казак-лодочник. Потом он добавил, что до острова еще верста с гаком будет. Молча подплыли мы к берегу, кое-как выползли из лодки и поплелись к нашим товарищам, с тревогой поджидавшим нас. По нашим осунувшимся лицам и опустошенным глазам они все поняли, всем было не до шуток и подначек. Молча, тайными дворами и закоулками двинулись мы к дому.

Перед самым училищем один из "героев" подошел к Толику и, дотронувшись до его плеча, смущенно произнес: "Прости, братка-кадет, за минутную слабость и спасибо..." "Иди ты со своими телячьими нежностями!" - ответил наш Гофперран и слегка стукнул товарища кулаком по спине.

Мы стеснялись сентиментов, нам было по 10-12 лет...

6. Короли зеленого поля

С наступлением весеннего тепла, к великому сожалению многих педагогов, вся деятельность многочисленных кружков, соперничавших друг с другом в эрудиции, в знаниях, почти прекращалась. И лишь самые преданные науке интеллектуалы корпели в душных кабинетах, давая робкую надежду своим педагогам, что жизнь науки все же будет продолжена в недалеком осеннем будущем.

Все устремлялись на обширный училищный двор, где бурно разворачивалась спортивная деятельность наших молодых и талантливых капитанов от спорта Дорошенко и Лыскина, патриархов наших спортивных успехов и славы, Степаняна Арама Аркашевича, Георгия Фатале, Журавлева Юрия Васильевича и Позднякова, пришедших к нам в училище позже. Это были увлеченные люди, настоящие разносторонние спортсмены. Все перечисленные были отменными футболистами на уровне мастеров спорта. Степанян (по кличке Хачатурыч) - борец и гимнаст, Георгий Фатале - гимнаст и великолепный фехтовальщик, Юрий Васильевич Журавлев - кандидат в мастера спорта по гимнастике и хоккеист (красавец-гигант, тяжело раненный на фронте в грудь, в результате чего он лишился легкого). Поздняков специалист по легкой атлетике, мастер спорта, стратег и тактик бега.

Мы безропотно, даже с удовольствием подчинялись этим молодым, красивым, увлеченным своей профессией людям, их кипучей энергии и деятельности. Под их руководством мы

строили свои спортплощадки, обихаживали наш стадион и гаревые дорожки, обустривали спортзалы. Времени у них было в обрез: надо было заниматься спортивным воспитанием ребят, учить их основам бега, борьбы, гимнастики, бокса и одновременно с этим строить спортивные сооружения, что-бы было где и на чем работать. Вот они и крутились, как белки в колесе, занимаясь одновременно и физподготовкой, и строительством. Они не чурались никакой работы, сами копали ямы, пилили, орудовали слесарным инструментом. Мы постоянно видели их на нашем училищном дворе от подъема и до позднего вечера. По утрам они делали с нами общеучилищную физзарядку, а затем весь день работали на плацу. Обычной формой их одежды были или трусы, или легкое спортивное трико. В таком виде они встречали наши взводы, явившиеся на урок, часто втыкая в землю лопату или лом, принимали рапорт от дежурного по взводу и проводили урок. Крепкие, ладные, загорелые дочерна, они олицетворяли собою молодость, силу, красоту, и мы уважали их за это, старались во всем им подражать и очень часто работали рядом с ними, стараясь не отстать от них в работе.

"Степанян! - слышался иногда с другого конца плаца голос старшего преподавателя физподготовки Анатолия Степановича Лыскина, - Ты куда подевал, едрена вошь, рулетку?" И Степанян, проводивший с нами урок, через весь плац разяснял, куда он дел эту злосчастную рулетку или подсказывал молодому коллеге Георгию Фатале, как надо спланировать закругление гаревой дорожки.

Запущенный стадион, а вернее, пустырь (на этом место было какое-то строение, потом фундамент и кладка были разобраны, осталась масса строительного хлама и мусора) был очищен нами простым и оригинальным способом и без каких-либо затрат. Утром, после зарядки, все училище выстраивалось на одном конце стадиона в многочисленные шеренги во всю длину стадиона, и Лыскин командовал: "Первая шеренга, вперед! Камни, щебень и весь мусор бросать как можно дальше впереди себя!" Мы шли и бросали перед собою все, что попадалось под руку. Доходили до другого края стадиона, а там наш Хачатурыч командует со стороны в рупор: "Первая шеренги, стой! Направо бегом марш!" - И вся шеренга быстро бежит в сторону. Очередь второй, третьей и т. д. волны. За короткий срок стадион был "вылизан" даже, от мелких камешков. Мы сами возили грунт и рассыпали его по всему полю, а старшие ребята, быстро освоив грейдер, ровняли поле стадиона и гаревые дорожки.

И, конечно же, занимались спортом! После занятий, в послеобеденное время буквально все училище было во дворе,

всеобщий спортивный вирус заразил даже самых инертных и ленивых. Быть может, не последнюю роль в этом повальном увлечении спортом сыграл наш коллективизм, желание постоять за честь своего отделения, взвода, роты. К примеру, не хватает в команде игрока, где его взять? Брали непременно со своего же взвода и на ходу учили его играть в футбол, волейбол, прыгать в длину или бросать гранату. В этом важную роль играло мальчишеское самолюбие, желание быть не слабее товарища, не посрамить своей немощью честь своего подразделения. Ведь над слабыми подтрунивали, их не уважали. Подсознательный девиз "быть не хуже других" заставлял многих мальчишек упорно тренировать свое тело физическими упражнениями, а, следовательно, и свою волю, и характер. Конечно, слабаки и у нас были, но их было среди нас немного.

Фаворитом, королем спорта в те времена был у нас конечно же, футбол! Да и у кого он не был в те времена, Его Величеством Футболом во всей необъятной России? Надо памятник поставить британцам за то, что в маленькой Англии умудрились "изобрести" эту удивительную игру! И все же россияне из московского "Динамо" однажды утерли нос славным англичанам на их же территории, победив с общим счетом 19:9!

Вот тогда в нашем Отечестве и произошел колоссальный футбольный взрыв. Все болели футболом, думали, говорили, спорили о футболе. Был футбольный фильм "Центр нападения". Даже личные отношения между влюбленными строились на базе футбола. Легендарные имена футбольных атлантов - Хомича, Радикорского, Бескова, Семичастного и других, защищавших спортивную честь послевоенной Советской страны, всегда помнила и будет помнить благодарная Россия! В каждом населенном пункте России была своя футбольная команда. А мы, суворовцы, рыжие что ли? И у нас была своя сборная, училищная. Да еще какая! Наши мальчишки, смело выходившие на футбольные поединки со взрослыми командами, состязались со всеми семью командами города. Мы даже соперничали на равных с самой сильной командой города - командой политехнического института, не раз побеждая ее.

Вот славные имена наших лучших футболистов первой сборной, которые я помню: Головин Саша - вратарь сборной, Пизунов Володя - нападающий, Лысов Петя - непробиваемый полузащитник, Морозов Саша - защитник, Власов Саша - защитник, разносторонний спортсмен, кроме футбола занимался боксом, спринтом, прыжками в длину и высоту и везде добивался отличных результатов, Егоров Боря нападающий, кроме отличных футбольных, бойцовских качеств, он еще и природный комик,

душа команды.

Если не изменяет мне память, в сборной команде играл и Грачик Андресян (будущий генерал-лейтенант). Помнится, в команде был высокий парень, армянин, с которым Володя Пизунов, знавший армянский язык, как свой русский, переговаривался во время игры, отдавая команды, которые соперники не понимали.

Молодежь в команде дополняли опытные игроки, наши преподаватели физподготовки: маленький, быстрый, кривоногий Степанян, стремительный Георгий Фатале, обладавший ювелирной техникой обводки, степенный Лыскин, мощный бомбардир Журавлев. Все они стоили друг друга и отлично вписывались в футбольную команду. (В свое время; учась в Ленинградской военно-медицинской академии, Коля Шапошников, мой добрый товарищ, неожиданно встретился с Георгием Фатале, который работал в академии на кафедре медицинского контроля физподготовки и спорта. Теперь Николай Иванович Шапошников, подполковник запаса - ведущий терапевт одной из поликлиник города Житомира...).

Наши футболисты были общими любимцами. Где появлялся Боря Егоров, там шум и хохот. Боря умел показать свои актерские способности, любил шутку, был остроумен, очень общителен. За Сашей Головиным вечно ходила толпа мальчишек, глядя на него, как на живого бога, и он, застенчивый от природы, не знал куда деться от нашего внимания. к нему.

Петя Лысов, с мягкой улыбкой, был гордостью, нашего училища, первый в учебе из года в год, первый вице-старшина. Это он был награжден часами с надписью "Советскому народу от короля Англии Георга". Петя был всегда внимателен к нам, пацанам, относился к нам с уважением, не упускал случая поговорить с нами об учебе, спорте, жизни. А если ему было недосуг, ограничивался при встрече подкупающей улыбкой и подмигиванием, мол, как дела, брат-кадет, хороши?..

Сорок лет спустя, когда я присутствовал на юбилейной встрече в честь основания нашего училища, я видел генерала Лысова Петра Федоровича, но подойти к нему не решился. Да и невозможно было ко всем подойти, нас было очень много. На скромном банкете в честь нашей встречи оркестр заиграл танго, и многие пошли танцевать. Я стоял в стороне и, блаженно улыбаясь, глядел на танцующих, пытаюсь по лицам вспомнить своих дорогих братьев-кадетов. Мне удавалось это с большим трудом, ведь прошло столько времени. Ко мне приблизился немного грузноватый генерал Лысов, почтительно и осторожно ведя свою даму в танце. Наши взгляды встретились, он, видя

меня, улыбающегося, понимающе улыбнулся сам и... подмигнул мне знакомым, петиным, привычным "Ну как, брат, дела? Не правда ли, все прекрасно? Ты извини меня, брат, сейчас видишь, недосуг, а то бы мы с тобой погутарили".

Наши спортивные знаменитости никогда не имели никаких льгот и привилегий. Так же, как и все, учились, получая и колы, и пятерки, подчинялись строгому уставному распорядку дня и воинской дисциплине. Даже калории получали, как и все, в училищной столовой из общего котла. А мы, ребятня, отрывали от себя лакомства в виде пончиков и пирожков и относили нашим любимцам, подкармливая их перед ответственной игрой или выступлением. Лишь одной привилегией пользовались наши футболисты и спортсмены - всеобщей любовью и почитанием. Они никогда не задирали носа, были общительны и просты в повседневной жизни.

А как играли наши футболисты! Стремительно, напористо, ошарашивая соперника своей дерзостью, смело шли в атаку на ворота противника и забивали голы. Особенно запомнилась одна из финальных игр на кубок города. Фантазия руководства городским спортом ничего не могла придумать лучшего, как выставить в виде кубка мельхиоровый подстаканник. Даже по тем бедным, послевоенным временам, такой приз вызывал иронические улыбки и зубоскальство. Но дело не в кубке. Борьба команд за победу - вот что вызывало страсти, горячие и бурные споры. В этой борьбе неожиданно выбыла отличная команда политехнического института, наш постоянный и сильный противник. И вот финал, сборная НчСВУкоманда Дома офицеров. На наше удивление, на поле вышли почти все незнакомые нам дяди! Мы-то хорошо знали состав почти всех команд, в том числе и команду Дома офицеров и не сомневались, что наши ребята победят армейцев. Они были слабее нашей сборной, и мы предвкушали победу, полагая, что подстаканник кубок уже наш, а наши футболисты в этот вечер будут торжественно пить чай из этого "кубка". Но мы жестоко ошиблись. Эти дяди были, чего уж там говорить, сильнее наших ребят. Если наша сборная обладала стремительностью, юношеским энтузиазмом, решимостью во что бы то ни стало забить гол и геройски рвалась к воротам соперника, то армейцы разумно рассчитывали свои силы, тактически были грамотнее, умно локализовали наших наиболее опасных для них игроков, играли на дальних, точных пасах. И часто, гораздо чаще наших игроков, прорывались к воротам Саши Головина. Но наш Санечка творил буквально чудеса, брал такие фантастические мячи, от которых весь стадион ахал и взрывался ликующим свистом, восторженным ревом, а противники

удивленно пожимали плечами. Легендарный Хомич, прославленный Яшин гордились бы таким вратарем! Минимум пять верных мячей было бы забито в наши ворота, если бы не Саня Головин!

На последних минутах первого тайма обессиленный Саня пропустил совсем уж легкий мяч. Надо же! Брал такие мячи, а тут... Видимо, нервная энергия небеспределельна, ведь не стальные же канаты у человека, а нервы! Как мы горевали, как переживали вместе с нашими игроками, вместе с нашим героическим Сашуней, сидящим на училищном дворе в перерыве в окружении огромной толпы его братьев-кадетов, искренне сочувствующих его горю. "Какой дурацкий мяч и пропустил!" - почти стонал Головин. Он закрыл лицо мелко дрожащими пальцами и прошептал: "Все, больше не могу, выдохся!" И почти в истерике: "Не могу. Не могу, не могу-у!"

К нему подошел Георгий Фатале, положил свою жилистую руку на плечо и совсем по-нашенски, просто сказал: "Не хандри, Саня, прикроем!" Толпа одобрительно загудела. "Не волнуйся, Саша, сказал всегда вежливый, интеллигентный Анатолий Степанович Лыскин, - мы их к тебе не пропустим". "Костями лягу",-горячо воскликнул Боря Егоров, сверкая белками своих бесовских глаз. "Глянь, Сашко, какая сила поддерживает, болеет за нас!" - пробасил Петя Лысов, обведя глазами нашу толпу. Благодарный Саня поднял голову, оглядел нас, вздохнул и улыбнулся.

После первого тайма игра приняла напряженный, нервный характер. Вzbешенные армейцы усилили натиск на ворота суворовцев. Они были явно возмущены нахальствам мальчишек. Ведь, по сути дела, перед ними были 16 - 18-летние юнцы, но физически прекрасно подготовленные, смелые, дерзкие. Кроме трех-четырех человек со взрослыми прическами "а ля бокс", все остальные стрижены под "нулевку". Но как играют, как решительны и смелы! "Ах, так? Ну, мы им сейчас покажем, не битьем, так катаньем",- говорилось стилем их игры. И стали "катать" наших ребят, проявляя явную грубость, не раз сбивая их с ног под возмущенные крики и свист болельщиков. Судья, явно подыгрывающий армейцам, вынужден был наказать их одиннадцатиметровым. При единственном прорыве к воротам армейцев нашего Володю Пизунова беспардонно сбили с ног у самых ворот. Гол четко реализовал самый опытный игрок нашей команды Степанян, наш милый Арам Аркашевич, наш Хачатурыч.

Теперь игра переместилась только на сторону ворот суворовцев. Ребята, буквально ложились под ноги армейцев, мешая точным, прицельным ударам, сковывая их действия. И все

же они забили второй гол в ворота суворовцев, но... с другой, правой стороны ворот! Мяч проскочил у самой штанги в щель между сеткой и штангой. И судья засчитал этот гол! Весь стадион возмущенно вопил, толпа болельщиков кинулась на поле к судье, доказывая, что гола не было. Штатский, городской люд, студенты, только что болевшие за армейцев, горячо доказывали явную несправедливость судейского решения. А тот, упрямец, стоял на своем! Армеец, "забивший" гол, сам подошел к судье и также подтвердил, что гола не было. Безрезультатно! Так и продолжалась игра со счетом 2:1 в пользу армейцев до конца матча. Наши ребята обессилели до предела. И армейцы также устали, это чувствовалось, но они явно не хотели больше забивать мячей в ворота суворовцев, хотя забить их им не представляло большого труда.

Игра из интереснейшего, захватывающего поединка превратилась в явную комедию. Армейцы "пуляли" мячи специально мимо наших ворот под одобрителный хохот болельщиков. Благородные люди были эти армейцы!

Прозвучал финальный свисток. Судья рысцей подбежал к столу, на котором стоял кубок-подстаканник, схватил его и бросился наутек со стадиона под веселое улюлюканье и лихой свист болельщиков. Судью никто не собирался догонять. Вот такие взрослые футбольные баталии были в нашем городке Новочеркасске.

А в обычные дни были многочисленные мини-баталии на близлежащих пустырях вокруг училища. Почти каждый взвод, особенно мальцы, гоняли кожаную покрышку, набитую тряпьем, в любую свободную минуту, в любую погоду. В нашей роте одним из лучших, непробиваемых вратарей был все тот же... Юра Бирюков, с его обширной головой! Да еще какой вратарь - смелый, цепкий. Он умудрялся брать мячи прямо с ноги нападавшего. Жаль, что в одной из отчаянных футбольных потасовок Юрику сломали два пальца левой руки, а то бы он стал в будущем украшением сборной училищной команды. Юрик долго ходил мрачный, с гипсом на руке, о чем-то думал, размышлял, а когда кости срослись и был снят гипс, он, к удивлению своих товарищей, переключился на музыку и стал посещать класс фортепиано. Вот такие метаморфозы бывают с людьми...

Нельзя думать, что из всех видов спорта у нас был только футбол и только футболом мы жили. Нет и еще раз нет! На наше великое счастье командование училища, отлично понимавшее значение спорта в деле воспитания ребячьего поколения, будущих советских офицеров, всегда приглашало в наше училище

спортсменов, своих ли городских, областных или заезжих, случайно оказавшихся в нашем городе для демонстрации своих спортивных достижений. Результаты этой заботы не замедлили сказаться. У нас вскоре появились большие группы любителей тяжелой атлетики. Мальчишкам импонировали красивые, мощные фигуры, стальные бицепсы взрослых спортсменов-штангистов, гиревиков. Для этого не надо спортплощадок, или особого оборудования. Гири-пудовики и двухпудовики можно было без особого труда достать, штанги тоже. А спортивная борьба? Сколько помню себя, мальцы всегда боролись друг с другом и, кряхтя от усердия, старались повалить своего соперника. А уж с семи-девяти годков борьба как форма проявления силы, ловкости приобретает всеобщий характер у всех мальчишек всех континентов, широт и рас. А как соблазнительно ловкой подсечкой или подножкой повалить соперника крупнее, сильнее тебя на удивление своих товарищей!

Что и говорить, борьба - красивый, захватывающий вид спорта, и он нашел своих поклонников в нашем училище. Стоило несколько раз известным в области спортсменам, мастерам спорта по вольной борьбе (одного я запомнил, его фамилия - Дерич) побывать в нашем Суворовском зале, как, по многочисленным просьбам ребят, в училище сразу же были организованы несколько секций борьбы. Эти секции вел, преподаватель физподготовки Степанян, обучавший ребят основам, тактике, всевозможным приемам спортивной борьбы.

"Ну, а бокс? - Не для того, чтобы скулы сворачивать вбок, а для того, чтобы без штыка и пуль обезвредить вражеский патруль!". Этот стихотворный афоризм замечательного пролетарского поэта очень точно определяет значение этого вида спорта для нас, будущих офицеров, воспитателей своих солдат. В секцию бокса, как ни странно, часто шли самые спокойные на вид, флегматичные ребята. Наши боксеры достигали блестящих результатов, они лидировали не только в городских, но даже в областных соревнованиях. Мой товарищ по роте Анатолий Хирьяков неоднократно выигрывал областные соревнования среди юношей, а впоследствии он завоевал кубок Северо-Кавказского Военного округа среди мужчин в своей весовой категории.

7. Девушки со шпагами

С фехтованием вообще творились чудеса! Единственная в городе секция фехтования была организована в нашем училище. Ее возглавлял преподаватель физподготовки Георгий Фатале, блестящий футболист и талантливый фехтовальщик! В секцию поначалу не хотел никто идти, она не пользовалась у нас

популярностью. Предпочтение отдавалось штыковому бою. Мы отлично понимали значимость владения штыком в грядущих боях, к которым с младых ногтей готовили нас. Ведь еще Александр Васильевич Суворов частенько говорил своим солдатам: "Пуля дура, а штык молодец!" Поэтому занятия учебным штыковым боем велись не только в секции Георгия Фатале, но и на занятиях физподготовки в старших ротах. Наш Жора отлично владел этим видом боевого искусства. И все же у него был серьезный соперник в этом деле - командир 2-й роты подполковник Остроумов Григорий Евгеньевич - кадет с дореволюционных времен, воспитанник 2-го Московского кадетского корпуса, отличный вояка, награжденный двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны и многими медалями. Мы с большим интересом смотрели их частые поединки на штыках и шпагах. Старый кадет, все еще сильный и стройный, гораздо чаще побеждал своего молодого партнера Георгия Фатале...

Чувствуя, что ему не наскрести в свою секцию фехтования нужного количества спортсменов, хитрый Жора привел в свою секцию несколько длинноногих девчонок-подростков... И потекли толпы юных Дон Жуанов в секцию Фатале! Он никому не отказывал, всех учил сложному и тонкому искусству фехтования, попутно отбирая самых ловких, стремительных ребят в свою основную группу. Отсеивание, конечно же, касалось и девчонок, одни уходили, разочаровавшись в фехтовании или в своих способностях, на смену им приходили другие, самые ловкие. А где у девочки ловкость, там и изящество, грация, а значит, и красота.

Наши хлопцы были, конечно же, внимательны к этим лукавым евиным дочкам, старательно помогали им в овладении шпагой. Вскоре естественная юношеская стеснительность обоих полов прошла, ей на смену пришла спокойная деловитость в работе над овладением сложного фехтовального мастерства. А потом пришли взаимная симпатия, дружба и первая любовь. Это был очень дружный коллектив, после тренировок ребята всей гурьбой провожали своих юных подруг до дома, шли веселой стайкой, беспричинно хохотали, вызывая улыбки одних прохожих, хмурые взгляды других.

Через некоторое время в нашем актовом зале был проведен открытый показ секции фехтования для городской публики. Зал и галерка были переполнены. Ребята и девчонки продемонстрировали свое мастерство, вызывая восхищенный шепот и аплодисменты зрителей. Вдруг из зала раздался провокационный выкрик: "Пусть мальчик с девочкой сразятся!"

Зрители поддерживали крикуна, им было интересно, кто победит. Напрасно главный судья Фатале уверял присутствующих, что это не положено, не этично и вопреки правилам - зал просил поединка. Ребята, посоветовавшись, выставили разнополую пару. Бой был, конечно же, неинтересным, незрелищным. Парень благородно пропускал уколы юной амазонки. Вдруг юная шпажистка внезапно прекратила бой. Сорвав с головки маску и сверкая карими очами, она, гневно произнесла: "Давай, Сережа, без дураков! Я тебе не кукла! Какой благородный рыцарь нашелся! Бой так бой. Еще посмотрим, кто кого!" Она была прекрасна! Гневом пылали щеки, волнистые крылья волос спадали на плечи. Девчонка надела маску и стала в боевую позицию. Сережа сердито пожал плечами и принял вызов. Это был красивый бой! Смелая девчонка грациозной кошкой налетала на своего "противника", заставляя его пятиться назад. Это был серьезный бой, без игры. Фатале развел в разные стороны разъяренную пару и прекратил бой под восторженный визг слабой половины зала и восхищенные аплодисменты юношей. Мы почитали своих девчонок особенно горячо, искренне и чисто любили гордых, нецелованных недотрог.

... В старину российские парни называли своих девушек лебушками, лебедушками, величали их красными девицами. Что же случилось теперь? Однажды я стал свидетелем разговора двух, парней. Один из них сказал другому: "Ну ладно, чао! Пойду. Меня моя телка ждет". Неудивительно, что после этого наши красавицы становятся дикими тигрицами и своей агрессивностью, грубостью отстаивают свое право быть человеком среди нас. Эх, парни России, где же ваша нравственная сила, где ваше благородство?

Древние римляне считали самым ценным капиталом своего государства здоровое тело своих женщин. Нам бы поучиться у современных испано-язычных народов их рыцарскому поклонению женщине. Известно, что у испанцев женщина, родившая семерых детей, все еще величается, как и девушки, сеньориной, что примерно соответствует русским понятиям - молодушка, молодица. Часто бывая на Кубе, я обратил внимание на то, что молодые парни, встречая молодую красивую девушку или женщину (а их на Кубе очень много), что-то им кричали вслед, отчего девицы рдели маковым цветом и озорно улыбаясь, лукаво поглядывали на кричащих или вступали с ними в веселую полемику. В выкриках кубинских парней часто звучала фраза "мучача бонита". Я грешным делом подумал, что эта фраза означает какое то соленое содержание. Поинтересовался у одного кубинского друга, прекрасно знающего русский язык, как переводится на русский это "мучача бонита"? Он долго думал, а

потом сказал: "Это означает красивая девочка".

8. Творчество

Кроме футбола, мы увлекались и другими видами спорта: баскетболом, волейболом даже ручным мячом. Но успехи здесь были скромнее, так как по ним у нас не было опытных наставников.

Как итог наших спортивных достижений в силе и ловкости была сдача норм БГТО и ГТО. БГТО - для мальчишек, ГТО 2-й ступени - для юношей, 1-й ступени для взрослых. Это был серьезный экзамен на проверку нашей ребячьей, юношеской зрелости. Вершиной спортивного отличия был значок "Отличник ГТО". Он давался самым развитым, физически крепким, талантливым спортсменам. Их у нас было не так уж много! Кажется, из первых шести выпусков было всего 12 отличников ГТО; из них я помню Сашу Власова и Володю Толмачова.

К окончанию училища и я заработал право носить значок ГТО 1-й ступени. Мы носили наши спортивные знаки с гордостью, как боевые награды. Мы серьезно готовились к труду и обороне нашей Родины.

В нормы ГТО входили все виды массового спорта: спринтерский бег на 100, 200 метров, бег на 1,3 и 5 км, прыжки в длину и высоту, метание гранат, полоса препятствий, плавание на время и плавание на дальность, с оружием и боеприпасами, с нормой времени, стрельба из м/к винтовки, лыжные гонки. Нормы были едиными для всех, жесткими, высокими по нормативам и без поблажек. Пересдавать их разрешалось через год. Вручались значки и удостоверения на право ношения их, обычно в торжественной обстановке, по большим праздникам. Эти удостоверения приравнялись к паспортам или комсомольским билетам.

На Всесоюзный день физкультурнику на городском стадионе, что был рядом с училищем, устраивался спортивный праздник, в котором принимал участие весь личный состав суворовцев. Под веселую музыку из училища на стадион выбегали сотни мальчишек в трусиках и майках с цветными обручами. Они выполняли красивые упражнения, а затем под барабанную дробь быстро бежали и становились по всей окружности стадиона в одну шеренгу, лицом к зрителям; поднимая свои разноцветные обручи вверх. Стадион как бы огораживался радугой цветных колец. Затем звучал строевой марш, и на стадион выходила большая колонна юношей в летней суворовской форме с учебными карабинами и со штыками. Колонна растекалась по всему стадиону, и старшие ребята делали упражнения, имитируя штыковой бой. В конце упражнений все одновременно и дружно

производили залп. Это было красиво и эффектно. После этого шли различные соревнования по бегу, прыжкам в длину и высоту, соревнования гиревиков, штангистов. В соревнованиях принимали участие все желающие, а их было много. О, спорт! Ты был не только радостью тела и нашей повседневной жизнью, но и предметом гордости, живого интереса наших педагогов и воспитателей к своим питомцам. Они не давали нам поблажек на спорт, строго взыскивали с нас за леность в учебе и знали о всех наших успехах и неудачах в спорте.

Однажды наша немка, майор Мария Федоровна Французова, зазвала к себе в гости несколько ребят из нашей роты, среди которых был и Толя Штепа, страстный поклонник вольной борьбы, готовый пропагандировать этот вид спорта где угодно и кому угодно. Увлеченно, рассказывая о тактике и приемах вольной борьбы, Толик решил показать один из приемов под названием "суплес". И показал его "геноссе майору" с ее согласия. Это был красивый классический бросок, от которого гостеприимная хозяйка колобком покатилась под стол, за которым сидели чаевничающие гости. Все онемели, а из-под стола раздался веселый хохот нашей немки...

Пусть не сложится у читающих эти строки, впечатление, что все делалось так же легко, как говорится. Тогда наши воспитатели и педагоги жили бы припеваючи, и не сидели бы они преждевременно и не пили бы "ведрами" валерьянку, как выразился много лет спустя уважаемый Иван Исаевич Драгин, офицер-воспитатель. Целыми коллективами - отделениями, взводами лазали мы по чердакам, подвалам всех зданий и построек училища, и за короткий срок после переселения досконально изучили все это пыльное, таинственное хозяйство. Там мы организовывали свои штабы, устраивали различные совещания, играли в сыщиков и разбойников, рассказывали страшные истории из жизни преступного мира, а то и просто читали детективы. А в подвалах искали мифические кладушки с золотом, драгоценности или оружие. Кладов не попадалось, а вот оружия было в избытке - поржавевшие штыки, палаши, противогазы и даже шарики шрапнели из разряженных трофейных мин. Этими шариками мы играли как в кегли, ставя по несколько штук от участника, и пускали по половине ударный шарик. Кто сбивал, тот и забирал "кон". У некоторых удачников этой игры карманы так оттягивали штаны, что не выдерживали поясные ремни, рвались пуговицы. Пришлось офицерам срочно провести ревизию наших карманов, дабы избавить нас от ненужной тяжести. Конечно, это вызывало сильное недовольство суворовцев и тревогу наших воспитателей. Страшно даже

подумать, что могло случиться, если бы мы в своих подвалах "откопали" неразряженную трофейную мину со шрапнелью.

Впрочем чердачно-подвальная эпопея постепенно проходила, мы выросли, и находили себе более серьезные занятия.

...Ребята старших рот, особенно 1-й и 2-й, были нашими шефами: Конечно же, это была несомненно планомерная работа подколлектива училища и комсомолии старших рот. Но это было сделано так тонко и незаорганизованно, что мы об этом и не знали. Мы были частыми гостями у ребят старших классов. Они были приветливыми с нами. Вход в их классы был для нас всегда свободен. Если шеф был чем-то занят своим, мы ему не надоедали, а обращались со своими просьбами и вопросами к другому парню, и он, как правило, уделял нам свое внимание. Лично у меня в этот период было много шефов. Так Жора Спичак из второй роты, известный наш доморощенный радиолюбитель, отложив на время свои дела, сделал мне миниатюрный детекторный радиоприемник...

...Георгий Степанович! Мой дорогой капитан 1-го ранга, шеф моего детства! Узнал от ребят из Ленинграда, что ты жив и здоров, до сих пор занимаешься своим любимым делом, начатым еще в юности, и имеешь большие успехи и известность среди коротковолновиков мира. Так, уж сложилась моя судьба, что мне, как и тебе, пришлось бороздить долгие годы моря и океаны нашей планеты. Мы много раз встречали советские военные корабли среди необъятных морских просторов и в знак приветствия приспускали наши корабельные флаги.. Может быть, на одном из встреченных нами военных судов и ты нес свою вахту? Салют тебе, мой капитан, крепкого тебе здоровья и семь футов под килем!

Суворовец Ваня Шамшура, лучший училищный художник, не раз рисовал в моем альбоме воздушные бои советской авиации с фашистами, его рисунки украшали не только мой альбом.

Саша Длугопольский (из 2-й роты), гуляя со мной по двору, рассказывал о макро- и микромире, и я, раскрыв рот от удивления, слушал его. Слова "молекула", "атом" я впервые услышал именно от Саши Длугопольского.

Гена Кирсанов, один из поэтов-суворовцев и мне читал свои стихи, очевидно, пробуя их на моем впечатлении?

Юра Захаров из 3-й роты, лучший пианист, следил за моими музыкальными занятиями и настойчиво внушал мне полезность гамм. Порою так не хотелось их играть, и, садясь за фортепиано, я сразу же приступал к отшлифовке разучиваемых произведений. А Юра прерывал меня и сердито говорил: "Салажонок, играй гаммы!". Это он мне открыл великого чародея норвежца Эдварда

Грига. Юра замечательно исполнял "Музыкальный момент" Грига, "Лунный вальс" Дунаевского, "Цыганскую венгерку" Цфасмана и особенно - "Сентиментальный вальс" Чайковского. Мы учились у этого одаренного юноши настойчивости, с какой он совершенствовал, оттачивал свою музыкальную технику.

Частенько и сами шефы заглядывали в наши классы, помогали решать нам мудреные алгебраические задачи, интересовались, что мы читаем, и подсказывали нам, что нужно читать, строго и, самое главное, справедливо разбирали наши конфликты. Шефство старших ребят над младшими не было показухой, для галочки в протоколе комсомольского собрания. Шефы были в курсе всех наших событий, ребячьих проказ и даже тайн. То, чего не знали наши воспитатели, знали шефы. Нас часто обижали некоторые старшины, куражились над нами, а то и поколачивали за наши проказы. Жаловаться начальству считалось у нас дурным тоном, а шефам мы рассказывали все. Однажды они серьезно поговорили с одним из обидчиков. Разговор "по душам" не возымел действия, тогда ребята устроили ему "темную". Начальство строго наказало некоторых из наших шефов, но и старшина получил свое - его уволили с работы. Кураж и грубость с ребятней со стороны старшин прекратились....

Когда в 1945 году был сделан второй набор в наше училище, уже мы взялись за шефство над новичками, вводили их в курс нашей повседневной жизни, наших порядков и обычаев. Во втором наборе было 25 советских мальчишек и 25 югославы. Так наша самая младшая рота, к тому времени ставшая называться шестой, пополнилась третьим взводом.

А какие славные мальчишки влились в нашу семью! Анатолий Стулов и Виктор Мануйлов - их называли "золотыми головами" третьего взвода! Круглые отличники из года в год, они соперничали с нашими "аборигенами", отличниками учебы Колей Шапошниковым, Толей Бородаенко, Юрой Бирюковым.

Запомнилось сочинение на вольную тему, написанное в восьмом классе Толей Стуловым и зачитанное нам на уроке литературы. Оно было о наших недостатках, которые он бесстрастно и честно называл, - о нарушении дисциплины и нечестных поступках некоторых из нас. И называл пофамильно, не боясь суда и гнева товарищей. А ведь ему, хрупкого телосложения, могли запросто накостылять его же друзья и товарищи по взводу! Но ни одна рука не поднялась на автора, очевидно, подкупало мужество этого сочинителя на вольную тему.

А Вася Сердюк из этого взвода, силач и богатырь, отличный боец-разрядник! А Валя Коваленко 2-й, один из лучших гимнастов

училища!

Двадцать пять мальчишек из Югославии, принятых в наше СВУ во втором наборе, было большим событием для нас. Сербы, хорваты, черногорцы, албанцы и даже турки вошли в наш многонациональный суворовский коллектив, ставший интернациональным. Все их фамилии странным для нас образом оканчивались на "ич": Баранкович, Попович, Миленкович, Вукашинович, Душанкович, Чупич, Стричавич и др. И лишь фамилия Клиновского выделялась среди "ичей". Мы сразу же окружили их своим вниманием, может быть, чересчур назойливым, ибо нас, советских, было много, а их мало, мы были у себя дома, а они на чужбине. На одного югославского пацана - около дюжины шефов! Уж больно хотелось каждому из нас внести и свою лепту в дело воспитания этих ребят, чтобы им не было тоскливо в пока еще чужой, хотя и дружественной, стране.

Поначалу я не принимал участия в шефстве над суворовцами-югославами, слишком нас, шефов, было много, полагал я. Однажды под вечер, пробегая полутемным коридором бытового корпуса, я увидел русоволосого мальчика лет семи-восьми, сиротливо стоявшего у окна. Я подошел к нему и спросил: "Ты что здесь делаешь, мальчик, почему один, почему не играешь с другими?" В ответ - молчание. Мальчик-югослав - поднял на меня глаза, в которых отразилась такая тоска, что мне стало не по себе. С этого дня я всегда находил время пообщаться с Любишей Стричавичем. Так звали маленького хорвата. Друзья называли его "Срика-брика". Полагаю, что это было ласковое и шутливо обращение. Любиша был застенчив и молчалив. По его постепенно оттаивающим глазам я понял, что наше знакомство мальчику не в тягость. На первых порах он "разговаривал" со мною только глазами. Они говорили лучше всяких слов и я научился понимать его. Я, как мог, рассказывал ему о нашей стране, о наших обычаях. Гуляя с ним по нашему саду, называл породы деревьев и растений и упрямо заставлял молчуна повторять за мною русские названия этих растений. Занимал ему место рядом со мною в кинозале, мы садились рядом, и я, как мог, объяснял ему содержание фильма. Приносил детские книжки, и мы читали их вслух.

Мало-помалу мой Любиша повеселел, стал более разговорчив и общителен с окружающими, стал принимать участие в играх своих советских сверстников, у него появились собственные увлечения и интересы, друзья. Я понял, что моя скромная миссия шефа исчерпана, остальное дополнит наша кипучая жизнь, дружный коллектив товарищей, воспитателей и педагогов. Чтобы не быть уж больно навязчивым, я постепенно отошел от него, но

связи и дружбы с ним не терял до самого своего выпуска.

Надо сказать, что ребята-югославы быстро втянулись в нашу жизнь, освоили русский язык и через полтора-два года их было почти не отличить от остальной массы суворовцев. Но это "почти" все же было заметным. Между собою они разговаривали на своем языке, были более дружны и сплочены. Были великолепные спортсмены! Среди них были и футболисты, легкоатлеты, борцы, гимнасты и боксеры. Они достойно защищали спортивную честь нашего училища на городских соревнованиях и в области. Мой бывший подшефный Любиша Стричавич, этот тихоня и молчун, через несколько лет стал быстрым, шустрым малым, лучшим нападающим сборной футбольной команды училища. А когда начались всесоюзные спартакиады суворовских и нахимовских училищ, югославы-суворовцы и там показали себя с самой лучшей стороны...

9. Еще каникулы

1946 и 1947 годы запомнились мне настоящими летними каникулами, которых мы ждали с нетерпением. За год надоедало все - форма, жесткий регламент распорядка дня и дисциплины. Хотелось окунуться в другую, вольную жизнь наших гражданских сверстников, своих семей. Не будь этой отдушины, обрыдли бы для многих из нас и стены родного училища, и красивая суворовская форма, и сытое питание. Зато после каникул мы охотно возвращались в наш суворовский дом.

Большую часть каникул я проводил у милой моей бабушки Оли на старинном казачьем хуторе Каюковка близ станции Тарасовка. Неширокая извилистая речка с ее жирными окунями и раками была в общем пользовании. У каждого хуторянина был свой сад, большой участок огорода, называемый "левадой", своя живность: корова, свинья, овцы, куры, утки, гуси, индюшки. Каждая левада огораживалась оградой из местного белого камня-известняка, чтобы в леваду не забредала скотина. Двор и хозяйственные постройки назывались "базом", дом - "курением".

В хуторе сплошные фруктовые сады. Главным занятием моих предков испокон веков был хлебушко, к которому они всегда относились как к святыне, истово и серьезно. А сады - для забавы и украшения земли. Помню, еще до войны у многих наших хуторян были странные деревья, называемые "прищепами", на которых одновременно росли и яблоки, и груши и плоды одного дерева, но разной формы, величины, окраски и даже вкуса! Деревья были уже немолоды, достигали больших размеров. Еще до великого Мичурина, полагаю, мои предки скрещивали различные виды деревьев, своим умом и пытливостью неторопливо отбирали самые зимостойкие, самые урожайные и

вкусные сорта плодов.

В Каюковку я приезжал на летние каникулы почти постоянно. Встречи с друзьями и братьями были сердечны, мне были рады, меня ждали. Я всецело отдавался в распоряжение своих сверстников, с удовольствием окунался в стихию хуторской жизни юных казаков с их играми, забавами, дерзкими приключениями. Я у них пользовался огромным авторитетом военного человека. Моя бабушка Оля, подметив, как меня порою "заносит" от гордости за свою персону, строго поджимала губы и поучала: "Не гляди, унучик, на людей с кручи, а гляди с говенной кучи!" - Эти слова моей суровой, но справедливой бабки всякий раз охлаждали меня.

На каникулах собирался сложившийся еще с довоенных времен триумvirат: Жора Ковалев, мой троюродный брат, Федя Грошев, сосед, и я. К нам часто присоединялся братушка Саня Андриянов - мой двоюродный брат из соседней Баклановки, и Петя Ковалев из Атаманской. С утра мы трудились на своих огородах, а часть дня мы пропадали на речке, удили рыбу, ловили раков или стреляли из лука на дальность и меткость. Знойную жару переживали где-нибудь в тенистых кустах бузины, обсуждая хуторские новости, строили планы набегов в какой-нибудь сад или огород "взять на анализ" то, что росло в изобилии. Просить лакомые плоды не полагалось.

В станицах и хуторах Тихого Дона очень не любили попрошаек, почитали самостоятельность, независимость и трудолюбие каждого. Гордые казаки и казачки редко когда обращались за помощью к соседям, предпочитая лучше терпеть нужду, чем идти на поклон к другому. Но попросить у соседей уголек на растопку, закваски, чтобы испечь хлеба, щепотку соли или еще чего по мелочи никогда не считалось зазорным. Странников же казачий люд приветчал, давал им угол для ночлега или на несколько дней отдыха, кормил и снаряжал с богом в дорогу. А кланчащих молодых бесцеремонно выпроваживали вон с база. Им не было веры. Но в годы всенародной военной беды, когда в хуторах и станицах оставались лишь дети малые, женщины-солдатки да немощные старики, хуторяне и станичники принимали у себя многочисленные потоки беженцев, кормили и поили их, устраивали на постой, а то и на долгое житье до лучших времен.

...Так вот, воровать яблоки, груши и овощи с чужих садов и огородов не считалось большим грехом у казаков и даже парубков Тихого Дона. Это действие деликатно, как я уже говорил, называлось "взять на анализ". В наших хуторах-садах под щедрым южным солнцем каждый год в изобилии что-нибудь произрастало

и созревало: от яблок до винограда и персиков. Все это возами продавалось на местных рынках, сушилось, вялилось, солилось или замачивалось впрок на зиму. Рынки ломились от изобилия плодов земных и были весьма дешевы, обычной мерой при продаже были цыбарка (ведро), кошелка (корзина) или мешок. Девать эту дешевую, скоропортящуюся продукцию было некуда, все оставшееся, хуторяне скармливали скоту, и все же львиная доля опадала и догнивала на земле.

Казачата испокон века тренировали свою ловкость, смелость и хитрость на чужих садах и грядках; парубки, подрастая, тоже занимались "анализом", но уже гораздо реже, угощая своих белозубых, чернооких любушек добытыми плодами.

Часто наблюдалось и такое: один хуторянин щедро угощал такого же хуторянина, но с другого конца хутора плодами, "взятыми на анализ" из его же сада. А тот, хитро улыбаясь, доставал из-за пазухи и угощал в ответ приятеля его яблоками. И оба, разгадав взаимные хитрости, довольно хохотали. Нельзя сказать, чтобы эти негативные явления проявлялись в наших хуторах столь уж часто, но нельзя сказать, чтобы и редко.

Жил на конце нашей Каюковки одинокий, нелюдимый старик по имени Прон. Был он в летах, но еще могуч, красивая борода до пояса, длинные волосы, густые кустистые брови. Некогда занимался хлебопашеством, слыл "справным" хозяином, но детей не имел. А когда преставилась старуха, Прон и вовсе занедужил. В колхозе не работал, выращивал свои овощи, рассаду, снабжал всю округу отменным самосадам - этим и жил. С соседями ладил, а с местным сельским начальством у него никак не складывались мирные отношения. Вечно донимал дед Прон местную власть своими тяжбами, претензиями, которые вечно разбирались и ничем не кончались.

А был у него еще небольшой сад, а в саду!! Сочные яблоки, груши необыкновенного аромата, сливы, абрикосы, различных сортов виноград. И все отменного качества, самого лучшего вкуса. Особенно славились проновские яблоки- фунтовки огромной величины, нежного тонкого аромата и вкуса. Они год могли лежать в горнице на окне и ничего им не делалось. Редко кто даже из взрослых достаивался угощения проновскими фунтовками. Все же одному лихому парубку из Атаманской, науськанному его зазнобой, чудом удалось как-то добыть у деда Прона пару фунтовок для своей любушки. Но это стоило ему штанов, разодранных проновским кобелем вместе с телом. Больше охотников "взять анализ" у деда Прона не находилось.

Как-то, накупавшись и лежа на берегу речки, братушка Жора Ковалев мечтательно заметил!

- Эх, попробовать бы проновских фунтовок, робя, вот было бы здорово!

- Да-а, - протянул Федя Грошев, - его кобель тебя так опробует, задницы не соберешь! Ведь знаешь, что случилось с хлопцем из Атаманской? К чему рот разевать зря все равно ничего не получится!

- А что, если все-таки попробовать? - нерешительно предложил я.

- Одна попробовала, да... - хлопцы засмеялись.

- Но можно как-то отвлечь деда... - не унимался я. Нет, кобель не даст подойти к яблоне... - подумал я.

Федя, вдруг привстал, лицо его просветлело: - Робя! Кобеля можно запутать вокруг яблони, а чтобы он не распутался, приставим дедову тяжелую тачку к яблоне, и все будет отлично, фунтовки наши!

Мы хорошо знали дедов баз, что где находится. Яблоня была метрах в восьми-десяти от куреня и вокруг, поблизости, не было деревьев. А отвлечь старика было проще пареной репы: распустить по хутору слух о том, что его, якобы, вызывают в сельсовет по важному делу - и он, как правопослушный, отлучится на часок. В случае провала операции весь грех я брал на себя - все равно послезавтра уезжать домой в Каменск, а там меня дед Прон не достанет. Мы и побежали к сельсовету. Через третьих лиц пустили нашу "утку", а сами в укромном месте, неподалеку от дедова куреня, стали ждать результатов.

На другой день, спозаранку, мы были на своем секретном посту, видели, как дед ходил по базу, затем перевязал своего кобеля из дальнего конца сада под заветную яблоню и ходко зашагал в сторону сельсовета. Мы взялись за дело. Брызжущий от злобы слюною, рычащий лютый пес был мною запутан вокруг ствола яблони. Жора с Федей подкатили дедову тачку к дереву и поставили ее так, что пес не мог вылезти и распутаться.

Уже к полудню хуторское "сарафанное радио" оповестило население о сенсационной новости: у деда Прона "взяли анализ"! А к вечеру мои соратники уже получали каждый свою заслуженную мзду; кто в виде уздечки или налыгача, а то и крепких, увесистых шлепков материнских ладоней. Моя бабуля Оля, узнав подробности этого коварного дела, гневно набросилась на меня, но не била (она никогда не трогала меня даже пальцем), а просто никуда не выпускала меня из куреня до самой ночи...

Рано утром следующего дня она провожала меня к поезду, до околицы. Мы никак не могли миновать усадьбы деда Прона. Старик уже поджидал нас у своего куреня. Он властно подозвал

нас с бабушкой к себе. Мы подошли. Я опасливо стал в стороне. Бабушка, прикрывая меня, как квочка своего цыпленка, молча поклонилась, покрыв себя крестом. Я, убежденный атеист еще с первого класса СВУ, мысленно, на всякий случай, попросил защиты у господ бога!

Дед Прон молча подошел ко мне.

- Здравия желаю, дедушка Прон! - смело произнес я дрожащим голосом и приложил руку к головному убору.

- Здорово, здорово, супостат! - миролюбиво произнес грозный дед и вдруг разразился тонким, сиплым хохотом.

Моя бабуля угодливо ухмыльнулась. Отсмеявшись, дед обратился к бабуле: "Гарный будет казак, а, Ольга?". Я смущенно стоял перед ним, скромно потупив очи.

Прон обратился ко мне: "Ну-кошь, подь сюды, ко мне, на баз". Мы с бабкой зашли к нему во двор. Свирепый Пронов кобель, очевидно, хорошо вздрюченный хозяином за свою собачью провинность, лежал около куреня, виновато опустив голову на лапы и поджав хвост. Дед вошел в курень и вскоре вернулся с большущей кошелкой, полной злосчастных фунтовок!

- Возьми и тарабань домой, - сказал дед, - да благодари свою маманю Марию, я ее хорошо помню. Поклон ей от Прона Ильича. Бери, бери, за пазухой столько не унесешь. - И ехидно добавил - Узнаешь, почем стоят енти фунтовки! Бабушка понимающе улыбнулась.

Я не обратил внимания на последнюю фразу деда, поблагодарил его и, пожелав старикам здоровья, двинулся к степному полустанку. Прошагав под поднимающимся все выше солнцем четыре километра до поезда, надорвал здоровенной кошелкой себе руки, весь в мыле, и только тогда понял ехидный смысл последних слов деда Прона. Так вот почем фунт лиха! Так своеобразно наказал меня старый казак.

К началу 1948 года из писем мамы и родственников, полных тревожных намеков, я понял, что дела в нашем хуторе идут все хуже и хуже, что идут поборы с каждой курицы, с каждого дерева. Приехав в Каюковку летом, я не узнал хутора-сада. Почти все деревья были вырублены, молодежь правдами и неправдами покидала родимые места, не было слышно голосистого пения девчат по вечерам. Две предыдущие засухи, давшие большой недород зерновых, довершил развал некогда процветавшего района, где жили мои предки, смелые, лихие ратоборцы на поле брани, славные работяги земли донской.

Жизнь властно и неумолимо вторгалась за наши суворовские стены, и вернулись мы с этих каникул не такими восторженными и веселыми, как прежде. Наши педагоги и воспитатели отлично

понимали наше состояние, сотни наших "отчего" и "почему?" и учили нас смотреть на эту суровую, жестокую и все же прекрасную жизнь правдиво, как могли...

Часть четвертая. Поклон вам низкий

1. Майор Кравцов, биолог

Ботанику мы, откровенно говоря, не любили. У нас был хороший училищный участок земли, свой сад, огороды и все рядом. Мы с увлечением копались в земле, сажали деревья, копались на грядках, выращивали свои овощи. И все под руководством нашего старого, подслеповатого преподавателя ботаники майора Кравцова по кличке "Пестик". Мы его по-своему уважали и бесовестно обманывали, пользуясь его слепотой. Что творилось на его уроках! В кабинете абсолютная тишина, одни сладко подремывали, другие взапой читали книги отнюдь не ботанического содержания, кто-то играл в шахматы. В общем, каждый занимался кто чем хотел, а наш ботаник, вдохновенно размахивая руками, что-то вещал у ботанического экспоната: "Пыльца на рыльце, пестики, тычинки и пр." Как-то он поймал меня, увлеченного какой-то очередной интересной книгой и потерявшего бдительность, поднял с места и спросил, что я читаю. Я торжественно (под ухмылки товарищей) ответил: Чарлз Дарвин, "Происхождение видов", товарищ майор!" И в подтверждение показал обложку старого фолианта, в которую искусно была вмонтирована книга. "Пестик" удовлетворенно хмыкнул, погладил меня по плечу и, ничего не сказав, посадил на место.

Излагал он нам и идей "народного академика" Лысенко Трофима Денисовича. А куда было деться нашему старому ботанику, если в программе курса обширное место занимали идеи яровизации, критика менделизма-вейсманизма и прочее. Но Кравцов, сын потомственных хлеборобов, посвятивший свою жизнь педагогическому поприщу, все идеи предпочитал проверять практикой, ибо только практика, учил он нас, является проверкой всех идей, и только она является критерием истины. Как мы ни бились с яровизацией на наших делянках, ничего путного у нас не получилось. Отсюда и наш, и нашего преподавателя скепсис к этой идее.

Как-то раз, рассказывая о ветвистой пшенице (дело было на нашей опытной делянке), Кравцов заговорился: "Пшеница ... м-м, ну как ее" - "Рогатая", - подсказал из толпы присутствующих наш остролов Толя Бородаенко. "Бородаенко, не подсказывайте, сам знаю", - рассеянно произнес Кравцов. "Так вот, пшеница рогатая..." Веселый смех, Толик опять продолжает гнуть свое: "А что, вот выведем мы такую пшеничку с рогами, и будет она, как

во-он та яблоня, а на ней готовые калачи и булки с маком..." "Ничего смешного не вижу", поняв, что попал впросак, улыбаясь проделал необидчивый старик. "Растет же в Африке хлебное дерево..."

С зоологией у нас тоже дело не шло. Нам нравилось возиться со степными зверюшками - сурками, хомячками, которых мы по неопытности и любви к живому существу кормили так, что они подыхали от обжорства. Сколько галчат, скворцов и другой пернатой живности было выхожено нами и отпущено на волю. Ежи жили у нас не только в кабинете зоологии, но и в спальне, чем очень возмущался наш ротный. А изящных, некусачих ужей мы вообще использовали по хулиганскому назначению, пугая ими наших молоденьких преподавательниц иностранного языка, "англичанку" Веру Николаевну Токареву и "немку" Марию Романовну Фридрих.

2. Педагог Павлов

Предмет "Основы дарвинизма" мы уважали, особенно, когда к нам пришел педагог Павлов Василий Яковлевич, который вел у нас биологию. Ранее этот ладно скроенный и крепко сбитый симпатичный молодой человек, чуть ниже среднего роста, был офицером-воспитателем Орловского СВУ. В 1947 году училище было переведено в Куйбышев, а Павлова, по его просьбе направили в Новочеркасск, где проживали его родители и где он должен был работать в Новочеркасском СВУ преподавателем. Накануне его отъезда в Новочеркасск к нему подошел один из питомцев его извода суворовец Попов Игорь и вручил ему стихотворное послание. Мальчик полночи просидел, сочиняя его, а утром нашел своего офицера-воспитателя и вручил ему свои стихи, которые более сорока лет хранятся в семье Павлова. Вот они:

ПОСВЯЩАЮ ПАВЛОВУ ВАСИЛИЮ ЯКОВЛЕВИЧУ

Лейтенанту сей стих посвящаю

И потомкам хранить завещаю

Чистую память о том,

Кто зажег меня этим огнем.

О том, кто сделал меня солдатом,

О том, кто сделал меня богатым

Не золотом и серебром,

А зрелостью и умом.

А Павлов действительно толково читал свой предмет! Именно читал, как читают лекции студентам биологических факультетов. Читал без конспектов и шпаргалок своей быстрой скороговоркой, обрушивая на наши стриженные головы такой водопад новых сведений об эволюции мира, единстве и

противоречиях живой и неживой природы, единстве той же зоологии и ботаники, которые мы по легкомыслию игнорировали. Павлов не довольствовался тощим объемом учебника, а толковал предмет гораздо шире и глубже, старался вместить в наши головы весь тот курс знаний, который он приобрел в университете. Часов на это отводилось мало, поэтому Василий Яковлевич спешил, стараясь больше рассказывать, спрашивал мало, как на семинаре, подводя лишь итоги того или иного раздела. Рассказывал он великолепно. Интересный, доходчивый рассказ пересыпал массой примеров, сравнений и наблюдений из нашей повседневной жизни, из природы нашего края, который был нам хорошо знаком. Поэтому слушали мы его лекции со вниманием, понимая, что объем учебника, по которому мы готовились, несравним с тем, что давал нам он. Это вызывало уважение к Василию Яковлевичу.

Выставляя нам итоговые оценки, Павлов спокойным голосом читал наши фамилии и оценки. Когда же он доходил до фамилии, против которой стоял высший бал, он делал короткую паузу и громким ликующим голосом восклицал: "Пять!", вызывая веселое оживление в классе. И таких возгласов было много.

Я хорошо помню, что именно в лекциях Павлова, в его примерах часто упоминалась мушка Дрозофила. Не я ни от кого из наших преподавателей, в том числе и от Павлова, не слышал погромных речей в адрес "мухолюбов", "дрозофильщиков", которые часто прорабатывались в прессе. Эти погромы нашими учителями на уроках не выпячивались. Много лет спустя я узнал, чего стоило для многих ученых, педагогов Советской России лишь публичное упоминание об этой махонькой мушке с огромными изумрудными глазами на маленькой головке... Наши педагоги, просвещенные, образованнейшие люди своего времени, не вешали ярлыков "врагов народа" ученым советской науки, как это делали сторонники Лысенко и К. Все наши наставники от старшины до начальника училища знали нашу ребячью жизнь, наши обычаи и порядки. Знали, что в нашей среде самым тяжким грехом считалось доноительство. Беда была тому, на кого ложилась только лишь тень подозрения в сексотстве. С такими людишками мы были жестоки и беспощадны. Можно было быть тупее сибирского валенка в науках, дохляком в физическом развитии, но нельзя было жить в нашем коллективе доносителем!

Офицеры-воспитатели даже не делали какой-либо попытки склонить кого-нибудь из нас к доночеству. Такой офицер неминуемо был бы отторгнут ребячьим коллективом, несмотря на свои офицерские погоны, заслуги и даже ордена.

Подличать мы не умели, нас этому не учили. Исключительная

порядочность педагогического коллектива училища обуславливала и порядочность их питомцев.

Мне кажется, что мы учили друг друга обоюдно. Наши педагоги учили нас разным наукам, этике, культуре, а у нас учились непосредственности восприятия жизни, нашему коллективизму, духу суворовского братства.

Вспоминая свое детство и юность, я не могу припомнить ни одного поступка своих учителей, который бы порочил их честь и достоинство. Они были для нас примером порядочности и нравственности. Льщу себя мыслью о том, что в годы всеобщей подозрительности, в годы репрессии ни один наш педагог не был изгнан из училища или репрессирован, и они долгие годы творчески работали бок о бок с нами в обстановке доверия, понимания и взаимного уважения... Наши наставники были в высшей степени нравственными людьми.

... Совсем недавно я совершенно случайно узнал некоторые подробности из жизни нашего учителя Василия Яковлевича Павлова, поразившие меня своей жертвенностью и величием. Семнадцать долгих лет отдал этот человек своей парализованной матери, отказавшись от такого земного, блага, как семейная жизнь. И на склоне своих лет, больной, жил и боролся со своим недугом совсем один. И, может быть, единственной радостью и отрадой нашего учителя являлись сведения о жизни и успехах его многочисленных учеников, которых он терпеливо ждал и с радостью на них отвечал своими подробными, теплыми письмами.

В апреле 1992 года Василий Яковлевич ушел из жизни

3. Милая Гамалеиха

Антонина Алексеевна Гамалеева преподавала нам русский язык и литературу с 1944 года и почти до нашего выпуска. Долгие годы учила нас уму-разуму эта маленькая, миниатюрная и прелестная женщина с высоким благородным лбом. Это ей мы обязаны любовью многих из нас к русской классической литературе и поэзии. Это она раскрыла перед нами волшебную тайну слова, красоту русской речи. Не могу представить себе нашу Гамалеиху, как мы ее называли, грубой, раздраженной, злой. Всегда ровного характера, доброжелательна и очень деликатна. В редких случаях она выходила из себя, исключительно скупой ставила низкие оценки, всегда тактично давая понять, что ты хоть что-то да знаешь, и стоит тебе еще поработать над материалом и все будет хорошо! Свой предмет, особенно литературу, любила самозабвенно. Красиво и ярко рассказывала, голое ее было негромким, выразительным. Особенно она любила Лермонтова. Мы часто просили ее прочесть что-нибудь из Лермонтова и она делала это, почти не заглядывая в томик поэта. Обучая грамматике, синтаксису, она терпеливо учила нас обращать свое внимание не только на правописание слов, но и на такую "премудрость" как пунктуация. В этой области терпение ее не знало границ. Очень часто она приходила на нашу самоподготовку и опять бралась за свое дело. Именно от нее мы впервые узнали, что маленькая запятая может стоить человеку жизни. Вспомните расхожее выражение; "Казнить нельзя, помиловать!" Стоит небрежно переставить запятую на одно слово левее, и человек станет на голову короче. Кто сейчас помнит выражение "святая ложь"? Кто помнит забытую балладу Жуковского, учителя и наставника великого Пушкина, балладу о матери, которая внушила своему сыну перед казнью мысль о том, что как только палач подымет топор над его головой, король его помирует, даруя жизнь. Мать потеряла сына, но "святой ложью" спасла честь своего рода, своей страны.

Мы уважали свою учительницу, старались поменьше огорчать ее. Но огорчения были. Однажды она задала нам очередную тему для домашнего сочинения об Обломове. Через несколько дней мы выполнили задание и сдали его для проверки. Еще через несколько дней приходит наша Гамалеиха, сама не своя от наших сочинений. Особенно досталось за злоупотребление иностранными словами Витюше Остапенко. Запомнилось, с каким сарказмом прочитала учительница Витино выражение: "Мосье под микитки взял досье". О, нет! Такого вульгарного отношения к великому, могучему русскому языку она простить не могла и

влепила Вите Остапенко единицу. Это единственный кол, поставленный Гамалеихой, который я помню.

Антонина Алексеевна горячо поощряла наших первых "пиитов", развивая у них дар стихосложения, и многие из нас тайне кропали свои вирши. Они хорошо получались у Левы Козина, у Юры Бирюкова. У нашего Юрика еще с семилетнего возраста на лбу было незримо начертано: "Будущий литератор, поэт" и прочее. Неплохо писал стихи и Витя Гузеев, вечный балагур и весельчак: с ними Виктор часто и с успехом выступал на сцене. А Лева Козин на госэкзаменах по литературе экзаменационное сочинение написал стихами и получил высший балл.

А вот стихотворение нашего Юры Бирюкова, написанное в честь восьмой годовщины училища, когда автору было четырнадцать лет. |

Как нашу радость выразить сильнее?
Как наши чувства выразить словами?
Ведь мы сегодня отмечаем с Вами
Училища родного юбилей!
Мы восемь лет одной семьей живем,
Единой, крепкой и счастливой.
Традиции родного коллектива
Мы с честью и достойно бережем.
За эти годы мы, как отчий дом,
Училище родное полюбили.
О нем всегда и где бы мы ни были
Мы вспомним, как о самом дорогом.
И представляю я: пройдут года,
Мы станем офицерами ..., но только
Мы первым долгом все зайдем сюда,
Где получили в нашу жизнь путевку.
В Новочеркасск приедем и зайдем,
Зайдем, волнуясь в этот двор, тот самый,
Что мы благоустраивали сами,
И сколько здесь знакомого найдем.
Нас поразят своею высотой
Деревья, что когда-то были малы,
Они, шурша густой листвой,
Пробудят в нас поток воспоминаний.
Здесь нашей жизни лучшая пора!
Как реки, брали здесь свои истоки,
Чтоб вырваться затем на путь широкий,
Все наши будущие славные дела.
А сколько их! Ведь впереди вся жизнь

Раскинулась в необозримой шири ...
Нам предстоит впервые в мире
В стране своей построить коммунизм!
И гордо, смело смотрим мы вперед:
Нам в будущее все пути открыты,
Нам это счастье Октябрем добыто,
Нас к счастью партия уверенно ведет!

Антонина Алексеевна гордилась нашими успехами. Если бы она знала, что ее питомцы и в зрелые годы, убеленные сединой, с благодарностью будут вспоминать ее и посвящать свои стихи родному училищу, своим педагогам...

Николай Иванович Шапошников (6-й выпуск)-полковник запаса, врач:

Дерзай, Николка, друг ты мой!
Пока нам рано на покой!
И детство помнить будем мы
Те дни суровые зимы,
Когда поставили нас в строй,
Похож он был на детский рой.
Как пролетели десять лет!
Ведь педагогов наших пламя
Мы превратили в наше знамя.
Пусть только снится нам покой,
Дерзай, Николка, друг ты мой!
4. Командир капитан Хованский

Большим авторитетом и уважением пользовался у нас командир второго взвода капитан Хованский Георгий Федорович, прибывший к нам в училище с фронта в 1944 году. Был он человеком атлетического телосложения, красивый, с сочным рыкающим басом. Его трудно было поймать на какой-то оплошности, подшутить над ним. Он несомненно обладал хорошими актерскими способностями, участвовал в работе нашего училищного драмкружка и был великолепным рассказчиком. Все же, мы предпочитали его рассказам про древнюю Элладу, о 12 подвигах Геракла наши таинственные чердаки и подвалы.

Однажды со мной произошел каверзный случай. Где-то замешкавшись, я опоздал на один из рассказов Хованского. Запыхавшись, влетаю в класс, где все уже собрались и слушают очередной подвиг древнего героя: И только было открыл рот, чтобы попросить разрешения присутствовать, как слышу грозный, гневный рык Георгия Федоровича, обращенный ко мне: "Вон отсюда, негодяй!" Глаза его сверкали настоящим неподдельным гневом, он, казалось, готов был убить меня! Меня словно ветром

сдуло из класса. Забившись в какой-то угол коридора, я перебирал в своей памяти, чем это я мог прогневить нашего Хованского, который относился ко мне в общем-то положительно. А в это время в классе творилось что-то невероятное! Все хохотали до слез, до коликов в животе! Оказывается, я ненароком подскочил к тому месту в рассказе Хованского, где Геракл гневно закричал на лжеца: "Вон отсюда, негодяй!..."

5. Старшина Занин

Другим необыкновенным рассказчиком в нашей роте был старшина Занин, по кличке "Свистало". Мы откровенно его не любили, даже ненавидели за его жестокость к нам, всячески ему досаждали, а при случае и мстили. В тот период он учился на заочном юридическом факультете и знал множество криминальных историй. И чтобы как-то уговорить нас, Занин рассказывал нам страшные истории про бандитов. Негромко рассказывал своим гнусавым голосом, а это в ночной тишине еще больше интриговало. Здесь были и беспощадные, но хитрые бандиты и следователи, стрельба и погони, и, конечно же, блатной жаргон. В огромной спальне стояла абсолютная тишина. И если в других спальнях, в других ротах были шум, мяуканье, ошалелые дежурные старшины носились из спальни в спальню, пытаясь навести порядок и тишину, то у нас стояли тишина и покой. Впрочем, это было только в дежурство Занина, при других старшинах мы тоже мяукали, кукарекали, устраивали бои подушками. Занину мы многое прощали за его захватывающие, необыкновенные истории ...

6. Изюмский, наш историк и летописец

Мы перешли в третий класс, где начиналось изучение Истории древнего мира, когда к нам пришел преподаватель истории Борис Васильевич Изюмский. Мы давно знали этого офицера, преподававшего историю и логику в старших классах, его строгость, бескомпромиссную требовательность. О великолепном знании им своего предмета ходили легенды. Это был необыкновенный преподаватель. У нас было много хороших, талантливых педагогов, но Борис Васильевич стоял особо. О нем с уважением говорили взрослые, с восхищением и примесью страха старшие ребята, кому он ставил колы. У Бори (так называли его все ребята) почти не было двоек. Были пятерки, четверку он ставил как бы с некоторым сомнением, тройку кривясь, будто давил в журнале клопа. После тройки почти всегда шла единица, которую он ставил решительно, твердо выводя в журнале красивый, крупный кол. И при этом любил говорить свое любимое изречение из Маркса: "Нельзя так серо знать мать-историю!" Обо всем этом мы были наслышаны от старших ребят и

заранее с интересом и любопытством ждали прихода нового преподавателя.

В класс вошел высокий шатен, с красивым лбом с залысинами, строгого рисунка носом, в пенсне. Тонкие губы, серые глаза из-под пенсне глядели строго и требовательно. Фигура сухощавая, хрупкая. Он был отнюдь не силачом, как Хованский, и невольно подумалось: "Почему все его боятся?" Звучным, красивым баритоном он поздоровался с нами и велел сесть. Затем провел посписочную проверку класса. Все вставали, называя свою фамилию, имя. Изюмский своим пронизывающим взглядом окидывал встававшего, несколько мгновений разглядывая его. Дошел до середины списка и вдруг четким пронзительным голосом, похожим на крик, скомандовал: "Суворовец Васильев! Встать! Вы почему полезли пальцем в нос? Что вы там откопали, покажите всему классу!". Ошарашенный Васильев стоял столбом, ловя ртом воздух. Поражены были и мы. Как можно было так быстро запомнить свыше двух десятков человек, хотя он знал нас всего несколько минут! В классе стояла гнетущая тишина, невольно подумалось: "Это тебе не добрейший "Пестик", у которого на уроке ботаники можно было заниматься всем, чем угодно. Этот снимет с нас три шкуры!" А Изюмский тем временем делал разнос следующему нарушителю, сидевшему не прямо, положив руки на крышку парты, а подперев подбородок рукою. У Изюмского полагалось сидеть только прямо, на парте не должно быть ничего. Нужно было сидеть и внимательно слушать урок.

Распушив в пух и прах нарушителей, Боря без задержки стал излагать то, что мы будем изучать и что такое история, как наука. А мы, сидя почти по струнке, уныло внимали его речи, думая свои невеселые думы: "Вот так история!" И вдруг Изюмский ни с того ни с сего спросил нас: "Товарищи, может кто из вас читал что-нибудь историческое? Попробуйте рассказать своими словами о прочитанном!" В классе было тихо. А Боря подбадривал: "Ну-ну, смелее, ребята, кто решится на рассказ?". Смелых не находилось. Боря разочарованно улыбаясь, продолжал: "Да-а, значит смелых нет? Что ж, очень жаль!".

И все же один смельчак нашелся. Им был я! Очевидно, сказался мой сценический опыт с юмористическими стихотворениями, когда выходишь на сцену и перед тобой темный зал, в котором сотни устремленных на тебя глаз и настороженная тишина. А у тебя сердце в пятках, в груди противный холодок, и нужно решиться прыгнуть в эту тишину, как с высокой вышки в воду... И я решился, подумав: "Что я, слабак, что ли?" Мысль о том, что Борис Васильевич подумает,

что все мы трусы и слабаки, возмущала меня еще больше. А ведь у нас в классе были такие славные, смелые пацаны, как Сашка Кулешов, Митя Стролькин, Мишка Сычев, Витек Судья! И я, закусив губу, решительно поднял руку. Я хотел рассказать все, что прочитал о мальчишке каменного века, о его постоянном голоде, страданиях, заботах. Спешил, торопился, рассказывал захлебываясь, иногда возвращался к началу рассказа. Все у меня перепуталось, смешалось в кучу: А Боря внимательно слушал, не перебивая, слегка иронично улыбаясь. И когда я вдруг кончил свой путанный рассказ и остановился, словно споткнулся о что-то невидимое, Боря строго спросил меня: "У вас все?". Я пролепетал смущенно: "Так точно, товарищ капитан!"

- Так-ак, очень плохо, прямо-таки безобразно! Хаотичный рассказ, что за жаргон, что за словечки, откуда вы набрались этой дряни!? Кто вас гонит в шею, вы что, пулемет?

- Ну, все, - мрачно подумал я, - сейчас влепит коляру!

А Изюмский между тем начал анализ моего рассказа: как нужно было его излагать, на что обратить особое внимание, какие детали в рассказе лишние. Голос его был четкий, в словах железная логика, которую не опровергнешь.

И вдруг, я не поверил своим ушам, когда Боря, расчихвостив меня, произнес: "И все же, несмотря на скверное изложение рассказа, ставлю этому молодому человеку оценку "четыре", за смелость!" Я стоял ошарашенный и моргал глазами, а Боря уже выводил своим четким, крупным почерком цифру "4". В классе царило оживление, все шушукались, тихо разговаривали ... Так я в роте получил от грозного Изюмского свою первую хорошую оценку.

К урокам Бориса Васильевича мы тщательно готовились. Ждали мы его и с тревогой и с нетерпением, ибо каждый его урок был захватывающе интересным, как откровение. К тому же его уроки были настоящим экзаменом не только знания его предмета, но и нас, его учеников, нашего "Я", нашей памяти, эрудиции. Он не терпел верхоглядства, уважал смелость мысли, неординарность суждений. С ним можно было поспорить, поразмышлять, "А что, если бы...?" Можно было вызубрить весь раздел и получить "кол", а можно только за одну дату (не из учебника, конечно, а вычитанную из другого источника), за какой-нибудь, на первый взгляд маленький, но очень значительный факт в истории, особенно, если этот факт решал судьбу войны и мира, судьбу народа, да еще был подкреплен четким, логичным выводом, то высший балл. И при этом Изюмский, довольный, потирал руки, серые глаза его из-под стекол пенсне блестели, он улыбался.

Не буду врать, что я был любимым учеником Бориса Васильевича, это было бы кощунством к памяти любимого учителя. Я так и не знаю, были ли у него любимые ученики, мне кажется, что все мы были у него на равных правах. У нас были круглые отличники, хорошо и даже отлично знавшие его предмет, но и отличникам он безжалостно ставил колы. Именно с отличников он больше всего требовал, спрашивая дотошно, как бы сомневаясь в их знаниях. К интересным людям он питал слабость. С ними он разговаривал по-другому, интонация его голоса менялась от резкого металлического тембра до теплых, уважительных тонов. Не знаю чем, но мне кажется, что я ему чем-то нравился. На уроках он иногда даже спрашивал: "А как вы думаете, суворовец Теренченко? Может быть, что-то добавите?" Наверное мой все возрастающий интерес и любовь к истории ему импонировали.

И я, конечно же, старался изо всех сил! Читал по той или иной теме все, что можно было прочитать в нашей библиотеке, все, что рекомендовал нам Борис Васильевич (а рекомендовал он нам очень многое!), и старался не зубрить, а внимательно читать текст учебника, любой книги или труда по истории, выискивая в тексте самое главное, докапываясь до основного. И уж "бил" его на уроках точно, в яблочко, за что получал свои трудовые "5". Случались и у меня промашки. Иногда неправильно поняв тот или иной раздел, событие из прочитанной книги или мудреного исторического труда, я поднимал руку, но встав, порол такую ерунду, что наш Боря кривился, как от зубной боли, прерывал меня и, чеканя каждое слово, внушал: "Нельзя так поспешно толковать этот факт, сядьте, возьмите книгу, откуда вы черпали свои скоропалительные выводы, прочитайте еще раз! И хорошенько подумайте, пораскиньте мозгами!". Но почему-то кола не ставил (очевидно, щадил мое самолюбие), а ставил маленькую точку против моей фамилии. А это значило, что я у него "на крючке", что я его должник, он не забудет этого и непременно спросит.

И не таким уж "кровожадным" был наш Боря, как мы его поначалу представляли. Против многих наших фамилий в журнале стояли только ему понятные значки, многие из нас были его "должниками". И все же Борис Васильевич вкатил мне единицу. В свой самый последний урок в нашем училище, в своем последнем классе и мне, не самому худшему его ученику! Мы уже учились в шестом классе. Я заболел малярией, страшной и противной болезнью. День тебя трясет, зуб на зуб не попадает, температура поднимается до 39 - 40 градусов, сутки в изнеможении "отдыхаешь", а потом все повторяется. Так я

провалился в госпитале дней двадцать и вышел оттуда похудевший (наверное, потерял до десяти килограммов), желтый от принятия хинина. Пока оформляли выписку, пока то да се, пришел я во взвод уже вечером на самоподготовку. Узнав от ребят расписание занятий на завтрашний день, сделал самые необходимые уроки. По истории, которую должен был проводить Изюмский, были заданы большие цитаты из трудов Сталина о войнах справедливых и несправедливых, захватнических и освободительных и т. д. Бегло прочитал цитаты и этим ограничился, не стал учить их наизусть, как было задано. Не помню, может быть я неправильно понял задание и думал, что их нужно было просто знать. А скорее всего понадеялся на русское "авось!" - авось Боря не вызовет. К тому же сказались слабость и усталость после перенесенной болезни.

На следующий день Борис Васильевич сообщил нам, что проводит у нас свое последнее занятие и что уходит с преподавательской работы и будет заниматься другим делом. Мы молча слушали его, уже зная, что за дело у него в будущем и чем он будет заниматься на гражданке.

В училище давно ходили слухи: Изюмский пишет книгу о жизни нашего училища. Мы ждали его книгу с интересом. Что напишет наш Боря про нас? Какими мы будем в его книге? Кто будет главным героем, кого он выберет за образец, за эталон? Все это нас очень интересовало.

- Прежде, чем начать тему своего последнего урока, - продолжал свою речь Борис Васильевич, - я хочу проверить, как вы выполнили предыдущее задание. Кто хочет мне ответить о войнах? Есть желающие? Нет! Тогда я сам вызову к доске последнего ученика на моем педагогическом поприще.

В классе тишина, все ожидали, кого же Боря удостоит своим вниманием, кому поставит последнюю оценку?

С противным холодком в груди, в смятении я подумал: "Наверное меня. Какой ужас! Я же не знаю этих проклятых цитат! Какой позор, какой стыд, сейчас вlepит мне последнему кол!" И мои ожидания оправдались. Изюмский между тем продолжал: "К доске пойдет ..." - долгая пауза. Чем она была заполнена? Может быть, в этот момент перед учителем прошли те несколько лет, когда он учил нас своему предмету, учил нас внимательно рассматривать время, спрессованное в истории нашего Отечества, мира, сквозь призму современности. А может быть, он вспомнил, как несколько лет назад, вот здесь же в этом классе, перед ним стоял пацан и, захлебываясь словами, торопился рассказать о мальчишке из каменного века ...

- ... Пойдет суворовец Теренченко! - со значением,

отчеканивая фамилию, произнес Изюмский.

Я едва встал на ставшие вдруг ватными ноги и тихо произнес: "Товарищ майор, я только что из госпиталя и этих цитат наизусть не знаю". И в ответ услышал гневное: "Ваша болезнь не дает вам права не учить заданного урока! Ставлю вам единицу, садитесь!" Мешком плюхнувшись на стул, я закрыл лицо руками. Уже ничего не слышал, ни о чем не думал, словно окаменел в своем отчаянии. "Надо же мне, как самому последнему, ... кол! Какая вопиющая несправедливость!". Не слышал, о чем говорил Борис Васильевич, не слышал, как прозвенел электрический звонок на перемену, как все вышли из класса. Очнулся от прикосновения чьей-то руки к моему плечу и поднял голову. Передо мной стоял наш Боря и с едва заметной улыбкой смотрел на меня. Потом произнес: "Ничего, Коля, не огорчайся, я не мог поступить иначе. Верю, что историю ты всю жизнь будешь любить и будешь знать ее хорошо!" Это были последние слова, которые я услышал от него и запомнил на всю жизнь.

Суровое, но справедливое наказание и в то же время - благословение на многолетний, пожизненный штурм знаний

У Изюмского было много классов, где он преподавал. Он был нарасхват. Он вел и большую общественную работу. На нем был наш прекрасный кабинет истории. Он вел исторические кружки в разных классах. К тому же он, не афишируя, писал повесть, названную "Алые погоны", которая впоследствии стала хорошо известной советскому читателю.

Мы едва упросили его создать и у нас исторический кружок, и он согласился. Этот кружок был филиалом кружка старшего класса. Это был задиристый филиал, знающий себе цену, старавшийся не ударить лицом в грязь перед старшими ребятами. В первый день посещения этого кружка "старики" глядели на нас свысока и со снисхождением. Но когда мы, поощряемые Борей, утерли нос своим коллективным рефератом "старикам", те стали смотреть на нас с уважением. А потом были мы с ними на равных.

Как мы готовились к проводившемуся Борисом Васильевичем раз в месяц заседанию нашего кружка! Академик Греков, знаменитые Ключевский и Соловьев, историк-революционер Покровский, Ленин, Сталин. Весь рекомендованный нам Борисом Васильевичем материал (а был он очень большим, не меньшим, чем дается студентам исторических факультетов, Боря не делал скидки на наш юный возраст, он нам так и говорил: "Хотите знать больше, изучайте, вникайте в материал, как студенты!") нужно было перелопатить, взять самое главное, ибо на выступление отводилось не более пятнадцати-двадцати минут. И мы залезали в такие дебри исторических наук, что без помощи опытного,

знающего педагога вылезти из них не могли и бежали за помощью к нашему Боре. Мы коллективно работали, спорили до хрипоты, отстаивая каждый свою точку зрения, ссылаясь на нужные места толстенных томов. Каждому казалось, что он прав, что он нашел самый интересный и главный материал к теме. И все же мы приходили к единственно правильному выводу. Наши коллеги по кружку, они же оппоненты и грозные критики, внимательно слушали нашего докладчика. Они ведь прекрасно знали данную нам тему и тоже готовились к ней. Потом был рой ехидных вопросов, беспощадная критика нашего реферата. Но мы тоже были не лыком шиты, отчаянно огрызались, нас трудно было поймать на чем-либо по данной теме. А если докладчик затруднялся ответить на какой-нибудь вопрос, на выручку коллеге приходила вся наша группа.

А Борис Васильевич умело вел свой семинар, вовремя утихомиривал страсти, иногда сам подбрасывал в разгоревшийся костер спора охапку вопросов. И мы хором наскикивали на нашего руководителя, смело атакуя его. Он и сам порою так увлекался, что не замечал этого, вступая с нами в шумные дебаты. А какой это был замечательный рассказчик! Он нам рассказывал такое, что ни в одном учебнике не прочтешь. Однажды Борис Васильевич прочитал нам отрывок из своей работы, которую он начал писать еще до войны, - "Ханский ярлык", про Ивана Калиту. И мы, затаив дыхание, слушали, как вызванный в Орду московский князь Иван Данилович по прозвищу Калита, перешагнув порог ханского шатра, бухнулся на колени и ползет, ползет к ханскому трону, на котором грозный раскосый владыка мира пьет кумыс. Калита наконец добрался до ног хана и подбострастно стер с его парчевого халата капельки оброненного кумыса. Это татарину понравилось ...

В своих рассказах кружковцам или в изложении материала на уроках Изюмский давал нам такие знания, приводил такие факты, что мы поражались, откуда он берет все это, откуда черпает свои знания? Лишь многие годы спустя я понял, что знания, как крупницы алмазов, рассыпаны во многих трудах ученых, в сотнях, тысячах книг литераторов. И эти знания нужно добывать самому. Добывать настойчиво, старательно и скрупулезно, не жалея ни сил, ни времени. Только тогда, на мой взгляд, эти знания, добытые твоим трудом, переработанные твоим мозгом, будут прочно сидеть в памяти и верно служить и тебе и другим.

...- А как нас увлекал Борис Васильевич! - вспоминает Коля Шапошников. Помню, на кружке он попросил нас написать рассказ о Спартаке. И чтобы не было предвзятости при оценке наших рассказов, мы подписались псевдонимами. И какова была

моя радость, когда лучшим при общем мнении оказался рассказ под псевдонимом "Буратино". Это был я! А выиграл мой рассказ тем, что я его вел от участника спартаковского восстания.

7. Тонкий географ Зимовейский

Одним из интереснейших педагогов был преподаватель географии капитан Зимовейский Ермолай Степанович, внешность которого отнюдь не внушала нам любви к нему. Длинное лошадиное лицо, немигающие, как у совы, глаза, на пре

красном сократовском лбу темно-синий желвак, на тонком носу бородавка. Но какой это был тонкий, прекрасный рассказчик! Его рассказы - это красивые повести о диких племенах Африки, о ее прекрасной природе, животных. Будто бы он сам побывал там и видел всю эту красоту своими глазами. Рассказы доктора Гржимека о Серенгетском заповеднике в Кении, которые я прочитал многие годы спустя, бледнеют в сравнении с рассказами об Африке нашего Зимовейского! А какие прекрасные сравнения, сопоставления, какими эпитетами награждал наш географ героев своих рассказов, будь они животными или людьми. Это был человек, наделенный богатым воображением, талантливой фантазией.

Но в отличие от Изюмского Ермолай Степанович был добр и деликатен до щепетильности. У него даже лентяи краснели и испытывали неловкость, когда он вызывал их к доске. Они давали слово вызубрить всю тему и ответить ему в следующий раз. В ответ слышали: "Нет, голубчик, вы сегодня же, э-э-э, выучите-то, чего не знаете, а я вечером, э-э, приду и мы с вами побеседуем на эту тему, хорошо? Вы не возражаете? Ну и прекрасно!". И "голубчик" должен был сидеть в свое свободное время, читая сухую, лишенную всякой романтики описательную географию, чтобы сегодня же ответить урок нашему деликатному. Зимовейскому. Точно в назначенное время дверь класса бесшумно открывалась, в нее робко просовывалась лошадиная голова географа и, отыскав глазами должника, останавливала на нем свой колючий, немигающий взгляд. Затем безмолвно подымалась рука и перстом манила к себе, мол, идите сюда, голубчик. Тот понуро поднимался и выходил из класса отдавать должок.

Через некоторое время должник, возвращался словно нашел червонец! Вы думаете, он отвечал вызубренный урок? Э, нет! Глубоко ошибаетесь, вы не знаете нашего Зимовейского! Задав несколько точных вопросов нашему лентяю и убедившись, что тему тот знает, Ермолай Степанович начинал вдохновенно рассказывать. Он не повторял того, что говорил на уроке, он рассказывал новое! Вот мы пробиваемся через дремучие,

непроходимые пампасы Амазонки, умираем от жажды в песках Сахары, боремся с леденящим душу холодом вместе с экспедицией Пири к Северному полюсу. А потом открываем райские острова в Тихом океане вместе с Джеймсом Куком ...

Я не оговорился, написав "мы". Именно мы, в том числе и я. Быстро смекнув, что лучше один раз услышать захватывающий рассказ Зимовейского, чем десять раз прочитать 2 - 3 листа из учебника, я прикинулся дурачком и ... попался на удочку к географу. За мной 3 - 4 моих товарища, такие же хитрецы, если не больше. И вечером того же дня несколько "лентяев", картинно повесив головы, виновато шмыгали из вечернего класса..., чтобы, разинув рты и развесив уши, слушать рассказы нашего преподавателя географии.

8. Энциклопедический Костак

Ребята старших классов в превосходных степенях отзывались о старшем преподавателе истории Костаке Евгении Николаевиче. Его эрудиция, энциклопедические знания не только по истории, но и по литературе, подробности жизни великих людей и событий прошлого просто удивляли старших ребят, а среди них были неплохие эрудиты. Мы с интересом и любопытством глядели на этого скуластого, небрежно одетого человека, когда он рассеянно пробирался сквозь нашу ребячью толпу в классы старших рот. А мы ему вслед шептали: "Костак пошел, Костак! Вот бы его послушать!"

Как-то раз, сидя в читальном зале и увлекшись очередной интересной книгой, я не заметил, как читальный зал заполнили "старики" и офицеры старших рот. Это начинался семинар литературного кружка, который вел Костак. Бесцеремонно попросили и меня удалиться, я же стал просить разрешений присутствовать на этом семинаре. Евгений Николаевич снисходительно улыбнулся и сказал: "Пусть малец присутствует, пусть послушает наши дебаты".

Я забился в дальний угол и приготовился слушать, о чем будут говорить мои старшие товарищи. А они разбирали какую-то современную пьесу, я не помню ее названия, но по выступлениям ребят понял, что она им не понравилась. Но до чего же старшие ребята хорошо, со знанием дела и материала раздраконили ее! Причем, не было ни горячки, ни выкриков, свойственных нашим дебатам, когда дело доходило чуть ли не до рукопашной. Нет, здесь была вежливая, но хлесткая критика. Капитан Костак никого не перебивал, молча кивал головой. Но по его глазам, по вежливой полуулыбке было видно, что не по душе ему это критиканство.

Затем он попросил слово у председательствующего, встал и

начал говорить. Да-а! Это была речь знатока литературы, мастера слова. Я многого тогда не понял, слишком мал был и не дорос до понимания того, о чем говорили ребята и взрослые. Но речь Костака просто очаровала. Именно речь. Не помню смысла сказанного, но чем-то меня речь взволновала, и после семинара я долго был под впечатлением от Евгения Николаевича. Это был человек, умевший "глаголом жечь сердца людей".

9. Климентьевич, учитель и автор учебников

А вот нашего математика Василия Климентьевича Совайленко мы почему-то не боялись. Может быть, оттого, что он пришел к нам тогда, когда мы перешли в седьмой класс и были почти взрослыми. А, может быть, нам импонировало то уважение трех выпусков старшекласников, учеников Василия Климентьевича, с каким они относились к своему строгому математику. В нашей суворовской среде ничего нельзя было скрыть: ни хорошее, ни плохое. К тому же весомость сказанного старшими ребятами, их оценки тех или иных педагогов или офицеров были для нас значительны и авторитетны.

-Учтите, хлопцы, - говорили старшие ребята, - если у вас математику будет Преподавать Совайленко, на его колы и двойки не обижайтесь. Он вас научит математике, он из вас дурь выбьет и сделает человеками.

Два из трех выпусков сделали ему своеобразный сувенир в виде единицы, великолепно вырезанной из дерева. Один из колов даже с ножками и физиономией, очень похожий на лицо Василия Климентьевича. А нос гордого патриция, принадлежавший нашему математику, был на сувенире точь-в-точь скопирован с оригинала.

Мы видели, как провожал своих питомцев-выпускников капитан Совайленко! Не скрывая своих слез от окружающих, обнимал их на прощанье и напутствовал в дальний жизненный путь...

А как он отзывался о своих бывших учениках! Они все у него были чуть ли не Ломоносовы, а худшие из них, по крайней мере, Лобачевские.

Это о молодом математике, старшем лейтенанте Совайленко упоминает в одной из глав книги "Суворовцы" Иван Дмитриевич Василенко еще в 1944 году: "... Суворовец Т. отказался за систематические подказки стать у двери в наказание. Молодой педагог привел провинившемуся слова Суворова: "Научись повиноваться, прежде, чем будешь повелевать другими!" и сказал в заключение: "Вы отказываетесь признать это правило нашего великого полководца, этим самым вы самовольно освобождаете меня от обязанностей в отношении вас. Раз это так - я не могу

считать вас своим учеником".

С этого времени преподаватель Совайленко перестал вызывать Т. к доске, не проверял его тетрадей, не спрашивал его, когда тот поднимал руку ... Это смущало мальчика, да и товарищи укоряли его в неправоте. Однажды Т. сказал во время урока: "Товарищ старший лейтенант, не сердитесь на меня!". "Я не сержусь, - ласково ответил преподаватель, - я очень хочу, чтобы у меня с вами были такие же отношения, как и со всеми остальными воспитанниками!". Тогда Т. сказал: "Товарищ старший лейтенант, разрешите выполнить ваше приказание". И, выйдя из-за стола, стал у двери...".

Особенно трудно пришлось мне, грешному, когда у нас стал преподавать Совайленко. За год до его прихода к нам я часто болел малярией, потом гриппом, давшим осложнение на уши, долго лежал в госпитале. Это сказалось на моей успеваемости, я отстал в учебе, особенно по математике, с трудом перешел в седьмой класс. А тут к нам пожаловал Совайленко, как показало время, на мое счастье. Это он, в основном, сделал меня тружеником, научил настойчивости, логическому мышлению, приучил меня систематически работать над материалом.

Как же трудно приходилось мне в первое время! Сплошные двойки, поставленные твердой рукой нашего железного Совайленко против моей фамилии. За первую четверть по алгебре - "2", по геометрии - "3", по тригонометрии - "4". За вторую четверть - то же самое! Я просто не успевал "переваривать" новый материал, слабо зная старый.

"Вот что, парень, - сказал мне после первого полугодия Василий Климентьевич, - не возьмешься, как следует, за алгебру, в восьмой класс не перейдешь! Нужна моя помощь - непременно помогу тебе, справишься со своей "немощью" сам - тем лучше для тебя".

"Сам справлюсь! " - ответил я, закусив губу.

Я отлично знал, что осенние переэкзаменовки мало кто выдерживал, а на второй год в те времена уже больше никого не оставляли и отсеив из училища был большой. Обратиться за помощью к товарищам было стыдно, еще скажут: "Да ты что, таких простых вещей не знаешь!?" Пришлось брать в руки учебник математики и начинать все сначала, с "азов", позабыв о любимых книгах, о музыке, спорте.

Все-таки в третьей четверти мне удалось ликвидировать свое отставание в математике. Но вот интересно, геометрия у меня шла хорошо, тригонометрия еще лучше. Ради собственного интереса я решал тригонометрических примеров вдвое, втрое больше, чем было задано. Увлечшись решением этих примеров, я

не заметил, как перешел на раздел, который мы еще не проходили, освоил его самостоятельно и стал решать примеры "про запас". Один пример попался очень заковыристый, и я долго над ним бился, так и не решив. Тогда я со своими сомнениями обратился к Совайленко. Он отчитал меня за то, что я "лез поперек батьки в пекло", т. е. в новый материально все-таки милостливо согласился проверить этот пример, заставив решать его на доске, а сам наблюдал за моими действиями. Полностью решив пример, я вывел ответ и вопросительно посмотрел на Василия Климентьевича.

- "Что и требовалось доказать, - сказал тот будничным, скучным голосом, все правильно, а в ответе ошибка. Математики, даже самые великие, тоже могут ошибаться!".

Так Совайленко преподавал мне урок уверенности в своих действиях и поступках, если они основаны на прочных знаниях. Не знаю, может этот случай, а может то, что по другим предметам у меня были почти все хорошие и отличные оценки, но Совайленко заметно изменил свое отношение ко мне и перестал глядеть на меня, как на одноклеточную амебу. Я заметил это отношение сразу! Как-то, проанализировав несколько своих контрольных работ по алгебре, обнаружил, что все оценки по ним, на мой взгляд, завышены. Я просто не успевал до конца сделать контрольную, особенно задачи. Все как будто шло правильно, но времени завершить решение задач не хватало. Поняв, что Василий Климентьевич щадит меня, и мои шансы не так уж ничтожны, я воспрял духом и с еще большим усердием приналег на математику.

Как я уже упоминал, Совайленко вел у нас в роте математический кружок. Какое-то время посещал его и я. Даже сделал одно наглядное пособие из проволоки - пирамиду, вмонтировав в нее шар. Все это требовало навыков в паянии и в обращении с металлом. Все же наглядное пособие я сделал и выкрасил в разные цвета. Василию Климентьевичу понравилось мое изделие, и оно было выставлено в математическом кабинете, где пробыло до самого моего выпуска и, льщу себя мыслью, еще долго послужило следующим поколениям в качестве наглядного пособия. Но я недолго посещал кружок. В течение нескольких занятий я с тихим ужасом наблюдал, какими формулами и понятиями оперируют мои друзья. В их речах то и дело слышались термины в виде различных "паралаксов", "постулатов", и я мысленно сказал себе: "Никола, ты сел не в ту арбу!" и незаметно, по-английски, покинул кружок наших математиков.

Вот как вспоминает о работе этого кружка Коля Шапошников.

"Да, действительно, Совайленко увлек нас своей любовью к

математике. Помню, он сказал мне: "Попробуй разделить графически, с помощью линейки и циркуля, угол на три равных части, и ты на пути к открытию!" Уж как мне хотелось совершить открытие! Почти все свободное время я только и чертил углы (порой даже на стенах, так как не хватало бумаги) и делил их на три равных части ... Но, увы! Так и не сделал открытия. Кроме того, мы много читали литературы по математике. И не только читали, но и писали рефераты, содержание которых потом докладывали на заседании кружка. Помню, я много времени уделял изучению творчества нашего соотечественника - известного математика Чебышева Пафнутия Львовича и до сих пор помню отдельные штрихи из его математического наследия.

Вообще-то Совайленко был демократичен, с ним запросто можно было поговорить, поспорить, а то и пошутить. Но на уроках был строг и требователен до пунктуальности.

Помню, как однажды на одном из первых уроков, объясняя очередную теорему с большим куском мела в руке, Василий Климентьевич был очень недоволен. К концу урока он строго приказал, чтобы к следующему его уроку на полочке у доски лежали мелки разной величины, "вплоть до молекулы!". К следующему уроку Отарик Гегешидзе расстарался: на всю длину полочки лежали куски мела величиной со спичечную головку и почти до килограмма весом. Совайленко, увидев эту выставку, довольно улыбнулся. С такой скрупулезностью работал он сам, так он учил работать и нас.

Все формулы по геометрии мы были обязаны зубрить буквально, как было написано в учебнике. Отсебятина не допускалась. Немного не в том порядке докажешь теорему, оценка снижалась. По мнению некоторых педагогов так и нужно было учить геометрию, развивая логику мышления. Где, как не в учебнике написано лучше, точнее и логичнее всего? Так полагали некоторые.

Однажды, сидевший рядом со мною Артур Штаба, правдивый, прямой, но вспыльчивый парень, не выдержав, громко и возмущенно сказал: "Почему мы, как попки, должны зазубривать бесчисленное количество этих теорем? Я могу доказать эту теорему гораздо проще и короче, чем в учебнике! Хотите?"

"Хочу, - осаживая парня спокойствием своего голоса сказал Совайленко, иди и докажи!"

Артур выскочил к доске, нервно схватил мел и действительно доказал теорему гораздо проще и короче, чем в учебнике.

"Садись, Артур! - после долгой паузы сказал Василий Климентьевич. - И все же я рекомендую и тебе, и всем доказывать теоремы так, как трактует ее автор, не отступая от текста".

Нам показалось, что наш математик говорит это с усилием, как бы принуждая себя сказать это ...

Как-то Витя Остапенко изобрел прибор под названием "Носомер"! Смысл его изобретения заключался в том, что, приставив к носу этот прибор, можно было при помощи маленькой стрелки, приделанной к школьному транспортиру, определить точное расстояние до предметов, находящихся на значительном удалении от носа. Совайленко заинтересовался конструкцией прибора, но у него ничего не получалось с определением расстояния, слишком велика была ошибка. Он раскритиковал Витино изобретение, однако, справедливо заметил, что Витин "Носомер", возможно, подходит для среднестатистического носа, но только не для его, патрицианского. Однако, зауважал Остапенко, узнав, что дотошный Витек еще в четвертом классе утер нос известному математику, издавшему книжку под названием "Занимательная математика". Витя Остапенко подверг решительному сомнению заявление этого математика о том, что, начав считать до миллиона с девятилетнего возраста, счет нужно будет вести до девяноста лет! Нашему Виктору удалось проделать этот счет за ... три месяца! Воспользовавшись тем, что автор "Занимательной математики" не оговорил условий счета, Витя рассчитал все свободное время (прихватив, конечно же, и некоторые уроки), составил свои таблицы счета, куда заносил свои тысячи, десятки тысяч и ... считал, считал, пока не добился своего. Таких ребят Василий Климентьевич уважал. Не любил он только лентяев и шпаргалщиков, с которыми вел беспощадную войну.

Четыре года незримо стоял над моей душой Василий Климентьевич, заставляя меня все время быть начеку и не запускать материал. На выпускном экзамене по математике письменную работу я написал на "четыре", сделав к своей великой досаде, несколько грамматических ошибок. Устный экзамен сдал на "пять". Ставя эту оценку в экзаменационный лист, Совайленко буднично произнес себе под нос: "Ну вот, что и требовалось доказать".

Жаль, что мало сейчас таких одержимых педагогов, как Василий Климентьевич Совайленко и его коллеги по Новочеркасскому СВУ!

Полвека своей жизни отдал Василий Климентьевич делу обучения и воспитания детей и молодежи. Он и сейчас трудится в меру своих сил на ниве просвещения. Ныне Василий Климентьевич делится своим огромным, поистине бесценным опытом на страницах областной и центральной прессы. Его книги, учебники по математике для средней школы, прошедшие

двойную экспериментальную проверку в школах Академии Педагогических Наук и в школах г. Новочеркаска, рекомендованы к изданию.

Благодаря его энергии и энтузиазму, многие годы суворовцы-новочеркасцы встречаются в юбилей своего училища, съезжаясь со всех концов страны. Поистине из железа сделан этот человек и нет ему износа!

Говорят, что сейчас в наших школах мужчины - "вымирающий вид" учителей и по этой причине их нужно занести в "Красную Книгу" ...

Должен сказать, что в нашем Новочеркасском СВУ было много педагогов, подобных Изюмскому, Совайленко, Павлову или Гамалеевой. Порой удивляюсь, как могло случиться, что в одном учебном заведении подобрался такой большой, поистине талантливый коллектив единомышленников. Целая плеяда великолепных педагогов, высокоэрудированных, увлеченных своим делом, талантов с искрой Божьей! И эти искры в нас, юных, воспламеняли, заставляя гореть ярким пламенем неутолимой жажды познания жизни ...

10. Историк училища Мохнаткин

Ребята всех выпусков с большой любовью и теплотой вспоминают преподавателя литературы Дмитрия Александровича Мохнаткина. Дмитрий Александрович долгие годы собирал материал по истории нашего училища. В 1968 году, чувствуя, что слабеют его силы и нет здоровья, он послал все материалы, объемом около 200 листов, своему ученику, выпускнику 1951 года, Борису Асееву с такими словами: "Дорогой Борис! Высылаю тебе краткий очерк по истории Новочеркасского СВУ ... Тебе, по-моему, эти очерки будут интересны. Сохрани их. Вот когда ты будешь генералом (а я в этом уверен), то ты с удовольствием и сам прочтешь, и другим покажешь ...".

Дмитрий Александрович не ошибся в своем ученике. Борис Евгеньевич Асеев действительно стал генералом, но генералом от науки, став доктором наук, профессором. А рукопись нашего учителя имеют многие суворовцы-новочеркасцы, читают ее своим сыновьям, внукам и друзьям.

В фотоальбоме полковника запаса Аксенова Игоря Владимировича (8-й выпуск 1955 года), кандидата технических наук, мастера спорта, хранится удивительное стихотворение, полное лиризма, щемящей грусти, написанное его учителем, Дмитрием Александровичем Мохнаткиным:

МОИМ ВЫПУСКНИКАМ, ДРУЗЬЯМ-СУВОРОВЦАМ

Вот и конец ... наш путь окончен с вами.

Экзамен сдан, мне поднесли цветы;

И расстаемся с вами мы друзьями,
Храня в душе огонь взаимной теплоты.
Пожмем же с вами руки на прощанье
Вы в жизнь идете вдаль с поднятой головой.
Мне доживать теперь, вам-новые дерзання,
Пред вами вновь другие испытання,
Пред вами славный путь, почетный и
большой.

Идите вдаль, идите бодро, смело
На вас с надеждою глядит страна:
Пред вами ширь, пред вами много дела.
Дерзайте! Вам от нас путевка вручена.
Потом, когда и вы состаритесь с годами,
То, может быть припомните и тех,
Кто вас учил, кто занимался с вами,
Кто радовался так за каждый ваш успех.
Друзья! Час близится разлуки,
Счастливого пути. Жму крепко ваши руки.

11. Ротный И. И. Пасечный

... Вместе с такими, как Совайленко, последнюю дурь из нас выбивал и наш ротный - подполковник Иван Иванович Пасечный, назначенный к нам в роту за два года до нашего выпуска. Это был настоящий службист, в хорошем смысле этого слова. Если хотите узнать его облик, откройте "Строевой Устав Советской Армии" любого издания. На многих картинках этого устава вы увидите стройных, подтянутых особ мужского пола. Они стоят, шагают, делают различные движения. Не ищите там ни бород, ни усов, ни улыбающихся физиономий. Носы там не какой-нибудь кавказской лепки или рязанского покроя, а строго уставные, прически - тоже. Вот вам и облик нашего ротного. И в то же время Иван Иванович не был солдафоном. Кому придет в голову считать Александра Васильевича Суворова солдафоном, а ведь его стихотворное поклонение уставу стало известным афоризмом:

О воин, службою живущий!
Читай устав на сон грядущий,
А утром, ото сна восстав,
Читай усиленно устав.

Иван Иванович не совал своего носа в педагогический процесс, ибо знал, какие педагогические асы учат уму разуму его беспокойных подчиненных. Он очень часто посещал наши учебные занятия, брал стул, садился в стороне, чтобы видеть всех и чтобы его было видно всем и слушал преподавателя. При изложении педагогами любого материала, на его лице не проявлялось никаких эмоций, лишь небольшие глазки стального

цвета выражали глубокое почтение, как у истового христианина на проповеди. А когда педагог вел опрос, его глазки с интересом перебегали от спрашиваемого к педагогу и обратно.

Скрупулезно точный в соблюдении уставных норм и правил, Пасечный требовал этого и от своих подчиненных. И тут-то он не признавал никаких оговорок, никаких оправданий. К этому времени было отремонтировано небольшое здание, где жили и уже несли настоящую военную службу выпускники и предвыпускники училища. Там было все строго по уставу и жили мы согласно ему, неся суточные наряды. Там правили дух и буква уставных требований и наш ротный. Все было логично, закономерно. Мы уже были взрослыми и ясно сознавали, к чему нас готовят.

Утром на подъем почти всегда приходил ротный и ждал времени побудки. Точно в назначенное время Иван Иванович негромко отдавал дежурному по роте команду: "Делайте подъем!". Лишь по этой команде дежурный зычным голосом командовал: "Рота, подъем!". Вначале нам не очень нравился педантизм нашего ротного. В самый первый раз на подъеме дежурный по роте суворовец Судья Виктор соизволил без ведома Пасечного подать команду: "Подъем!"

"Отставить подъем! - услышали мы резкий голос нашего ротного. - Дежурный, здесь я - высший суд и высшая власть! В моем присутствии вы можете подавать команды в том случае, если я разрешу. Запомните это раз и навсегда!"

Конечно же, мы это запомнили. Ну и жучил же нас первое время Иван Иванович! Например, после команды "Подъем!" он зажигал спичку, и вся рота до окончания горения спички должна была стоять в строю одетой. Если был хоть один опоздавший в строй, следовала команда: "Рота, отбой!" И все повторялось сначала. Это вызывало у нас ропот и протесты, но Пасечный был неумолим. В то же время он не придерживался устава "яко слепой стены", очень ценил разумную инициативу и самостоятельность. При построении, на утреннюю физзарядку разрешал заниматься по индивидуальным программам своими видами упражнений, бега и других видов спорта. Разрешал вставать за час до подъема и заниматься спортом или догонять учебную программу отстающим в учебе. И вообще делал послабления, если видел серьезное отношение к учебе или спорту, питал слабость к отличным ученикам, спортсменам и работягам. Он редко когда снисходил до нравоучительных интонаций, считая, что взрослым людям они ни к чему. А провинившихся, если таковые имелись, подзывал к себе и, молча, показывал один или два пальца, в зависимости от тяжести проступка, и при этом спрашивал: "Вам

ясно?".

При его кажущейся немногословности и педантичности речь Пасечного была грамотной, образной и не без юмора. Суровый на вид офицер, уставник, мог такое сказать стоявшей перед ним роте, что рота ляжет вповалку от смеха, а у него на лице ни один мускул не дрогнет. Единственный раз мы были свидетелями веселого хохота нашего сурового ротного, когда за минуту до подъема дневальный по роте суворовец Колесников Евгений скомандовал: "Рота, приготовиться к подъему!" И тогда Иван Иванович, не выдержав, расхохотался.

В своей речи он никогда не прибегал к сальным словечкам, мы не слышали от него матерных выражений. Редко он срывался на крик, а если когда и гневался, то говорил негромким, свистящим голосом, почти не разжимая губ.

В лагерях, в летних дальних походах наш ротный был впереди ротной колонны, шагая вместе с нами по раскаленной зноем степи, со скаткою через плечо, в таких же кирзовых сапогах, какие были надеты и на наши ноги. Полевые занятия были его родной стихией. В степи он буквально преображался, становился веселей, общительней. К нашему удивлению, знал малейшие приметы к непогоде или зною, мог подражать клекоту степного орла, свисту суслика. Мог заправски сварить походную кашу, а в дождь разжечь из скудной степной растительности костерок. В зной, когда даже наши лучшие спортсмены скисали от жары, Иван Иванович был олицетворением бодрости и силы.

Сказать, что мы обожали или любили нашего ротного, было бы враньем. Но по прошествии нескольких лет, будучи курсантом военного училища, а потом и офицером, испытывая порой колоссальные физические, а то и психологические нагрузки в нелегких боевых учениях и в повседневных буднях, я с благодарностью вспоминал нашего ротного, его суровую школу ратной воинской жизни.

Однажды Иван Иванович сказал примерно следующее:

- "Суворовцы, в вашей жизни вам предстоит пройти много наук и учебных дисциплин. Запомните, самая тяжкая из наук, - это наука подчинения воинской дисциплине, уставным требованиям, подчинения своим командирам, какими бы они ни были, умными или, на ваш взгляд, дураками. Освойте эту науку, и вам будет легко в жизни, будь вы в будущем полководцами или учеными, инженерами или врачами".

И многие, очень многие из питомцев подполковника Пасечного успешно усвоили эту трудную науку - подчинение духу и букве устава, воле вышестоящего командира. И отнюдь не стали ни "дубами", ни "держимордами", а - полководцами, докторами

наук, артистами или педагогами, а то и просто хорошими, честными и порядочными людьми.

12. Весь в орденах Драгин

Одно время командовал нашим третьим взводом интереснейший человек подполковник Драгин Иван Исаевич.

Появление Драгина в училище вызвало настоящий фурор и даже шок и у нас, мальчишек, и у офицеров тоже. Появился он в польской военной форме в чине подполковника, а на груди полный иконостас советских и польских орденов и медалей! Почему фурор? Ну, во-первых, суворовскими взводами в то время командовали, как правило, офицеры в звании старшего лейтенанта или капитана, а тут командир взвода - подполковник! Во-вторых, ордена! Батюшки, каких у него только не было!

Кроме советских четырех орденов и одиннадцати медалей, на его груди теснились еще шесть польских орденов: орден Грюнвальда, орден Возрождения Польши, орден Боевого Креста, два ордена Золотого Креста и орден Серебряного Креста.

Иван Исаевич, оказалось, после войны был послан в ПНР на службу в качестве боевого офицера и назначен командующим войск Госбезопасности 5-го военного округа. Службу нес на южной границе с Чехословакией и Германией. Здесь фашисты, уходя из Польши, оставили много своих банд, гнездившихся в Нижних и Верхних Татрах.

За безупречную службу и умелое руководство войсками во время боевых операций по разгрому фашистских банд польское правительство щедро наградило подполковника Драгина И. И.. Четыре ранения сильно подкосили здоровье Ивана Исаевича.

Драгин был скрупулезно точным человеком. Некоторые из нас, и я в том числе, отдавали на хранение Ивану Исаевичу наши скромные финансы, присланные нам родителями.

Так вот он в любой момент, в любое время мог отдать нам эти деньги или какую-то их часть по нашей просьбе. И все сходилось точно. Не отмахивался, ссылаясь на занятость или неимение при себе денег, а вынимал и отдавал просившему столько, сколько было нужно. Это импонировало нам и вызывало уважение к этому человеку. А сколько раз многим из нас приходилось обращаться к нему, прося займы несколько рублей, и он не отказывал никому.

А главное, Драгин, несмотря на довольно-таки высокий чин подполковника, никогда не кичился этим, был всегда прост, доступен и удивительно симпатичен. Он пользовался уважением и авторитетом не только драгинцев, но и ребят других взводов, и наших офицеров.

... В декабре 1988 года, торопясь к бывшему зданию

Новочеркасского СВУ, нашего родного дома, я увидел, как двое полковников богатырского роста и телосложения вели под руки пожилого человека. Это Василий Иванович Сердюк и Валентин Иванович Коваленко сопровождали своего престарелого взводного, подполковника Драгина на торжественное открытие мемориальной доски на бывшем здании Новочеркасского СВУ ...

В своих записках-воспоминаниях я не ставил перед собой цели описать все то, что происходило в стенах родного Новочеркасского СВУ. Сквозь толщу времени я постарался вспомнить самое главное, что, на мой взгляд, решало дело воспитания и становления мальчика, юноши, мужчины. Вспомнить всех дорогих моему сердцу педагогов, офицеров-воспитателей, всех хороших людей, коим обязан всю свою жизнь всем тем, чему они научили меня, что воспитали во мне ...

По-моему, хватит и того, о чем я здесь написал, чтобы иметь представление о том, КАК нас учили в то трудное для Родины время, и ЧТО впитывали наши юные души, ЧЕМ наполнялись стриженные головы, готовясь к тому, что было предназначено каждому из нас судьбой.

Меня могут упрекнуть в том, что написано все радужными красками, что не так, мол, все идеально, как я "нарисовал" в своих воспоминаниях. На этот справедливый упрек могу ответить лишь одним оправданием. Когда и в какие времена, в каком обществе и в каком учебном заведении бывало в жизни все идеально? Такого никогда не было и не будет. Жизнь - есть жизнь, она имеет свои светлые и темные стороны. В зависимости от того, сколько в ней светлой синевы и черноты, и определяется человек, общность людей, их сущность. Жизнь одного моего поколения показала ту общность людей, которая называется суворовцами.

Нет таких профессий, которые не освоили бы питомцы суворовских училищ. В стране есть суворовцы-космонавты, суворовцы-писатели, профессора и артисты, музыканты, врачи и выдающиеся спортсмены, не говоря уже о чисто военных профессиях. Новочеркасское СВУ дало Родине сотни прекрасных полководцев, военачальников в больших званиях. Более двадцати генералов, сорок ученых докторов и кандидатов наук. Среди воинов-интернационалистов - участников кубинских и афганских событий - есть питомцы Новочеркасского СВУ, награжденные орденами Родины.

В первые часы чернобыльской катастрофы первым комендантом Чернобыльской АЭС стал полковник Долгополов Виталий Семенович, специалист высокого класса в этой области. Это он наделен был высокими полномочиями советским правительством, это он и его команда в самых тяжелых

экстремальных условиях давали правительственной комиссии самые точные данные о положении дел в опасной зоне. Это и по его рекомендациям отдавались правительственные распоряжения, касающиеся защиты людей и окружающей среды.

До восьмого мая бывший суворовед-новочеркасец полковник Долгополов руководил опаснейшими работами непосредственно около четвертого блока. Работал, не жалея себя, не ради наград и почестей, пока не свалился в беспамятстве и не вынесли его на носилках из опасной зоны.

В этом примере вся сущность людей, которые с гордостью называют себя суворовцами.

Если я кого не упомянул в своем сбивчивом рассказе, пусть не поминают меня лихом. Если же кто пожелает дополнить мои воспоминания и сделает это наилучшим образом, я буду только искренне рад. А, может быть, кто-то захочет помочь мне дополнить повесть важными и интересными эпизодами из жизни питомцев Новочеркасского СВУ, то я готов с благодарностью воспользоваться вашими предложениями при доработке книги.

Заранее всех благодарю за возможную помощь!

Автор